

Лара Эдриан

Полночные узы

www.megabook.do.am

Аннотация

Вампирская сага "Властелины полуночи" является признанным бестселлером в Соединенных Штатах, переведена на 15 языков и по праву занимает верхние строчки рейтингов ведущих книжных интернет-порталов!

Искренняя любовь и пагубная страсть, кровавая месть и борьба за власть, вероломное предательство и верность долгу, - все это и многое другое в захватывающих романах Лары Эдриан!

На протяжении тысячелетий эти могущественные вампиры жили среди людей - пили человеческую кровь и брали в жены земных женщин. Но однажды хрупкое равновесие в мире было нарушено: страшная эпидемия Кроважадности расколола древний Род пополам. Обезумевшие Отверженные посмели бросить вызов благородным воинам Ордена, развязав жестокую войну, в которой проигравшего

ожидает смерть. Когда на карту поставлены жизнь и благополучие всего Рода, любовь становится запретным плодом, который, как известно, очень сладок...

Опасно раненный в схватке с врагами отважный воин-вампир по имени Данте находится между жизнью и смертью. Чтобы спастись, ему необходимо выпить несколько глотков крови, и Данте в отчаянии набрасывается на случайно оказавшуюся рядом женщину. Однако заметив особую метку на руке незнакомки, вампир понимает, что совершил непоправимую ошибку: попробовав кровь этой женщины, он навечно связал себя с ней нерушимыми узами. Пытаясь примириться с жестокой реальностью, Данте сближается со своей спасительницей, но неожиданно обнаруживает страшную правду: женщина, с которой он отныне соединен узами крови, замешана в истории с опасным наркотиком, превращающим вампиров в безжалостных убийц.

Лара Эдриан

Полночные узы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Большим пальцем скользя по гладкой шее женщины, Данте задержался там, где мягкими толчками билась сонная артерия. Его пульс участился, реагируя на вибрацию крови под белой, нежной кожей. Данте склонил черноволосую голову и коснулся губами заветного места, провел по нему языком, ощущая сердцебиение женщины.

— Скажи мне, — сквозь тяжелые удары клубной музыки тихо пророкотал он, почти не отрывая губ от теплой шеи женщины, — ты добрая ведьма или злая?

Женщина сидела у него на коленях, обвив его ногами, обтянутыми колготками в сеточку, она томно выгнулась, так что грудь едва не выпрыгнула из черного кружевного бюстье и не коснулась подбородка Данте. Женщина накрутила на палец ярко-фиолетовый локон парика и отпустила, позволяя ему по татуировке в виде кельтского креста соблазнительно соскользнуть в ложбинку между грудей.

— О, я очень, очень злая ведьма.

— Именно таких я люблю, — пробормотал Данте.

Глядя в ее пьяные глаза, он улыбнулся, смело обнажая клыки. В ночь Хеллоуина бостонский клуб просто кишел вампирами, хотя большинство из них были всего лишь переодетыми людьми: они сверкали пластиковыми клыками, щеголяли пятнами фальшивой крови и демонстрировали прочие нелепые атрибуты вампиров. И только Данте и еще несколько толкавшихся вокруг танцпола парней из Темной Гавани, одного из тайных убежищ в Бостоне, были настоящими.

Они принадлежали к Роду вампиров, но мало походили на бледных существ из пыльных склепов готических замков, ничего общего с ходячими мертвецами или дьявольскими отродьями, встречающимися в людском фольклоре. Данте и его собратья были теплокровными гибридами *homo sapiens* и свирепых пришельцев с другой планеты. Основатели Рода, группа межпланетных завоевателей, потерпевших крушение на Земле тысячелетия назад, давно умерли, но детям, родившимся от земных женщин, передали жажду крови — потребность, от удовлетворения которой зависело выживание.

Гены могущественных и злобных предков дали представителям Рода огромную силу и вместе с тем сделали их уязвимыми. Только благодаря крови земных матерей

вампиры оставались в цивилизованных рамках и придерживались установленного порядка. Но были и такие, что, поддавшись инстинкту, превращались в Отверженных — шли по пути крови и безумия.

Данте презирал таких, он принадлежал к касте воинов Рода, его долгом было уничтожить отверженных собратьев. Он не мог сказать, что доставило бы ему большее удовольствие — прижаться губами к теплой женской шее и глотнуть пьянящей крови или вонзить титановый клинок в Отверженного и испепелить его прямо на улице ночного города.

— Можно я их потрогаю? — Ведьма в фиолетовом парике с восхищением смотрела на обнажившиеся клыки Данте. — Черт возьми, они выглядят как настоящие! Страшно хочу их потрогать.

— Осторожно, я могу укусить, — предупредил Данте, когда ее пальцы потянулись к его губам.

— Неужели? — рассмеялась женщина, в притворном удивлении выпучив глаза. — Не стану спорить, мой сладкий, ты действительно можешь укусить.

Данте втянул ее палец в рот, обдумывая, как одним движением опрокинуть женщину на спину. Ему требовалось утолить голод, но он ничего не имел против секса в процессе, в качестве прелюдии или завершения — не важно. В любом случае это доставляло ему наслаждение.

Секс будет завершением, решил он, прикусывая кончик пальца женщины. Она ойкнула, когда Данте, не отпуская пальца, вытянул капельку крови из ранки. Вкус крови разжигал голод и страсть. Глаза Данте вспыхнули янтарно-желтым пламенем, зрачки сузились в вертикальные щелки, член напрягся, увеличиваясь в размерах, натягивая черные кожаные брюки.

Женщина застонала, кошкой выгибаясь на его коленях. Данте отпустил палец, положил руку ей на затылок и притянул к себе. Обычно он не пил кровь Донора в открытую, но неизменно следовать одному и тому же правилу скучно. Данте хотел чего-то новенького и был уверен, что сегодня ночью это не привлечет внимания: атмосфера клуба была наэлектризована напускным ужасом и откровенной сексуальностью. Что касается сидевшей у него на коленях женщины, то, пока он пьет ее кровь, она будет испытывать одни лишь приятные ощущения. После она ничего не вспомнит, он сотрет все связанные с ним события из ее памяти.

Данте наклонился, поворачивая голову женщины набок, его рот наполнился слюной. Взгляд случайно скользнул вверх и наткнулся на двух вампиров Рода, наблюдавших за ним с расстояния в несколько ярдов: совсем юные, очевидно, они принадлежали к последнему поколению вампиров. Они перешептывались, явно узнав в нем воина и решая, как к нему подойти.

«Пошли прочь», — мысленно велел им Данте, разжимая губы и собираясь впиться в горло Донора.

Но его мрачный взгляд и приказ остались незамеченными. Тот, что повыше, блондин в камуфляжных брюках, черной майке и байкерских ботинках, направился к нему. Его товарищ, одетый в мешковатые джинсы, свободную футболку «Lakers» и высокие кроссовки, не отставал от него.

— Черт! — Данте мог простить юношескую неучтивость, но был категорически против того, чтобы на него смотрели во время приема пищи.

— Что случилось? — плаксиво простонала женщина, когда Данте резко отстранился от нее.

— Ничего, дорогая, — Он положил ладонь ей на лоб, стирая из памяти последние полчаса. — Иди, тебя ждут друзья.

Женщина послушно сползла с его коленей и пошла прочь, мгновенно растворившись в толпе танцующих. Вампиры мельком глянули ей вслед, приближаясь к столику Данте.

— Чего надо, парни? — вместо приветствия с убийственным равнодушием бросил Данте.

— Привет, — кивнул блондин и встал, сложив на груди крепкие руки. На коже юноши не было видно ни одного дермаглифа, что подтверждало предположение Данте — он принадлежал самому молодому поколению вампиров. Возможно, ему не исполнилось и двадцати. — Прости, что помешали, мы просто хотели сказать, что вы классно расправились с Отверженными несколько месяцев назад. До сих пор только и разговоров о том, как Орден за одну ночь уничтожил целую колонию кровососов. Взорвали в самом логове. Отменный фейерверк получился.

— Да, — подхватил его товарищ, имевший вид пай-мальчика. — И мы хотели спросить... мы слышали, Орден набирает новых членов.

— Это правда?

Данте откинулся на спинку стула и устало выдохнул. Вампиры из Темных Гаваней уже не в первый раз подходили к нему, выражая желание присоединиться к воинам. После рейда, совершенного прошлым летом на базу Отверженных в заброшенном приюте, Орден, некогда тайный, приобрел нежелательную известность, можно даже сказать, славу.

Данте это чертовски раздражало.

Он отодвинулся от стола и резко встал.

— Я не тот, с кем надо говорить на эту тему, — сказал он. — И к вашему сведению, набор в Орден ведется только из приглашенных. Так что извините.

Отшив юнцов, Данте обрадовался завибрировавшему в кармане куртки мобильному. Он достал телефон и нажал на кнопку — звонили из бункера Ордена.

— Слушаю.

— Как дела? — спросил Гидеон, компьютерный гений воинов. — Что происходит на поверхности?

— Пока ничего. Все тихо. — Данте окинул взглядом клуб: двое юнцов направились к выходу, прихватив с собой парочку женщин в костюмах. — Отверженных не видно. Даже скучно, Ги. Я бы поразмялся.

— Ну ладно, не скучай, еще успеешь повеселиться. — По интонации Гидеона Данте догадался, что тот улыбается. — Ночь только началась.

Данте рассмеялся:

— Скажи Лукану, что я спас его еще от двух молокососов, возомнивших себя воинами. Знаешь, честно говоря, мне больше нравилось, когда Орден внушал страх, а не уважение. Как у Лукана идет набор рекрутов? Или он не может оторваться от своей роскошной подружки?

— Он везде успевает, — ответил Гидеон. — Ждем нового кандидата из Нью-Йорка, на днях должен приехать, и еще сработали связи Николая в Детройте. Новичкам решили устроить проверку. Перед серьезным делом испытаем, на что они годятся.

— Вывернем их наизнанку и посмотрим, у кого на лице сохранится довольная улыбка?

— А разве есть иной способ?

— Не забудьте внести меня в список мучителей, — ухмыльнулся Данте и направился к выходу, минуя группу людей, одетых в костюмы зомби: лохмотья, имитирующие истлевшую одежду, разрисованные лица.

Снаружи острый слух Данте уловил сотни звуков — от обычного шума уличного движения до визга и смеха пьяных участников празднования.

Но он услышал и еще кое-что.

Нечто, мгновенно пробудившее его инстинкт воина.

— Ну все, охота начинается, — сообщил он Гидеону. — Чувствую запах кровососа. Похоже, ночь не совсем потеряна.

— Позвони, когда разделаешься с ним.

— Хорошо. — Данте дал отбой и спрятал телефон в карман.

Он свернул в боковую улочку, следуя за тихим рычанием и вонью, которая шлейфом тянулась за Отверженным, вышедшим на охоту. Как и все воины Ордена, Данте презирал собратьев, переступивших черту. Каждый вампир испытывал жажду крови, каждый вампир нуждался в ней, иногда приходилось убивать, чтобы выжить. И каждый знал, сколь тонка грань между утолением голода и обжорством. И если вампир потреблял слишком много за один раз или питался слишком часто, он рисковал пристраститься к крови, его голод разгорался, и не знал удовлетворения, таким образом, возникала болезнь, получившая название — Кровожадность. Заразившись ею, вампир превращался в Отверженного — агрессивного наркомана, постоянно охотящегося за дозой.

Свирепость и разнузданность Отверженных подвергали опасности весь Род — люди могли узнать о его существовании, Орден не имел права допустить это. В последнее время возникла еще одна угроза — число Отверженных увеличилось, и несколько месяцев назад стало очевидно, что их действия кто-то организывает и направляет к определенной цели, а цель эта — война. Если Отверженных не остановить — чем скорее, тем лучше, — то люди и вампиры окажутся в эпицентре кровавой битвы, по ужасу и жестокости сродни Армагеддону.

Сейчас Орден сосредоточил свои усилия на поиске нового штаба Отверженных, задачи воинов на время упростились — они вели ночное патрулирование города и уничтожали кровососов. Испепеляли их, как разносчиков заразы. Эта работа нравилась Данте, ночи напролет с оружием в руках он бродил по улицам Бостона в поисках жаркой схватки. Охота бодрила его, более того, она держала в узде его собственных мрачных демонов.

Данте повернул за угол, крадучись проскользнул в узкий проход между двумя старыми кирпичными зданиями. Где-то впереди в темноте послышался женский крик. Он подстегнул Данте, отбросив осторожность, воин поспешил на звук.

Он увидел Отверженного и двух вампиров из Темной Гавани с их спутницами. Отверженный был молод, длинный черный плащ прикрывал традиционный наряд гота. Несмотря на юный возраст, кровосос оказался высоким, широкоплечим и очень сильным, голод делал его свирепым и беспощадным. Он успел мертвой хваткой схватить одну из женщин и впиться ей в горло, а двое юнцов, мечтавших присоединиться к воинам, стояли рядом, от растерянности разинув рты и оцепенев.

Данте выхватил кинжал из ножен на бедре и метнул в Отверженного. Лезвие с глухим звуком вошло между лопаток. Клинок был особого сплава, с добавлением титана, который для пораженной болезнью крови Отверженного являлся ядом, — вампир начинал стремительно плавиться изнутри.

Но только не этот.

Он бросил в сторону Данте огненный взгляд ярко-желтых, злобных глаз и угрожающе зашипел, обнажая окровавленные клыки. Отверженный выдержал удар клинка и снова припал к горлу жертвы.

«Что за черт?!»

Не теряя ни секунды, Данте выхватил из ножен еще один кинжал и бросился к Отверженному, намереваясь перерезать ему горло. Лезвие вошло глубоко, но Отверженный успел увернуться, прежде чем Данте его прикончил. Завопив от боли, он выпустил жертву и со всей яростью развернулся к Данте.

— Уводите отсюда людей! — крикнул Данте вампирам, выталкивая женщину из центра стычки. — Быстрее! Сотрите им память и убирайтесь отсюда ко всем чертям!

Юнцы наконец очнулись, схватили визжавших от страха женщин и потащили их прочь.

Данте недоумевал: этой ночью творилось нечто странное.

Отверженный получил два удара титановыми клинками, но не расплавился, как это должно было произойти, значит, он не Отверженный, хотя охотился как пораженный Кровожадностью зверь.

Данте смотрел ему в лицо — горящие злобным огнем глаза с тонкими вертикальными полосками зрачков, огромные клыки, рот в розовой зловонной слюне. Исходивший от вампира запах вызвал у Данте приступ тошноты.

Отступив, он прикинул, что этому странному типу примерно столько же лет, как и двум удалившимся юнцам. Не обращая внимания на льющуюся из раны на горле кровь, вампир вытащил из спины кинжал. Его ноздри раздувались, казалось, сейчас он бросится на Данте.

Но он не бросился, а побежал.

Стрелой понесся прочь, полы черного плаща парусом раздувались у него за спиной. Виляя, он углублялся в чрево города. Данте последовал за ним. Мелькали улицы и переулки, вампиры приближались к судостроительным верфям на окраине Бостона, где старые заводы и фабрики застыли на берегу реки, подобно мрачным стражам. Из одного из зданий доносилась музыка, мигали разноцветные вспышки света, по всей видимости, там была вечеринка.

Бегущий впереди вампир повернул к стоявшему на пристани старому, покосившемуся лодочному сараю. Тупик. Яростно сплюнув, он развернулся — рубашка у него на груди была мокрой от крови женщины, рот пенился розовой вонючей слюной, глаза горели злобой. Он с ревом безумного бросился на Данте.

Данте охватила ярость битвы, она превратила его в существо, мало чем отличающееся от нападавшего. Рыча, он опрокинул вампира на доски причала и, придавив коленом грудь, вытащил пару острых *malebranche*¹. Сверкнули кривые лезвия, inferнально прекрасные в лунном свете. И если титан не убил Отверженного, или кем он там был на самом деле, существовали иные способы с ним расправиться. *Malebranche* один за другим резко опустились, отсекая голову обезумевшему вампиру.

Данте ногой толкнул мертвое тело в воду. До утра река скроет его, а когда взойдет солнце, ультрафиолетовые лучи испепелят останки вампира.

Со стороны реки прилетел порыв ветра и принес с собой тяжелый запах промышленных отходов и... чего-то еще. Данте услышал шорох и тут же почувствовал острую, обжигающую боль в ноге — он подвергся новой атаке. И снова боль, на этот раз в спине.

Господи!

Откуда-то со стороны старого завода в него стреляли. Звуков выстрелов не было слышно, но Данте безошибочно определил, что стреляли из автоматической винтовки.

Так скучно начавшаяся ночь неожиданно стала интереснее, чем ему хотелось бы.

¹ *Malebranche* — в «Божественной комедии» Данте демоны (Загребалы в пер. М. Лозинского), охраняющие *Malebolge* (пятый ров Злых Щелей в пер. М. Лозинского).

Данте упал на землю, когда очередная пуля, просвистев, нырнула в воду. Пока он перекатывался, прячась за старый сарай, снайпер успел сделать еще несколько выстрелов. Одна пуля попала в угол крыши, во все стороны полетели щепки. И хотя в бою Данте предпочитал холодное оружие, внушительных размеров девятимиллиметровый пистолет у него тоже имелся. Впрочем, на таком расстоянии от него было мало толку.

Пули свистели вокруг сарая, одна даже оцарапала Данте щеку, когда он высунул голову, чтобы посмотреть, откуда стреляют.

Скверное дело.

Со стороны старого завода вниз по отлогому берегу двигались четыре темные фигуры, хорошо вооруженные. Несмотря на то что вампиры Рода могли жить сотни лет и довольно легко и быстро восстанавливаться после травм, все же они были из плоти и крови. Избыток свинца в теле, особенно в голове, приводил к неизбежной смерти.

Но если погибнуть, то только в бою.

Данте прижался к доскам пристани и ждал. Когда четверо подошли ближе, он выстрелил, попав одному в ногу, другому в голову. Нападавшие были Отверженными, что его слегка удивило, специально изготовленные пули с титановыми наконечниками мгновенно заставили их тела плавиться.

Оставшиеся двое открыли ответный огонь. Шквал пуль вынудил Данте отползти дальше за сарай и потерять выгодную позицию, более того, теперь он не мог следить за противником. Перезаряжая пистолет, Данте прислушался и определил, что Отверженные подобрались на опасно близкое расстояние.

И вдруг все стихло.

Данте выжидал с минуту, оглядываясь по сторонам. Что-то тяжелое со свистом рассекло воздух и грохнулось на деревянный настил.

Господи!

Граната.

Не дожидаясь взрыва, Данте вдохнул поглубже и нырнул в воду. В следующее мгновение сарай и полпристани взлетели в воздух гигантским облаком пламени, дыма и шrapнели. Под толщей темной речной воды удар взрывной волны был похож на сверхзвуковой хлопок. Данте почувствовал, как голову откинуло назад, а тело придавила невыносимая тяжесть. В ослепительно-ярком зареве на поверхность воды ливнем обрушились обломки досок.

Перед глазами все поплыло, и Данте потерял сознание. Река подхватила его, истекающего кровью, и понесла.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Срочная доставка для доктора Тесс Калвер.

Тесс оторвала взгляд от карты пациента, подняла голову и, несмотря на поздний час и усталость, улыбнулась:

— Очень скоро я научусь говорить тебе «нет».

— Думаешь, тебе нужно еще немного потренироваться? А что, если я снова попрошу тебя выйти за меня замуж?

Тесс вздохнула и покачала головой, глядя на светящееся лицо с голубыми глазами и ослепительной, типично американской улыбкой.

— Бен, я говорю не о нас. И сейчас, вообще-то, не восемь часов вечера. Скоро полночь.

— А ты что, в тыкву собираешься превратиться? — Бен пошире открыл дверь и не спеша вошел в кабинет, приблизился, наклонился и поцеловал ее в щеку — Прости, я действительно чудовищно опоздал. Мои друзья совершенно не считаются со временем.

— Вот как?! Ну и где же эти твои «друзья»?

— Там, в машине.

Тесс встала, сняла с запястья резинку и стянула волосы в хвост. Русые кудри оставались непослушными даже после укладки, а шестнадцать часов, проведенных в клинике, и вовсе превращали их в беспорядочную копну. Дунув на упавшую на глаза челку, Тесс прошла мимо своего бывшего бойфренда в коридор.

— Нора, приготовь, пожалуйста, шприц с кетамин-ксилазином и смотровую — большую.

— Хорошо, — весело откликнулась ее ассистентка. — Привет, Бен. С Хеллоуином тебя.

Бен подмигнул ей и просиял улыбкой, способной сразить любую женщину.

— Какой восхитительный тирольский костюмчик, Нора. Тебе идет.

— Danke sch²ц². — Нора разулыбалась, польщенная его вниманием, выпорхнула из-за стола приемной и поспешила к комнате, где хранились медикаменты.

— Тесс, а где твой костюм?

— На мне. — Она шла впереди Бена через помещение, где содержались животные. Полдюжины собак мирно спали, а коты бдительно следили за происходящим сквозь прутья клеток. — Он называется «незаконно практикующий ветеринар». Боюсь, полиция скоро арестует меня за это.

— Я не допущу, чтобы ты попала в неприятности.

— А ты? — Тесс толкнула дверь, ведущую на склад. — Бен, ты занимаешься опасным делом, подвергаешь себя серьезному риску.

— Доктор, вы обо мне беспокоитесь?

— Конечно, я беспокоюсь о тебе. Ты же знаешь, что я тебя люблю.

— Да, — обиженно вздохнул Бен, — как брата.

Дверь черного хода ветеринарной клиники, которую Тесс арендовала за небольшую плату, выходила в узкий переулок, тянувшийся вдоль берега реки. Обычно переулок был безлюдным, разве что бездомные иногда отдыхали тут, привалившись спиной к стене клиники. Неудивительно, что Бен припарковал свой фургон именно здесь. Из машины доносилось тихое рычание и фыркание, она слегка раскачивалась, словно внутри некто внушительных размеров расхаживал взад и вперед.

Сомнений не оставалось, в фургоне действительно находилось крупное животное.

— Кого ты привез на этот раз?

— Не волнуйся, киска хоть и большая, но послушная, как котенок. Ручаюсь.

Тесс недоверчиво посмотрела на Бена и, спустившись с бетонной ступеньки, подошла к задним дверям фургона.

— Можно узнать, где ты раздобыл эту киску?

— Боюсь, я должен сохранить это в тайне.

Почти пять лет Бен Салливан занимался тем, что в частном порядке спасал экзотических животных от нерадивых хозяев, неспособных обеспечить им надлежащие условия существования. Изо дня в день он, как тайный агент, собирал сведения и проводил разведку. Затем проникал туда, где незаконно или в плохих условиях, голодные и больные, содержались животные, освобождал их и доставлял в государственные или частные заповедники для реабилитации и дальнейшего проживания. Иногда по дороге в заповедник он заезжал к Тесс, если требовалась срочная ветеринарная помощь.

² Большое спасибо (нем.).

Именно так они и познакомились два года назад. Бен привез к ней сервала, выкраденного у наркодилера. Экзотический кот разорвал и проглотил резиновую собачью игрушку, которая заблокировала ему кишечник. Требовалась срочная операция. Она была болезненной и достаточно долгой, но Бен все это время находился рядом с операционным столом. После этого они с Тесс еще несколько раз встречались — исключительно по делу.

Тесс не заметила, как флирт превратился во влюбленность. По крайней мере, Бен влюбился в нее по-настоящему. Она тоже испытывала к нему расположение, даже восхищалась им, но считала, что они всего лишь друзья, между которыми иногда случалась интимная близость. Она не видела перспективы этих отношений, а в последнее время у нее и сексуальный пыл к Бену угас.

— Не будешь ли ты столь любезен показать мне, кто у тебя в фургоне? — спросила Тесс.

Бен открыл дверцы.

— Боже, — в благоговейном восторге и страхе выдохнула Тесс.

Ее взору предстал бенгальский тигр, истощенный, в проплешинах, с открытой кровоточащей раной на передней лапе — очевидно, след от цепи, на которой его держали. Но даже в таком плачевном состоянии величественный хищник вызывал восхищение. Тигр смотрел на людей, вывалив язык и тяжело дыша, от страха его зрачки расширились и глаза сделались почти черными. Он зарычал и ударился головой о прутья клетки.

Тесс осторожно подошла к животному поближе:

— Знаю, детка, тебе больно и страшно.

Она нахмурилась, обратив внимание на странную форму передних лап.

— Когти обрезаны? — спросила она, не скрывая презрения к бывшим хозяевам тигра.

— И клыки спилены.

— Господи, если люди решили завести такое красивое животное, зачем же его так уродовать?

— А ты хотела бы, чтобы твой рекламный символ растерзал на куски клиентов и их отпрысков?

Тесс посмотрела на Бена:

— Рекламный символ? Ты имеешь в виду оружейный магазин на... — Она резко замолчала и покачала головой. — Все, ничего не хочу знать. Давай занесем этого котенка ко мне, я его осмотрю.

Бен вытащил специальный пандус для спуска больших клеток.

— Залезь в машину и придержи клетку сзади, а я возьмусь спереди, где потяжелее.

Тесс залезла в фургон, и они совместными усилиями выкатили клетку на тротуар. На пороге клиники их ждала Нора. Увидев тигра, она ласково заворковала с животным, а потом одарила Бена восхищенным взглядом.

— Боже правый, неужели это Шива? Я столько лет мечтала, что он вырвется и убежит из этого ужасного места. Так ты выкрал Шиву?!

Бен усмехнулся:

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, *liebchen*³. Эта большая кошка просто заблудилась и прилегла отдохнуть у моего порога. Я решил, пусть наш чудо-доктор ее немного подлечит, пока я ищу для этой милой киски новый дом.

— Ты такой непутевый, Бен Салливан! Но отныне ты мой герой.

³ Дорогая (нем.).

Тесс махнула своей ассистентке, восхищенной подвигом Бена:

— Нора, помоги мне, пожалуйста. Возьмись с этого края, нам нужно перетащить клетку через порог.

Втроем они вкатили клетку в коридор клиники, затем в большую смотровую, которая совсем недавно была оборудована внушительных размеров подъемным столом — щедрость Бена. У самой Тесс на такую роскошь не хватило бы средств. Несмотря на то что у нее была постоянная клиентура, клиника находилась в достаточно бедном районе города. Тесс установила довольно низкие расценки на свои услуги даже для этого района, считая, что важнее делать доброе дело, нежели извлекать прибыль.

К сожалению, ее арендодатель и поставщики медикаментов придерживались иного мнения. На столе у Тесс скопилось целая пачка счетов, требовавших немедленной оплаты. Ей придется воспользоваться скудными личными сбережениями, а когда они иссякнут...

— Транквилизатор на столе, — сообщала Нора, отвлекая ее от безрадостных мыслей.

— Спасибо.

Тесс опустила закрытый колпачком шприц в карман медицинской куртки. Она подумала, что он ей может и не понадобиться, судя по тому, каким вялым и послушным оказался ее пациент. Сегодня Тесс собиралась только произвести осмотр, оценить общее состояние животного и решить, что нужно сделать, чтобы облегчить транспортировку тигра к его новому дому.

— Как ты думаешь, Шива — или как там на самом деле зовут этого потеряшку — сможет сам забраться на стол или нам придется воспользоваться подъемником? — спросила Тесс, глядя на Бена, открывавшего клетку.

— Сейчас посмотрим. Ну, давай, парень, выходи.

Тигр с минуту колебался, опустив голову и настороженно оглядывая ярко освещенную смотровую. Подбадриваемый Беном, он все же вышел из клетки и запрыгнул на металлический стол. Пока Тесс, тихонько приговаривая, гладила его большую голову, тигр принял позу сфинкса, демонстрируя воспитание, присущее не каждому домашнему коту.

— От меня еще что-то требуется или я могу идти? — спросила Нора.

Тесс кивнула:

— Конечно иди. Спасибо, что задержалась. Я очень ценю это.

— Без проблем. Вечеринка, на которую я собираюсь, все равно раньше полуночи не начнется. — Нора откинула назад длинные светлые косы. — Ну, я побежала. Буду выходить, дверь закрою. Всем доброй ночи.

— Доброй ночи, — хором ответили Бен и Тесс.

— Славная девочка, — сказал Бен, когда Нора ушла.

— Да, она славная, — согласилась Тесс, перебирая густую шерсть Шивы в поисках ран и опухолей. — Но только, Бен, она не девочка. Ей уже двадцать один год, она на последнем курсе университета и скоро получит диплом ветеринара. Из нее может получиться очень хороший врач.

— Лучше тебя никого не может быть. У тебя просто волшебные руки.

Тесс пожала плечами, выражая равнодушие к комплименту, хотя он и был вполне заслуженным. Даже Бен не знал насколько. Она и сама не вполне понимала природу своих магических способностей, но хотела бы избавиться от них. Почувствовав неловкость, Тесс скрестила на груди руки, пряча ладони.

— Бен, и ты уезжай. Оставь Ши... — Тесс откашлялась и, вздернув бровь, посмотрела на Бена. — Пусть пациент на ночь останется у меня для осмотра. Я пока не

буду делать никаких процедур, а утром позвоню тебе и сообщу, какие проблемы я у него обнаружила и какое лечение требуется.

— Выгоняешь меня? А я думал, что смогу уговорить тебя поужинать вместе.

— Я уже давно поужинала.

— Тогда, может быть, позавтракаем? У меня или у тебя — выбери.

— Бен... — Тесс отстранилась, когда он протянул руку и погладил ее по щеке. Его ладонь была теплой, нежной и такой родной. — Мы уже не раз говорили на эту тему. И не надо вновь к ней возвращаться...

Бен застонал — низкий, гортанный и очень сексуальный звук. Когда-то эти стоны парализовывали волю Тесс, но только не сегодня. Она не должна идти у него на поводу. Тесс казалось бесцельным лечиться с Беном в постель, зная, что он хочет от нее большего, того, чего она ему дать не может.

— Я подожду, пока ты закончишь осмотр, — предложил Бен, отходя от нее. — Мне не нравится, что ты останешься здесь одна. Это не самый безопасный район.

— Все будет хорошо. Я осмотрю пациента, сделаю необходимые записи, и все. Это быстро.

Бен нахмурился и сердито глянул на Тесс, намереваясь поспорить с ней, но она тяжело вздохнула и так посмотрела на него, что сразу остудила его пыл. За два года их отношений Бен отлично усвоил, что означает этот взгляд.

— Ну ладно,— неохотно согласился Бен. — Но только не задерживайся здесь надолго. И обещай, что утром, как только проснешься, сразу же мне позвонишь.

— Обещаю.

— Ты уверена, что справишься с Шивой?

Тесс посмотрела на измученного тигра, который начал лизать ей руку, когда она попыталась его погладить.

— Думаю, справлюсь. Он не опасен.

— Что я говорил, доктор? Волшебные руки. Похоже, он тоже в тебя влюблен. — Бен провел рукой по светлым волосам и обиженно посмотрел на Тесс, — Выходит, чтобы завоевать твое сердце, я должен отрастить клыки и покрыться шерстью?

Тесс улыбнулась и закатила глаза:

— Иди домой, Бен. Утром я тебе позвоню.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тесс вздрогнула и проснулась.

Черт, сколько времени она спала? Она сидела у себя в кабинете, карта Шивы лежала открытой на столе у нее под щекой. Тесс помнила, как покормила истощенного тигра, заперла его в клетке и приступила к описанию состояния животного. Это было — она посмотрела на часы — два с половиной часа назад? Сейчас почти три. Ее клиника открывалась в семь.

Тесс широко зевнула и потянулась.

Слава богу, она проснулась до прихода Норы, в противном случае ей пришлось бы...

Со стороны черного входа послышался громкий глухой удар.

«Что за черт?»

Видимо, минуту назад ее разбудил точно такой стук?

Должно быть, Бен проезжал мимо и заметил в кабинете свет. Не в первый раз он ночью проверяет ее. Тесс не собиралась выслушивать его нотации по поводу чрезмерного усердия на работе или упорства, с каким она отстаивала свою независимость.

Снова донесся звук глухого удара, за ним последовал резкий металлический звон, будто что-то тяжелое задело стеллаж.

Похоже, в помещении склада кто-то был.

Тесс встала из-за стола и, прислушиваясь, сделала несколько осторожных шагов к двери кабинета. Восстанавливающиеся после операций животные в клетках проснулись и забеспокоились. Кто шипел, кто выл, кто тихо, угрожающе рычал.

— Эй? Кто здесь? — спросила Тесс. — Бен, это ты? Нора?

Никакого ответа. Пугающие звуки стихли.

«Отлично. — Теперь грабитель знает о ее присутствии в клинике. — Замечательно, доктор Калвер, ты поступила как настоящая идиотка».

Тесс попыталась успокоить себя простейшими логическими рассуждениями. Возможно, это бездомный каким-то образом пробрался внутрь, чтобы скоротать остаток ночи в тепле. Может, это вовсе и не грабитель и нет никакой опасности.

Да? Но почему у нее волосы встали дыбом от ужаса?

Ощущая себя беспомощной, Тесс сунула руки в карманы куртки. Нащупала шариковую ручку и еще что-то.

Точно. Это же шприц с транквилизатором, лекарства достаточно, чтобы свалить с ног стокилограммовое животное.

— Кто здесь? — повторила Тесс, стараясь придать голосу уверенность. Она замерла у стойки в приемной, прислушалась и потянулась к телефону. Чертов аппарат был стационарный, куплен по дешевке на распродаже, и через стойку трубка не дотягивалась до уха. Тесс обошла большую U-образную стойку, тревожно поглядывая в сторону склада, и набрала «9-1-1», — Тебе лучше уйти по-хорошему, я звоню в полицию.

«Нет... пожалуйста... не бойся...»

Голос был такой тихий, что она не должна была его услышать. Но она слышала слова так отчетливо, словно их прошептали над самым ее ухом. Казалось даже, что они прозвучали у нее в голове.

Раздался сухой, отрывистый кашель — сомнений не осталось, на складе кто-то прятался. По звуку было ясно: этот кто-то испытывал сильную боль, близкую к агонии.

— Черт.

Тесс затаила дыхание и повесила трубку прежде, чем раздалась гудки. Она медленно направилась к складу, даже не предполагая, что может там увидеть, и вообще не испытывая никакого желания на что-либо смотреть.

— Эй? Что ты здесь делаешь? Ты ранен?

Тесс открыла дверь склада и сделала шаг внутрь. Она услышала тяжелое дыхание, почувствовала резкий запах речной воды и дыма, а еще крови — большого количества крови.

Тесс включила свет.

С легким жужжанием, ослепляя, вспыхнули над головой флуоресцентные лампы, освещая массивное, израненное тело мужчины в насквозь промокшей одежде, лежащее на полу у одного из стеллажей. Он был в кожаной куртке, футболке, байкерских кожаных штанах и высоких военных ботинках на шнуровке — все черного цвета, как у гота. Даже волосы у него были черные, они падали мокрыми прядями, закрывая опущенное лицо. От приоткрытой двери черного хода к мужчине тянулась дорожка из крови и воды. Вероятно, он заполз на склад, не в силах держаться на ногах.

Если бы Тесс не привыкла к ужасному виду травмированных в дорожных авариях, избитых или пострадавших при других обстоятельствах животных, она не смогла бы спокойно смотреть на раны незнакомца.

Страх мгновенно исчез, проснулся инстинкт врача, готового до конца бороться за жизнь пациента. На смену эмоциям пришло холодное спокойствие, мозг работал быстро и четко.

— Что с вами случилось?

Мужчина застонал и слабо качнул головой, словно не желал об этом говорить или просто физически не мог.

— Все ваше тело покрыто ожогами и ранами. Господи, их не менее сотни. Несчастный случай? — Тесс посмотрела на его руку, прижатую к животу: сквозь пальцы сочилась кровь. — Рана в животе... и нога. В вас стреляли?

— Кровь... мне нужна... кровь...

В этом он действительно был прав. Пока мужчина лежал на полу, под ним образовалась темно-красная липкая лужица. Еще больше крови он, должно быть, потерял, пока полз сюда. Его лицо, шею и руки покрывали глубокие порезы и ссадины. Лицо и губы были бледными, как у привидения.

— Вам нужно в больницу, я вызову «скорую», — сказала Тесс. Она не хотела расстраивать незнакомца, но он действительно был в очень плохом состоянии. — Полежите пока здесь, я позвоню «девять-один-один».

— Нет! — Мужчина с трудом приподнялся и в тревоге протянул к ней руку. — Никакой больницы! Не могу... я не могу туда поехать... Они мне... не помогут.

Не слушая его возражений, Тесс развернулась, чтобы бежать к телефону, и вдруг вспомнила, что у нее в смотровой украденный тигр. Его присутствие здесь будет трудно объяснить сотрудникам «скорой помощи» или, боже упаси, полиции. Оружейный магазин, вероятнее всего, уже заявил о пропаже тигра или сделает это рано утром.

— Пожалуйста, — простонал истекавший кровью мужчина, — не надо врачей.

Тесс молча посмотрела на раненого. Ему нужна серьезная медицинская помощь, причем срочно. К сожалению, эту помощь сейчас могла оказать ему только она. Тесс не знала, что конкретно ей следует сделать. Может быть, наскоро наложить швы и повязки, так чтобы он мог передвигаться и покинул клинику, не навлекая на нее неприятности?

— Хорошо, — согласилась она, — «скорую» вызывать не буду. Я сама в какой-то степени врач. Это моя ветеринарная клиника. Вы не против, если я подойду и осматрю вас?

Незнакомец скривил губы и шумно выдохнул. Тесс приняла это за согласие.

Она подошла и присела рядом с ним. Издалека он казался крупным мужчиной, вблизи — огромным, не менее шести с половиной футов росту и более двухсот пятидесяти фунтов весу, груды крепких, накаченных мышц. Может, он занимается бодибилдингом? Один из тупоголовых мачо, которые всю жизнь проводят в тренажерных залах. Но было в нем что-то такое, что не соответствовало этому типу. Казалось, этот парень зубами может разорвать спортивный мат.

Едва касаясь, Тесс провела руками по его голове, пытаясь определить, есть ли повреждения: кости целы, лишь легкое сотрясение мозга. Возможно, он все еще находился в состоянии шока.

— Не бойтесь, я просто проверю глаза, — тихо произнесла Тесс, поднимая веко.

«Что за черт?»

Она отпрянула в страхе и растерянности — янтарного цвета глаз рассекала узкая полоска зрачка.

— Что это?..

Объяснение мгновенно пришло в голову, и Тесс почувствовала себя идиоткой оттого, что так легко потеряла самообладание.

Контактные линзы по случаю Хеллоуина.

«Успокойся, — приказала себе Тесс. — Нет повода нервничать. Парень, вероятно, был на вечеринке, потом там что-то произошло. И сейчас из-за этих дурацких линз ничего нельзя определить по его глазам».

Возможно, он веселился среди таких же, как он, крутых парней — судя по виду, незнакомец вполне мог принадлежать к какой-нибудь бандитской группировке. Однако непохоже, что он принимал наркотики, да и запаха алкоголя Тесс не ощущала, только дым, причем вовсе не сигаретный.

Казалось, он прошел сквозь огонь, а потом нырнул в темные воды Мистик-ривер.

— Вы можете шевелить руками и ногами? — спросила Тесс, перемещаясь так, чтобы проверить его конечности. — Переломы есть?

Она провела ладонями по его мускулистым рукам, не обнаружив повреждений костей. Ноги тоже были целы, если не считать пулевого ранения в левой икре. Тесс определила, что пуля прошла навылет. Как и та, что попала в спину. Повезло парню.

— Нужно перейти в смотровую. Сумеете подняться, если я помогу?

— Кровь... — прерывисто выдохнул мужчина. — Срочно...

— Простите, ничего не могу сделать. Для этого нужно отправиться в больницу. А сейчас давайте поднимемся с пола и снимем мокрую, рваную одежду. Одному богу известно, каких бактерий вы нацепляли в речной воде.

Тесс взяла его под мышки и, подбадривая, начала поднимать. Он зарычал глухо, как зверь. Губы растянулись, обнажая зубы.

«Ну и дела, какие они у него странные. Клыки, что ли?..»

Как у огромной собаки...

Словно почувствовав ее тревогу, незнакомец открыл глаза, обжигая Тесс янтарным огнем, и тут ее охватила паника. Черт возьми, это не контактные линзы. Сейчас она была в этом абсолютно уверена.

«Господи, с этим парнем что-то не так».

Незнакомец крепко схватил ее за плечи. Тесс в испуге закричала и попыталась вырваться, но он был слишком сильным. Руки держали ее железными клещами. Тесс завизжала, от ужаса вытаращив глаза, когда мужчина притянул ее совсем близко к себе.

— Господи, нет!

Незнакомец склонил окровавленное, покрытое синяками лицо к ее горлу и резко вдохнул, касаясь губами кожи.

— Тсс, — тихо, мучительно прошептал он, обдавая ее шею теплом. — Я не... сделаю тебе ничего плохого... обещаю...

Тесс слышала, что он ей сказал.

И она ему почти поверила.

Но в следующую секунду ее охватил ужас. Незнакомец открыл рот, и огромные клыки впилась ей в горло.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кровь текла в рот Данте из двух проколов на шее женщины. Он пил жадно и быстро, не в силах обуздать свою дикую природу. Кровь, как спасительный эликсир, струилась по языку в пересохшее горло — бархатистая, теплая, с привкусом корицы.

Возможно, такой потрясающей, невероятно идеальной она казалась из-за отчаянного голода, который испытывал Данте. Он, промерзший до мозга костей, пил тепло женщины. Только это сейчас имело значение.

— Господи, нет! — Голос женщины прерывался от ужаса. — Пожалуйста! Отпусти меня!

Ее пальцы впились в плечи Данте, но постепенно она обмякла и погрузилась в особый транс, который вызывал у человека укусы вампира. Женщина глубоко вдохнула, когда Данте подмял под себя ее безвольное тело, не отрывая губ от шеи, продолжая наполнять себя кровью, в которой так сильно нуждался.

Женщина не страдала, лишь на мгновение ее пронзила острая боль, когда клыки прокалывали плоть. А Данте, напротив, испытывал ужасные муки. Его тело сотрясала дрожь, голова раскалывалась.

«Все хорошо. Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Тебе ничего не угрожает».

Он мысленно успокаивал женщину, продолжая крепко держать ее и делать глоток за глотком.

Несмотря на жестокий голод, усилившийся из-за тяжелых ран, Данте действительно не собирался причинять женщине вред.

«Я возьму только то, что мне крайне необходимо. Потом я уйду, и ты никогда обо мне не вспомнишь».

Силы начали возвращаться к Данте. Порезы, ссадины, раны от пуль и шрапнели затягивались. На местах ожогов нарастала новая кожа. Боль стихала.

Данте ослабил хватку, усилием воли сдерживая жадность, хотя искушение было велико. Еще с первым глотком он отметил особый вкус, которым отличалась кровь этой женщины, но сейчас, когда органы чувств полностью восстановились, Данте смог оценить его в полной мере и насладиться им.

И не только кровью, но и телом.

Под мешковатой медицинской курткой он ощущал, насколько хорошо сложена женщина. Ее грудь плотно прижималась к его груди, ноги переплетались с его ногами. Руки продолжали упираться ему в плечи, но уже не отталкивали, а просто держались за него. Данте сделал последний глоток и оторвал губы от шеи женщины.

Господи, она такая сладкая, что он мог бы, не останавливаясь, пить всю ночь.

«И не только пить», — подумал он, почувствовав эрекцию. Слишком приятно было ощущать под собой незнакомку — милосердного ангела, хоть и не по своей воле спасшего ему жизнь.

Данте вдохнул сладковато-пряный аромат женщины, коснулся губами ранки на шее.

— Спасибо, — прошептал он, обдавая теплом шелковистую кожу. — Сегодня ты спасла меня.

Он провел по ранке языком, закрывая ее и стирая следы укуса. Женщина застонала, потягиваясь и освобождаясь от оцепенения. Ее движения еще сильнее возбуждали Данте.

Но на сегодня достаточно. Хотя женщина ничего не будет помнить, ему казалось отвратительным овладеть ею в луже крови и грязной речной воды. Особенно после того, как он с яростью зверя клыками впился ей в горло.

Данте приподнялся и поднес к лицу женщины правую ладонь. Она вздрогнула и насторожилась. Он посмотрел в ее широко раскрытые чарующие зеленовато-голубые глаза.

— Господи, ты такая красивая, — произнес он слова, которые много раз говорил женщинам, но никогда прежде не вкладывал в них такого смысла.

— Пожалуйста, — прошептала женщина, — не делай мне ничего плохого.
— Я не сделаю, — ласково пообещал Данте. — Просто закрой глаза, ангел. Когда ты их откроешь, меня здесь не будет.

Он прижмет ладонь к ее лбу, и она все забудет.

— Все хорошо, — сказал он, когда женщина напряглась, пристально глядя ему в глаза, словно ожидая удара. Данте с нежностью любовника убрал с ее лица прядь волос. Женщина напряглась еще больше. — Расслабься. Ты можешь доверять...

Он почувствовал острую боль в бедре.

Злобно зарывав, Данте перекатился на спину.

— Что за черт?

Боль превратилась в жар и обжигающей кислотой растеклась по телу. Во рту появился горьковатый привкус, перед глазами все поплыло. Данте попытался подняться, но снова рухнул на пол, тело налилось свинцом и не слушалось его.

Задышавшись от страха, его ангел с широко раскрытыми зеленовато-голубыми глазами склонился над ним. Красивое лицо женщины то появлялось, то вновь исчезало в тумане. Одной рукой она касалась шеи как раз в том месте, куда Данте укусил ее, вторая, с крепко зажатым в ней пустым шприцем, была поднята вверх.

Господи.

Она сделала ему укол.

Но это было не самое ужасное открытие. Затуманенный взгляд Данте остановился на маленькой ручке, свалившей его одним ударом. На ней между большим и указательным пальцами в складочках кожи скрывалось родимое пятнышко — темно-красного цвета, не больше десятицентовой монетки. Капля, падающая в чашу полумесяца, отпечаталась в угасающем сознании Данте.

Редчайшая метка, генетический штамп — эта женщина предназначена для мужчин Рода.

Подруга по Крови.

Наполнив себя ее кровью, Данте невольно связал себя с нею сакральными узлами.

По закону Рода отныне эта женщина принадлежала ему.

Неизбежно.

Навечно.

Сейчас он меньше всего желал этого. Ему это было совсем не нужно.

Данте готов был завывать от отчаяния, но с губ слетело лишь тихое, бессвязное ворчание. Он вяло приподнял веки и потянулся к женщине, но рука тяжело упала. Веки опустились. Данте застонал, и лицо его спасительницы исчезло в тумане.

Женщина посмотрела на него и зло выпалила:

— Спи крепко, псих несчастный!

Тесс, тяжело и прерывисто дыша, отстранилась от напавшего на нее незнакомца. Она не могла поверить в то, что с ней случилось, и особенно в то, что ей удалось спастись от этого сумасшедшего.

«Спасибо транквилизатору», — подумала Тесс. И слава богу, что она сохранила достаточно самообладания, чтобы вспомнить о шприце в кармане и суметь им воспользоваться. Тесс посмотрела на шприц, который продолжала держать в руке, и похолодела.

Черт, она всадила ему полную дозу.

Неудивительно, что он рухнул как подкошенный. И проснется теперь очень не скоро. Тысяча восемьсот миллиграммов транквилизатора, предназначенного для животных, слишком много даже для такого буйвола, как этот.

Внезапно Тесс охватила тревога.

Что, если она убила его такой большой дозой?

Понимая, что не стоит беспокоиться об идиоте, несколько минут назад прокусившем ей горло, Тесс вновь приблизилась к незнакомцу.

Он не двигался.

«Дышит», — с облегчением констатировала Тесс.

Мужчина лежал на спине, вытянувшись в полный рост и раскинув мускулистые руки. Похожие на огромные боксерские перчатки кисти, державшие ее как в тисках, теперь были расслаблены и неподвижны. Его лицо, прежде скрытое волосами, оказалось красивым.

Нет, красивым — это, пожалуй, слишком. Даже в бессознательном состоянии черты незнакомца казались резкими: черные, прямые линии бровей, четко обозначенные скулы и впалые щеки. Вероятно, когда-то нос мужчины имел идеальную форму, но сейчас его портила горбинка — следствие перелома, возможно даже не одного.

Было в этом мужчине нечто странно знакомое, хотя Тесс не сомневалась, что никогда его не видела. С парнями такого типа она не имела никаких дел, сама мысль о том, что он мог приходить к ней в клинику, казалась абсурдной.

Совершенно точно — раньше она его не видела и очень надеялась, что после того, как полиция заберет его, больше не увидит.

Под промокнутой кожаной курткой Тесс заметила блеск металла, она чуть приподняла полу, и у нее перехватило дыхание: в ножнах покоились два больших, устрашающе изогнутых стальных клинка. Она приподняла другую полу — пустая кобура. На черном широком поясе, стягивавшем узкие бедра незнакомца, висел целый арсенал оружия для рукопашного боя.

Опасный парень, без всяких сомнений. Какой-нибудь отъявленный головорез, сцепившийся с кем-то из бандитов этого района. Все в нем внушало страх, от него исходила необъяснимая сила.

И только чуть приоткрытые губы были мягкими и чувственными, бесстыдно красивыми. Такие могли сбить с толку и очаровать любую женщину.

Тесс не желала, чтобы это произошло и с ней.

Она помнила, какие злобные клыки скрывались под этими соблазнительными губами. Осторожно, хотя незнакомец и находился под действием транквилизатора, Тесс приподняла верхнюю губу, чтобы лучше рассмотреть клыки.

Их не было.

Ряд жемчужно-белых зубов. Если клыки и были искусственными, то выглядели они как настоящие. И они куда-то бесследно исчезли.

Ерунда какая-то.

Тесс огляделась, фальшивых клыков нигде не было видно. Незнакомец не мог их выплюнуть, и они ей не почудились.

Иначе каким образом он сумел бы с такой легкостью прокусить ей горло? Тесс потрогала место укуса — кожа гладкая, ни липкой крови, ни припухших бугорков. Она провела рукой по всей шее — никаких болезненных ощущений.

— Не может быть.

Тесс выпрямилась и поспешила в ближайшую смотровую, включила свет, подошла к настенному контейнеру с бумажными полотенцами, убрала волосы и взглянула на свое отражение в стальной полированной панели. На коже никаких следов.

Словно нападения и вовсе не было.

— Ничего нет, — сообщила своему удивленному отражению Тесс. — Невероятно! В растерянности она отошла от импровизированного зеркала.

Тесс не знала, что и думать.

Еще полчаса назад она прощалась с жизнью, потому что из ее артерии на шее высасывал кровь какой-то незнакомец, в полубессознательном состоянии заползший в ее клинику, дьявольски сильный, одетый во все черное.

Все это было на самом деле!

Но почему на ее коже ничего не осталось?

Ноги сделались деревянными и плохо слушались, когда Тесс возвращалась из смотровой на склад. Этот негодяй заслуживал наказания за то, что совершил, пусть даже он каким-то образом сумел стереть все следы. Она намеревалась вызвать полицию, чтобы его арестовали.

Тесс приблизилась к открытой двери склада и вошла.

Взгляд остановился на большой луже речной воды и крови на полу. От ее вида к горлу подступила тошнота. Но гораздо страшнее оказалось кое-что другое...

На том месте, где лежал незнакомец, никого не было.

Он исчез.

Несмотря на огромную дозу транквилизатора, он все же сумел как-то подняться и уйти.

— Ты меня ищешь, ангел?

Тесс резко повернулась и закричала.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тесс действовала молниеносно. Увернувшись от незнакомца, она выскочила в коридор. Мысли неслись с бешеной скоростью.

Бежать отсюда.

Взять сумку, деньги, мобильный и бежать...

— Нам нужно поговорить.

Незнакомец странным образом возник прямо перед ней, преграждая путь в кабинет.

Казалось, он просто исчез с того места, где стоял, и материализовался в дверном проеме.

Взвизгнув от ужаса, Тесс резко развернулась и бросилась в приемную. Схватила трубку телефона и нажала кнопку быстрого набора номера.

— Ничего этого не происходит. Ничего этого не происходит, — повторяла Тесс, как мантру, словно это кошмарное наваждение могло исчезнуть, если она проявит достаточно веры.

В трубке послышались гудки.

«Ну, давай же ответь».

— Положи трубку, женщина.

Дрожа от страха, Тесс повернулась. Незнакомец двигался медленно, с невероятной грацией и осторожностью матерого хищника. Он приблизился и, обнажая зубы, прошипел:

— Пожалуйста, положи трубку. Немедленно.

Тесс замотала головой:

— Пошел к черту!

Казалось, трубка сама собой вырвалась у нее из руки и со стуком упала на стол. Тесс слышала в ней голос Бена:

— Тесс? Алло... Это ты, детка? Господи, четвертый час ночи. Что ты делаешь в э...

За спиной раздался громкий хлопок, словно невидимая рука выдернула телефонный провод из розетки. Тесс вздрогнула, в наступившей тишине страх мерзким холодом расплзался по телу.

— У нас серьезная проблема, Тесс.

О господи.

Он разозлился, и он знает ее имя.

Тесс с ужасом отметила, что напавший на нее незнакомец не только пришел в себя после огромной дозы транквилизатора, но каким-то чудесным образом залечил все свои раны. Под слоем грязи и копоти, покрывавшим его тело, многочисленные порезы и ссадины затянулись. Черные кожаные брюки оставались рваными и в пятнах крови, но огнестрельная рана на ноге больше не кровоточила, как и рана в животе.

Неужели все это какая-то злая шутка в ночь Хеллоуина?

Нет, Тесс в это не верила и точно знала, что с этим человеком ни на секунду нельзя расслабляться.

— Моему бойфренду известно, что я здесь. Он уже едет сюда. И он наверняка успел позвонить копам...

— У тебя на руке метка.

— Ч-что?

Его странная фраза прозвучала как обвинение. Незнакомец показал на дрожащую правую руку Тесс, которую она боялась отнять от горла.

— Ты Подруга по Крови. И с сегодняшней ночи ты моя.

Губы незнакомца скривились, словно это обстоятельство его вовсе не радовало. Тесс это тоже не понравилось. Она отступила на несколько шагов назад, ощущая, как кровь стучит в висках, оттого что незнакомец следит за каждым ее движением.

— Послушай, я не понимаю, что здесь происходит. Не знаю, что случилось с тобой сегодня ночью и как ты оказался у меня в клинике. Я не понимаю, как ты мог прийти в себя после такой дозы транквилизатора, способной свалить с ног не одного, а десять человек...

— Я не человек, Тесс.

Она рассмеялась бы, но незнакомец сообщил это с убийственной серьезностью. И с не менее убийственным спокойствием.

Он сумасшедший.

Конечно, он просто сумасшедший.

Слетел с катушек и устраивает безобразные представления.

Иного объяснения Тесс не могла найти. Она испуганно смотрела, как огромный незнакомец приближается, вынуждая ее прижаться спиной к стене.

— Ты меня спасла, Тесс. И хотя ты сделала это по принуждению, твоя кровь залечила мои раны.

Тесс покачала головой:

— Я тебя не лечила. Я даже не уверена, были ли твои раны настоящими. Возможно, ты думал, что Ранен, но...

— Они были настоящими, — произнес незнакомец с легким акцентом. — Без твоей крови я бы не выжил. Но, взяв твою кровь, я совершил нечто необратимое, то, что я не могу исправить.

— Господи! — Тесс охватил ужас, у нее даже голова закружилась. — ВИЧ? Только не говори мне, что у тебя СПИД...

— Это человеческие болезни, — презрительно перебил ее мужчина. — У меня к ним иммунитет, как и у тебя, Тесс.

Этот бред сумасшедшего только разозлил ее.

— Перестань называть меня по имени. Перестань прикидываться, будто ты что-то обо мне знаешь...

— Я не сомневался, что тебе будет трудно принять правду. Я стараюсь все объяснить как можно доступнее. Я в большом долгу перед тобой. Понимаешь, Тесс, ты — Подруга по Крови. Такие женщины играют особую роль для нашего вида.

— Для вашего вида? — переспросила Тесс. Игра незнакомца начинала действовать ей на нервы. — Хорошо, давай короче, кто ты?

— Я — воин Рода.

— Понятно, воин, а род... что за род?

Незнакомец долго смотрел на нее, словно обдумывая ответ.

— Я — вампир, Тесс, — наконец произнес он.

«Боже правый, он не просто сумасшедший...»

Сумасшедшие не разгуливают по городу, возомнив себя пьющими кровь злодеями, и не воплощают свои извращенные фантазии, как этот парень.

Но его укусы не оставили на ее шее никаких следов, хотя Тесс была абсолютно уверена, что незнакомец вцепился ей в горло невероятно острыми клыками и выпил порядочное количество крови.

Более того, получив огромную дозу транквилизатора, он должен был бы неделю как минимум проспать мирным сном, а он не только сумел встать на ноги, но свободно передвигается и еще ведет с нею странный разговор.

Как все это объяснить?

С улицы донесся вой полицейской сирены, он становился все громче и громче, к клинике приближалась патрульная машина. Незнакомец настороженно повернул голову на звук, при этом его глаза цвета виски по-прежнему неотрывно следили за Тесс, криво усмехнулся краешками чувственных губ и чуть слышно выругался.

— Похоже, твой бойфренд обратился за помощью.

Тесс не ответила, она боялась спровоцировать незнакомца в тот момент, когда спасение было совсем рядом.

— Отличный сюрприз под утро, — проворчал он себе под нос. — Не хотелось бы так завершать наш разговор, но выбора у меня нет.

Он поднес руку к лицу Тесс. Она дернулась, уклоняясь, ожидая получить удар, но он просто положил теплую ладонь ей на лоб. Незнакомец наклонился, и она почувствовала легкое прикосновение его губ к щеке.

— Закрой глаза, — прошептал он.

И Тесс погрузилась в мрак.

— Ну что, ребята, ничего подозрительного. Мы проверили все возможные входы в здание, все закрыто. Полный порядок.

— Спасибо, — сказала Тесс, чувствуя себя законченной идиоткой: надо же было в столь поздний, вернее, ранний час устроить такой переполох.

Бен стоял рядом с ней в кабинете, приобняв за плечи, словно защищая, хотя это больше походило на собственнический жест. Бен появился почти сразу за полицейскими, приезд которых вывел Тесс из состояния странно глубокого сна. Очевидно, она заработалась и уснула прямо за столом. Каким-то образом задела телефонный аппарат и нажала кнопку быстрого набора номера. На мобильном Бена высветился номер клиники, и он забеспокоился, не случилось ли чего-нибудь с Тесс.

Бен позвонил в «911», и вскоре два офицера полиции прибыли в клинику.

Они не обнаружили никаких поводов для беспокойства — ни следов взлома, ни проникших внутрь посторонних. Но они нашли Шиву. Разумеется, один из офицеров задал

логичный вопрос: каким образом тигр попал в клинику? Бен утверждал, что случайно встретил его на улице, но это вызвало у офицера скептическую улыбку. Полицейский предположил, что в ночь Хеллоуина животные, которых используют в качестве живой рекламы, могут стать жертвами хулиганских выходок подростков, и Бен тут же с ним согласился.

Он был счастлив, что его не заковали в наручники, а лишь обязали вернуть Шиву в оружейный магазин, как только он откроется, чтобы в полицию не успело поступить заявление о пропаже.

Тесс отстранилась от Бена, подошла к офицеру и протянула руку:

— Спасибо, что приехали. Хотите, я приготовлю чай или кофе? Это займет всего несколько минут.

— Нет, спасибо, мэ. — Его рация затрещала, а затем разразилась потоком новых приказов из дежурной части. В микрофон, прикрепленный к лацкану куртки, полицейский доложил, что в клинике «все чисто». — Ну, мы здесь закончили. Счастливо оставаться. И, мистер Салливан, я уверен, что вы утром вернете тигра его законным владельцам.

— Конечно, сэр, — заверил его Бен и, натянуто улыбнувшись, пожал офицеру руку.

Бен и Тесс проводили полицейских к выходу и дождались, пока патрульная машина скроется из виду.

Бен закрыл дверь клиники и повернулся к Тесс:

— Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Тяжело вздохнув, Тесс кивнула:

— Все хорошо. Прости, Бен, что побеспокоила тебя. Я, должно быть, уснула за столом и нечаянно задела телефон.

— Я тебе постоянно твержу, что не надо засиживаться в клинике до ночи. Ты же знаешь, это не самый спокойный район города.

— До сих пор у меня не было никаких проблем.

— Все когда-нибудь случается впервые, — мрачно констатировал Бен. — Ну ладно, собирайся, я отвезу тебя домой.

— Это очень далеко. Не надо. Я вызову такси.

— Только не сегодня. — Бен взял сумку Тесс и протянул ей. — Я уже проснулся, и моя машина стоит у входа. Так что поехали, Спящая красавица.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Данте вышел из лифта, доставившего его в бункер. Вид у воина был ужасный, пах он отвратительно и чувствовал себя под стать — мерзко. Он кипел от злости, и прежде всего на себя самого, все то время, что спускался на глубину трехсот футов. Именно здесь, под фундаментом одного из дорогих и хорошо охраняемых особняков Бостона, находился принадлежавший Ордену бункер. Данте добрался до него с первыми лучами солнца, готовыми испепелить его чувствительное к ультрафиолету тело.

Это стало бы идеальным финалом такой поганой ночи.

По лабиринту коридоров Данте направился к своим апартаментам. Ему нужен был горячий душ и хороший сон. Он готов был проспать лет двадцать, лишь бы не разбираться с тем, что натворил этой ночью.

— Эй, Ди.

Данте чертыхнулся про себя: как некстати! В конце коридора появился Гидеон, компьютерный гений, правая рука Лукана, главы Ордена. Гидеон держал под

наблюдением бункер и поместье и знал о возвращении Данте с той самой секунды, как вампир появился у ворот.

— Где ты пропал, парень? Ты должен был позвонить и доложить о своих делах еще несколько часов назад.

Данте медленно повернулся и из глубины коридора ответил:

— Я думал, ты догадался, что мои дела приняли нежелательный оборот.

— Черт. — Гидеон бросил на Данте пронизывающий взгляд поверх очков. Затем рассмеялся и тряхнул светлой, коротко стриженной головой. — Ну и видок у тебя, будто только что из самой преисподней. И воняешь, как помойка. Что с тобой случилось?

— Долгая история, — махнул рукой Данте, осматривая свою окровавленную, рваную одежду, на которую налипли тина, грязь и еще бог весть какая гадость, плавающая в водах Мистик-ривер. — Я потом зайду и все расскажу. Сейчас мне нужен душ.

— Понимаю, ты по уши в дерьме и нестерпимо воняешь, но душ подождет. В лаборатории совещание, и у нас гость.

Данте почувствовал нарастающее раздражение.

— Что еще за гость?

— О, тебе понравится, — сказал Гидеон и качнул головой. — Идем, Лукан хочет, чтобы ты обязательно присутствовал.

Тяжело вздохнув, Данте вслед за Гидеоном направился по извилистому коридору к технической лаборатории, где проходили все совещания воинов. Сквозь стеклянную дверь Данте увидел своих собратьев: Лукан, суровый глава Ордена, Николай, специалист по всем видам огнестрельного оружия, и Тиган, как и Лукан, старейший член группы и самый хладнокровный и безжалостный из всех, кого Данте доводилось встречать.

Недавно Орден потерял двоих бойцов. Рио получил тяжелые ранения, когда несколько месяцев назад воины попали в засаду, устроенную Отверженными, и сейчас находился в лазарете бункера. Конлан погиб во время взрыва на железнодорожных путях, который тоже организовали Отверженные.

Среди товарищей Данте увидел незнакомое лицо. Это, вероятно, и был гость, о котором сообщил ему Гидеон. Белая рубашка, темный костюм, безупречно завязанный серый галстук, до блеска начищенные черные кожаные ботинки — он походил на лощеного клерка. Короткая, стильная стрижка, как у смазливых моделей из модных журналов, рекламирующих дизайнерскую одежду или дорогой одеколон.

Сердито усмехнувшись, Данте покачал головой:

— Только не говори мне, что это наше пополнение.

— Это агент Стерлинг Чейз из Темной Гавани Бостона.

Агент правоохранительных органов Темной Гавани. Теперь понятно, почему у парня вид неприступного бюрократа.

— Что ему от нас надо?

— Информация. Насколько я понял, он хочет заключить с нами своего рода соглашение. Темная Гавань отправила его в надежде получить у Ордена помощь.

— Помощь? У нас? — Данте скептически хмыкнул. — Ты шутишь? Совсем недавно население Темных Гаваней считало нас уличными головорезами.

Шедший рядом Гидеон посмотрел на него и усмехнулся:

— Скорее доисторическими динозаврами, обреченными на вымирание.

Довольно забавно, если учесть, что население Темных Гаваней продолжало свое существование только благодаря непрерывной борьбе воинов с Отверженными. В далеком прошлом, задолго до того, как Данте появился на свет в Италии в восемнадцатом столетии человеческого летоисчисления, Орден являлся единственным защитником Рода

вампиров. В те времена воинов почитали как героев. Они охотились и истребляли Отверженных по всей планете, уничтожали зло, не позволяя ему пустить корни, и население Темных Гаваней, расслабившись от спокойной жизни, пребывало теперь в надменной самоуверенности. До последнего времени Отверженных было немного, но недавно их численность начала резко увеличиваться. Органы управления Темных Гаваней только принимали законы и обсуждали способы борьбы с Отверженными как с обычными преступниками, наивно полагая, что заключение в тюрьму и реабилитация помогут решить проблему.

Воины имели куда более реальное представление об угрозе. Они собственными глазами видели кровавые бойни, устраиваемые Отверженными на ночных улицах города в то время, как население Темных Гаваней пребывало в иллюзии собственной безопасности. Орден, как и в древние времена, оставался единственной защитой Рода и предпочитал действовать независимо, считая закон бессильным в этой борьбе.

— И теперь они попросили у нас помощи? — Данте сжал кулаки, не желая иметь никаких дел с политиками Темной Гавани Бостона или теми болванами, кто управлял ими, отсиживаясь в тени. — Надеюсь, Лукан собрал нас для того, чтобы мы доказали свою необузданность и убили этого недоноска-парламентера.

Гидеон рассмеялся под легкий шорох раздвинувшихся стеклянных дверей лаборатории.

— Ди, постарайся не напугать агента Чейза, а то он сбежит, не успев рассказать, зачем к нам пожаловал. Договорились?

Они вошли в огромную лабораторию. Данте склонил голову в знак уважения к Лукану и собратьям по оружию, затем перевел взгляд на гостя, молча и пристально рассматривая его. Тот поднялся из-за стола и с плохо скрываемым отвращением оглядел рваную, перепачканную кровью одежду Данте.

Сейчас Данте был чертовски доволен, что не успел помыться и привести себя в порядок. В надежде вызвать еще большее отвращение гостя он подошел к нему и протянул грязную руку.

— Вероятно, вы — Данте, — тихим, вежливым голосом произнес представитель Темной Гавани. Он быстро пожал протянутую руку. Его тонкие ноздри дрогнули, почувствовав исходившую от Данте вонь. — Считаю за честь познакомиться с вами. Я — Стерлинг Чейз, агент Отдела специальных расследований Темной Гавани Бостона. Старший агент, — добавил он, улыбаясь. — Но прошу без церемоний, обращайтесь ко мне, как вам удобно.

Данте чуть слышно проворчал, не желая произносить вслух прозвище, пришедшее ему на ум. Он опустился на стул рядом с агентом, не отводя от него холодного пристального взгляда.

Лукан откашлялся, прочищая горло, и как старший начал совещание.

— Поскольку все собрались, давайте сразу перейдем к делу. Агент Чейз принес не очень хорошие новости из Темной Гавани Бостона. За последнее время там стремительно выросло число пропавших молодых вампиров. Агент изъявил желание, чтобы Орден оказал помощь в поисках. Я дал наше согласие.

— Но поиски и спасение — это не наше дело, — не спуская глаз с агента, возразил Данте.

— Да, мы этим не занимаемся, — подхватил Николай, вампир родом из России, его обжигающе холодные голубые глаза блеснули из-под длинной светло-русой челки. — У нас тут свои развлечения.

— Нам не просто нужно разыскать загулявших юнцов, здесь дело посерьезнее, — сказал Лукан, суровым тоном пресекая дальнейшие шутки. — Я прошу агента Чейза изложить факты.

— В прошлом месяце трое юношей покинули Темную Гавань, отправившись на какую-то вечеринку в городе и не вернулись. Неделью спустя пропали еще двое. С тех пор каждую ночь кто-то бесследно исчезает. — Агент Чейз нагнулся к стоявшему на полу портфелю, достал оттуда толстую папку и бросил ее на стол. Из папки выскользнуло около десятка фотографий — улыбающиеся юные лица. — Это только те пропавшие, о ком заявили. Думаю, пока я здесь, к ним прибавилась еще парочка.

Данте внимательно изучил фотографии и передал папку остальным воинам, сидевшим за столом. Возможно, кое-кто из этих юнцов просто сбежал. Для молодых вампиров с амбициями жизнь в Темной Гавани может показаться скучной. Подозрительно только, что они исчезают одновременно и группами.

— Кого-нибудь из них нашли? Есть какая-либо информация? За такой короткий срок пропало слишком много вампиров, кто-то должен что-то об этом знать.

— Да, некоторых нашли.

Чейз достал из портфеля еще одну папку, значительно тоньше первой. Разложил на столе новую порцию фотографий. Эти были сделаны в морге. Трое вампиров, принадлежавших к последнему поколению, все не старше тридцати пяти. В объектив смотрят мертвые глаза огненно-желтого цвета с узкими щелками зрачков — явный признак Кровожадности.

— Отверженные, — презрительно прошипел Николай.

— Нет, — возразил Чейз, — они умерли в судорогах Кровожадности, но в Отверженных превратиться не успели.

Данте поднялся со стула и наклонился над столом, чтобы получше рассмотреть фотографии. Он тут же обратил внимание на розоватую корочку засохшей пены вокруг приоткрытых губ мертвецов. Такого же цвета слюна текла изо рта вампира, напавшего на него прошлой ночью.

— Есть информация, от чего они погибли?

Чейз кивнул:

— Передозировка наркотика.

— Вы слышали, что в городе появился новый наркотик «малина»? Им торгуют в клубах. — Лукан обвел взглядом воинов. Все молчали. — Агент Чейз рассказал мне, что именно этот опасный препарат в последнее время получил широкое распространение среди молодых вампиров. Порошок малинового цвета оказывает возбуждающее и легкое галлюциногенное действие, ощущается прилив сил, небывалая выносливость. Но это только разогрев. Основной эффект проявляется спустя пятнадцать минут после приема наркотика.

— Все верно, — подтвердил Чейз. — Тот, кто вдохнул или проглотил порошок, вскоре начинает ощущать неутолимую жажду и озноб, как при простуде, а затем впадает в состояние животного безумия со всеми признаками Кровожадности — от сузившихся зрачков и увеличившихся клыков до ненасытной жажды крови. Если вампир начнет удовлетворять эту жажду, он обязательно превратится в Отверженного. А если продолжит употреблять «малину», — Чейз постучал пальцем по одной из фотографий, — его ждет вот такой конец.

Данте чертыхнулся. С одной стороны, его расстроила новость о повальном увлечении наркотиком, захлестнувшем молодое поколение вампиров, с другой — он понял, что парень, которого он убил сегодня ночью, вовсе не являлся Отверженным, а просто находился под воздействием дряни, о которой рассказал Чейз. Сознать это было

неприятно и тяжело, но что Данте оставалось делать, если вампир диким зверем накинулся на него.

— Этот наркотик, «малина»... Откуда он взялся? Кто его производит? Кто распространяет? — спросил Данте.

— Мы не располагаем никакой информацией, кроме той, что я изложил, — ответил Чейз.

Данте посмотрел на мрачное лицо Лукана и понял, зачем на самом деле явился агент.

— Именно в этом и нужна наша помощь?

— Темные Гавани обратились к нам с просьбой во время ночного патрулирования города собирать сведения о пропавших и, если представится возможность, возвращать их домой. Считаю, что в наших интересах прекратить распространение «малины», поскольку этот наркотик стимулирует рост числа Отверженных.

Все воины закивали.

— Мы благодарны Ордену за согласие помочь нам в решении этой проблемы. И я лично всем вам говорю спасибо. — Чейз обвел взглядом собравшихся за столом. — Но я хотел бы еще кое о чем попросить, если позволите.

Лукан чуть заметно кивнул.

Чейз откашлялся и сказал:

— Я хотел бы принимать активное участие в операции.

Повисла долгая, тяжелая пауза. Лукан, сидевший во главе длинного стола, нахмурился и откинулся на спинку стула.

— Что значит «активное участие»? — наконец спросил он.

— Я хочу лично участвовать в ночных патрулированиях города в паре с воином или в группе, наблюдать за ходом операции и присутствовать при возвращении пропавших вампиров в Темную Гавань.

Сидевший рядом с Данте Николай расхохотался.

Гидеон провел рукой по светлому ершику волос, снял очки и бросил их на стол.

— Мы не берем гражданских в наши рейды. Никогда этого не делали и впредь не будем делать.

Даже невозмутимый Тиган, до сих пор не сказавший ни единого слова, подал голос.

— Агент, первая же ночь станет для тебя последней, ты не доживешь до утра, — холодно произнес он.

Данте свое негодование оставил при себе, уверенный, что Лукан одним суровым взглядом охладит пыл наивного агента правоохранительных органов. Но Лукан этого не сделал. Он поднялся, опершись кулаками о край стола.

— Вы можете идти, — обратился он к Чейзу. — Ваша миссия на этом окончена, агент. Мы обсудим ваше предложение и сообщим о своем решении. Я свяжусь с вами.

Воины встали, Чейз какое-то время продолжал сидеть, но затем и он поднялся, прихватив стоявший на полу портфель из лакированной кожи. Данте вышел из-за стола и преградил Чейзу путь.

— Парни вроде тебя называют нас дикарями, — резко начал Данте. — И вот ты пришел, чистенький и прилизанный, в костюме и галстук, и просишь у нас помощи. Лукан — глава Ордена, и если он говорит, что мы прикроем твою задницу в этом пустяковом деле, значит, мы ее прикроем. Но это вовсе не означает, что мне нравится подобная затея или что мне нравишься ты.

— Я пришел сюда не для того, чтобы завоевывать ваше расположение. А если у вас есть серьезные возражения против моего участия в патрулировании, пожалуйста, изложите их.

Данте рассмеялся, удивленный, что Чейз принял вызов, он этого никак не ожидал.

— Я церемониться не буду, агент Чейз, простите, старший агент Отдела специальных расследований. У нас грязная работа. Мы сражаемся и убиваем. И так каждую ночь. И мы не устраиваем экскурсий для агентов, стремящихся построить свою карьеру на нашем поте и крови.

— Уверяю, у меня нет таких намерений. Моя цель — найти и вернуть в Темную Гавань пропавших вампиров. И если Орден сможет остановить распространение нового наркотика на начальной стадии — отлично. Это принесет благо всему Роду.

— У тебя есть хоть какая-то подготовка, чтобы участвовать в ночных рейдах?

Чейз окинул взглядом лабораторию в поисках поддержки. Все молчали. Даже Лукан ничего не сказал в его защиту. Данте прищурился и усмехнулся, надеясь, что гробовая тишина смутит агента и заставит сбежать, поджав хвост.

А воины смогут вернуться к своей повседневной работе и продолжить истребление Отверженных без ненужных зрителей и судей.

— У меня степень бакалавра политологии Колумбийского университета, — после долгой паузы сказал Чейз. — И, как у моего отца и брата, гарвардский диплом юриста. С отличием. Кроме того, я обучался в трех школах боевых искусств и получил квалификацию снайпера по стрельбе с расстояния одиннадцать сотен футов.

— Ну надо же! — Резюме было впечатляющим, но Данте не собирался выражать восхищения. — А скажи нам, выпускник Гарварда, часто ли тебе приходилось применять свои боевые навыки не в тренировочном зале, а на практике? Много ли собственной крови ты потерял? Много ли крови противников пролил?

Чейз выдержал пристальный взгляд Данте, самолюбиво вскинув гладко выбритый подбородок:

— Я готов воспользоваться своим боевым искусством на практике. Я не боюсь.

— Отлично, — протянул Данте. — Отлично, потому что вечеринка, на которую ты собираешься пойти с нами, будет очень жаркой.

Чейз натянуто улыбнулся, обнажая зубы:

— Спасибо за предупреждение.

Он протиснулся мимо Данте, пробормотал «до свидания» Лукану и остальным воинам и, крепко зажав в руке портфель, направился к выходу.

Когда стеклянные двери за агентом закрылись, Нико выругался на своем родном языке.

— Что за дерьмо! Какой-то офисный червяк решил отправиться с нами в рейд. Кишка тонка.

Данте кивнул, но думал он совсем о другом, куда более серьезном.

— Сегодня ночью произошло кое-что интересное, — сказал он и обвел взглядом посуровевшие лица воинов. — На выходе из клуба я почуял Отверженного, преследующего жертву, и сцепился с этим сукиным сыном, но справиться с ним оказалось не так-то просто. Он пустился бежать, я гнался за ним до самого берега реки, там-то все и началось: на меня напали несколько хорошо вооруженных кровососов.

Гидеон, прищурившись, посмотрел на Данте:

— Черт возьми, Ди, почему ты не попросил помощи?

— Времени не было, надо было спасать свою задницу, — ответил Данте, вспомнив шквальный огонь накрывший его на пристани. — Отверженный, которого я преследовал,

дрался как демон. Его было не остановить, и титан на него не действовал, словно он Отверженный первого поколения.

— Если это Отверженный, титан должен был испепелить его на месте, — заметил Лукан.

— Вот именно, — согласился Данте. — У него проявлялись все признаки Кровожадности, и тем не менее он не был Отверженным. И вот еще что. Вы обратили внимание на следы высохшей розовой пены вокруг губ тех ребят на фотографиях из морга? Такая же розовая пена была на губах и того псевдо-Отверженного.

— Черт! — выругался Гидеон, взял со стола фотографии и протянул их воинам. — К Отверженным, с которыми мы ведем борьбу, теперь еще прибавился молодняк Рода, подсевший на «малину». Как нам их различать в пылу боя?

— Отличить невозможно, — подтвердил Данте.

Гидеон пожал плечами:

— Нежданно-негаданно черное и белое перемешалось.

Тиган, сохраняя холодно-бесстрастное выражение лица, сухо рассмеялся:

— Несколько месяцев назад наши стычки с Отверженными переросли в настоящую войну, а на войне всегда есть только черное и белое.

Нико кивнул:

— Не важно, кто мне попадется — Отверженный или любитель «малины», его ждет один конец смерть — И пусть потом Темные Гавани разбираются, кто из них свой, а кто — чужой.

Лукан посмотрел на Данте:

— А ты что скажешь, Ди? Есть какие-нибудь соображения на этот счет?

Данте сложил руки на груди, он не мог дождаться того момента, когда встанет под душ и эта безумная ночь наконец-то закончится.

— Из того немногого, что мы знаем о «малине», пока ясно одно: это порядочная дрянь. Исчезновение молодых вампиров неизбежно вызовет панику у населения Темных Гаваней, и они вынуждены будут принять какие-то меры. То, что нам теперь придется иметь дело еще и с любителями «малины», усложнит нашу жизнь. Но представьте, что начнется, если на ночных улицах города появятся группы агентов, которые попытаются самостоятельно отыскать беглецов и арестовать их?

Лукан кивнул:

— Именно поэтому мы должны серьезно отнестись к просьбе Чейза участвовать в операции. Он потому и обратился к Ордену, что опасается паники. Его задача — вернуть пропавших парней в Темную Гавань и найти способ справиться с разрушительной силой нового наркотика. Эта дрянь представляет серьезную угрозу Роду. Я думаю, агент Чейз может быть нам очень полезен не столько в патрулировании, сколько в решении этой общей для всех нас проблемы. Ордену не повредит союзник в правоохранительных органах Темных Гаваней.

Данте не мог сдержаться и недоверчиво усмехнулся:

— Лукан, до сих пор мы не нуждались в подобных союзниках. В течение многих столетий мы занимались тем, что спасали из огня их нежные задницы. Не пытайся убедить нас, что пришло время целовать эти задницы. Шли бы они знаешь куда... Стоит завязать с ними дружбу, как на следующий же день нам придется спрашивать у них разрешения отлучиться по нужде.

Он зашел слишком далеко. Лукан ничего не ответил, но взглядом приказал всем, кроме Данте, удалиться. Когда воины вышли, Данте остался стоять на белом мраморном полу, глядя на свои грязные ботинки и понимая, что его ждет хорошая взбучка.

Никто не позволял себе терять контроль в присутствии Лукана.

Он в течение семисот лет возглавлял Орден, стоял у истоков его создания, когда Данте, как и всех остальных молодых воинов, еще и на свете не было. Лукан принадлежал к первому поколению Рода, в нем текла кровь Древних, злобных пришельцев с другой планеты, обосновавшихся на Земле около тысячи лет назад. От их связи с земными женщинами появилось первое поколение вампиров. Таких как Лукан, П1, осталось очень мало, выжили самые сильные и вместе с тем самые свирепые.

Лукан был наставником Данте и его настоящим другом, но это не означало, что он не мог задать воину хорошую трепку, если, по его мнению, это было необходимо.

— Как и ты, я невысокого мнения о правоохранительных органах Темных Гаваней, — сказал Лукан, холодно, с расстановкой произнося каждое слово — Но появление нового наркотика беспокоит меня Нам необходимо найти его производителя и перекрыть все каналы распространения. Не стоит оставлять это дело Темным Гаваням. И если для того, чтобы взять ситуацию под контроль, я должен позволить агенту Чейзу поиграть в воина, я готов заплатить эту цену.

Данте открыл было рот, чтобы поспорить, но Лукан поднял черную бровь, вынуждая его промолчать.

— Я решил, что агент Чейз будет патрулировать город в паре с тобой.

Данте прикусил язык, понимая, что Лукан не потерпит возражений.

— Я выбрал тебя, Данте, потому что ты справишься с этим лучше всех. Тиган способен убить Чейза лишь потому, что тот его раздражает. Нико — отличный воин, но ему недостает твоего опыта в уличных переделках. Отводи от агента опасность, но не забывай о главной цели — уничтожить врагов. Уверен, ты меня не подведешь. На тебя я всегда мог положиться. Я свяжусь с Чейзом и сообщу, что он может приступить к операции сегодня ночью.

Данте кивнул, говорить он не решался, опасаясь, что кипевшее в нем возмущение вырвется наружу. Лукан похлопал его по плечу, словно давая понять, что знает о его чувствах, и направился к дверям лаборатории.

Данте с минуту простоял, плотно стиснув зубы, так что на скулах выступили желваки. Возвращаясь в бункер, он думал, что все неприятные сюрпризы этой ночи остались позади.

Оказалось, он ошибся.

После всего, что он пережил за последние двенадцать часов, Данте никак не рассчитывал получить роль няньки. Это было уже сверх всякой меры.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Миссис Корелли, возвращаю вам ваше сокровище, — сказала Тесс, вынося пластиковую переноску, в которой, шипя, сидел белый персидский кот. — Энджел пока не в духе, но через пару дней его настроение улучшится. Хотя я бы не рекомендовала выпускать его на улицу, пока швы не зарубцуются. Но гарантирую, отныне любовные страсти его мучить не будут.

Пожилая женщина прищелкнула языком:

— Он вечно пропадал где-то по ночам, а потом по улицам бегали маленькие Энджелы. Не знала, что и делать! Возвращался под утро, с расцарапанной мордой, словно передрался со всеми соседскими котами. И это мой красавец-перс!

— Ну все, больше его в драку не потянет. И гулять по ночам ему вряд ли захочется. Вы, миссис Корелли, правильно сделали, что решили кастрировать Энджела.

— Мой супруг был бы рад, если бы вы кастрировали еще и приятеля нашей внучки. Совершенно неуправляемый парень, одни проблемы с ним, а ведь ему только пятнадцать!

Тесс рассмеялась:

— Боюсь, это не по моей части.

— Очень жаль. Сколько я вам должна, дорогая?

Тесс наблюдала, как пожилая женщина морщинистыми, артритными руками достает из сумки чековую книжку. Тесс знала, что, хотя миссис Корелли уже давно вышла на пенсию, она продолжала пять дней в неделю заниматься уборкой домов — тяжелая работа для пожилой женщины, а оплата скудная. Но несколько лет назад ее мужу прекратили выплачивать пособие по инвалидности, и миссис Корелли стала единственным кормильцем в семье. Каждый раз, когда Тесс охватывал очередной приступ плохого настроения из-за навалившихся разом проблем, она вспоминала, с какой стойкостью и достоинством преодолевала жизненные трудности эта женщина.

— У нас сейчас сезон скидок, миссис Корелли, так что с вас двадцать долларов.

— Вы уверены, дорогая?

Тесс закивала, и женщина выписала чек на указанную сумму.

— Спасибо, доктор, — поблагодарила она, взяла переноску с котом и направилась к выходу.

— Приходите еще.

Когда за клиенткой закрылась дверь, Тесс посмотрела на часы, висевшие на стене. Пятый час. Рабочий день тянулся бесконечно долго, вероятно, из-за странной прошлой ночи. Проснувшись утром, Тесс хотела отменить все визиты и остаться дома, но взяла себя в руки и отработала целый день. Остался последний клиент, и на сегодня она свободна.

Тесс не понимала, почему ей так хотелось поскорее вернуться в свою пустую квартиру. Она чувствовала одновременно эмоциональное возбуждение и усталость, и все это на фоне необъяснимой тревоги.

— Бен звонил, — сообщила Нора, выходя из бокса для собак. — Оставил сообщение, оно на стакере у телефона. Что-то по поводу выставки завтра вечером. Он сказал, что ты еще несколько недель назад согласилась пойти с ним. Интересовался, не забыла ли ты.

— О черт, неужели выставка завтра?

Нора прищурилась:

— Значит, ты все-таки забыла. Хотя мероприятие кажется любопытным. Ах да, звонила клиентка, записанная на вакцинацию на шестнадцать двадцать, и сообщила, что не сможет прийти. Ее напарница заболела, и ей теперь придется отработать две смены подряд. Она просила перенести вакцинацию на следующую неделю.

Тесс откинула назад волосы и потерла занемевшую шею.

— Отлично. Окажи мне услугу, перезвони ей и запиши на удобное для нее время.

— Уже сделано. Как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке, просто устала, ночь была длинной.

— Да, знаю. Бен рассказал мне, что случилось. Снова уснула прямо за столом? — Нора рассмеялась и покачала головой. — И обеспокоенный Бен позвонил в полицию. Хорошо еще, что его не привлекли за полосатую кошку, которая гуляет сама по себе.

— И меня вместе с ним.

Бен обещал, что, доставив Тесс домой, вернется в клинику за Шивой, чтобы отвезти его хозяевам, как настаивали полицейские. Однако он не говорил, что откажется от попыток вызволить животное. Поскольку это был не первый случай такого рода спасения,

Тесс беспокоилась, как бы в один прекрасный день благие намерения Бена и его упорство не обернулись серьезными неприятностями.

— Знаешь, я до сих пор не могу понять, как во сне я могла случайно нажать кнопку быстрого набора номера... — пожалала плечами Тесс.

— Хм, возможно, у тебя возникло подсознательное желание позвонить Бену. Надо будет как-нибудь попробовать проделать такой трюк. Вдруг Бен и меня примчится спасать! — Нора рассмеялась, увидев удивленный взгляд Тесс. — Шучу! Шучу! Он действительно кажется отличным парнем. Симпатичный, умный, обаятельный и к тому же по уши в тебя влюблен. Не понимаю, почему ты не хочешь дать ему шанс.

Тесс давала ему шанс, и не единожды. И хотя Бен не раз клятвенно заверял, что все проблемы остались позади, она остерегалась возобновлять любовную связь, предпочитая ограничиваться дружбой. Честно говоря, Тесс начала склоняться к мысли, что не создана для отношений с кем бы то ни было.

— Бен — хороший парень, — наконец сказала она, засовывая бумажку с его сообщением в карман брюк, скрытый под белой медицинской курткой. — Но человек не всегда таков, каким кажется.

Она села за стол, пододвинула к себе стопку чеков, полученных за сегодняшний день, и начала заполнять банковский бланк о взносе депозита.

— Хочешь, по дороге домой я завезу документы в банк? — спросила Нора.

— Спасибо, я сама. Поскольку последний визит отменили, мой рабочий день завершен. — Тесс положила бланк в кожаную папку на молнии, встала из-за стола и наткнулась на удивленный взгляд Норы. — Что? Что-то не так?

— Я просто не узнаю своего босса! Кажется, его подменили.

Тесс заколебалась, вспомнив, сколько информации, накопившейся за последние несколько дней, нужно было занести в компьютер, и устыдилась, что так рано, а вернее, вовремя собралась уйти из клиники.

— Шучу! — поспешила заверить ее Нора и, обхватив за плечи, развернула к выходу. — Иди домой. Забудь на время о работе. И ради бога, развлекись как следует.

Тесс кивнула, радуясь, что у нее такой заботливый сотрудник.

— Спасибо, не знаю, что бы я без тебя делала.

— Главное, не забудь об этом, когда будешь начислять зарплату.

Тесс быстро выключила компьютер, сбросила медицинскую куртку и схватила сумку. Она вышла на улицу, удивляясь яркому солнцу и с трудом припоминая, когда в последний раз покидала клинику при свете дня. Наслаждаясь неожиданно обрушившейся на нее свободой, Тесс успела забежать в банк до закрытия, а затем на метро отправилась домой в Норт-Энд.

Ее непримечательная квартирка с одной спальней и одной ванной находилась рядом с автострадой, непрерывный шум которой Тесс привыкла считать белым шумом. Даже нетерпеливые гудки клаксонов и визг тормозов особенно ее не беспокоили.

До сегодняшнего дня.

Не в силах выносить уличный шум, от которого раскалывалась голова, Тесс бежала по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Захлопнув за собой дверь, девушка привалилась к ней спиной и бросила сумку и ключи на антикварную швейную машинку, которую купила по дешевке и превратила в тумбочку для прихожей. Скинув кожаные мокасины, Тесс прошлепала в гостиную и нажала на кнопку автоответчика, на ходу обдумывая, что бы съесть на ужин.

Бен и здесь оставил ей сообщение. У него вечером намечались какие-то дела в Норт-Энде, и он спрашивал разрешения заехать за Тесс, чтобы вместе выпить пива в местном пабе.

В его голосе звучало столько надежды и безобидного дружелюбия, что Тесс автоматически потянулась к телефону, но так и не решилась позвонить — не стоит обманывать Бена, она и так совершала глупость, согласившись пойти с ним на выставку в Музей изобразительных искусств.

«Завтра вечером», — напомнила она себе. Тесс очень хотелось отвертеться, но она не станет этого делать. Бен заранее купил билеты, зная, что она любит скульптуру, а на выставке должны быть представлены работы одного из выдающихся мастеров прошлого века.

Бен вложил в этот подарок душу, и отказаться значило сильно обидеть его, поэтому она пойдет на выставку, но это будет их последний выход в свет, даже в качестве друзей.

Приняв решение, Тесс щелкнула пультом телевизора, нашла повторный показ фильма «Друзья» и отправилась на кухню, напрямик к холодильнику.

Что из замороженных полуфабрикатов выбрать на ужин сегодня?

Тесс рассеянно взяла первую попавшуюся оранжевую коробку и открыла ее. Когда запаянный в целлофан лоток с глухим стуком вывалился на стол, Тесс нахмурилась. Господи, какая она жалкая! Неужели именно так она собирается провести неожиданно выпавший свободный вечер?

«И ради бога, развлекись как следует», — сказала ей на прощание Нора.

Но, к сожалению, Тесс не знала, что, по мнению Норы, является хорошим развлечением. Да и по ее собственному мнению тоже.

Ей скоро стукнет двадцать шесть. Во что она превратила свою жизнь?

И хотя в ее печали был повинен не столько безвкусный рис и резиновый цыпленок, Тесс остановившись взглядом с отвращением смотрела на замороженный брикет. Когда в последний раз она готовила себе нормальный ужин?

Когда в последний раз делала что-нибудь приятное для себя самой?

«Чертовски давно», — решила Тесс и швырнула полуфабрикат в мусорное ведро.

С наступлением сумерек Стерлинг Чейз, старший агент Отдела специальных расследований, прибыл в бункер Ордена. К чести агента, костюм и галстук он догадался сменить на темно-серую трикотажную рубашку, черные джинсы и черные кожаные ботинки на толстой рифленой подошве. Светло-русые волосы скрывала черная обтягивающая шапочка. Встретив его в таком виде, можно было забыть, что парень не принадлежит к касте воинов. Но, к сожалению, вне зависимости от одежды с этой минуты выпускник Гарварда официально становился занозой в заднице Данте.

— Если мы когда-нибудь соберемся грабить банк, буду знать, к кому обратиться за советом насчет прикида, — сказал он агенту, надевая кожаную куртку, под которой скрывалось всевозможное оружие для рукопашного боя, и направляясь к одной из машин, стоявших в гараже.

— С нетерпением буду ждать, — пошутил Чейз, неторопливо оглядывая коллекцию машин. — Но вижу, вам нет нужды грабить банк, кажется, вы и без того процветаете.

Похожий на ангар гараж вмещал не один десяток превосходных машин: спортивные автомобили и малолитражки, старые и новые модели, каждая — образец совершенства. Данте подошел к новенькому черному «порше кайман» и отключил сигнализацию. Когда они уселись в двухместное авто, Чейз с нескрываемым восхищением окинул взглядом роскошный салон, а Данте тем временем завел мотор и набрал код. Двери гаража открылись, и элегантная черная машина, тихо урча, выехала в ночь.

— А Орден не бедствует, — заметил Чейз, издав короткий смешок в полумраке салона. — Знаешь, в Темной Гавани многие до сих пор верят, что воины — дикари, обитающие в мрачных пещерах.

— Так оно и есть, — проворчал Данте, глядя на темную полосу дороги. Правой рукой он достал из бардачка кожаную сумку с оружием и вытряхнул на колени Чейзу несколько ножей в ножнах, длинную толстую цепь и полуавтоматический пистолет в кобуре. — Вот возьми, Гарвард. Надеюсь, ты не совсем изнежился в Темной Гавани и догадаешься, каким концом «беретты» нужно целиться в плохих парней.

Чейз покачал головой и тихо выругался.

— Послушай, я не имел в виду...

— Плевать мне, что ты имел в виду! — оборвал его Данте, резко сворачивая налево, огибая городской склад и выезжая на пустую улочку. — Плевать мне, что ты и все вы там думаете обо мне и моих братьях. Хочу, чтобы ты кое-что усвоил, *capisce?*⁴ Ты едешь со мной только потому, что Лукан приказал взять тебя в рейд. Самое лучшее, что ты можешь сделать, — вести себя тихо и не путаться у меня под ногами.

Злость вспыхнула в глазах Чейза, но он сдержался, хотя Данте был уверен, что агент не привык подчиняться приказам, особенно если они исходили от кого-то, стоявшего, по его мнению, на несколько ступеней ниже на иерархической лестнице. Ничего не ответив, Чейз занялся оружием, которое выдал Данте: проверил предохранитель пистолета и убрал его в нагрудную кобуру.

Следуя наводке Гидеона, Данте въехал в район Норт-Энд: здесь в одном из старых зданий намечалась вечеринка. Было половина восьмого вечера, а это означало, что придется провести в засаде около пяти часов, чтобы выяснить, верны ли предположения Гидеона. А терпением Данте не отличался. Он не умел просто сидеть и ждать, только в смертельной лихорадке боя он чувствовал себя как рыба в воде.

Данте выключил фары и припарковал «порше» неподалеку от здания, за которым им предстояло наблюдать. Порыв ветра подхватил собравшуюся у обочины пыльную листву и швырнул ее на капот машины. Когда ветер утих, Данте открыл окно, впуская в салон холодный осенний воздух, и вдохнул полной грудью.

Ноздри дрогнули, уловив сладковато-пряный аромат, тело напряглось. Запах был едва уловимый, естественный, такую композицию не могли создать в лаборатории ни люди, ни вампиры. Томительно-теплый аромат напоминал смесь корицы и ванили, но казался более сложным, мистически притягательным. Запах был уникальный, не похожий ни на какой другой.

Данте узнал его мгновенно. Он принадлежал женщине, чью кровь он пил накануне, Подруге по Крови, которую он так беспечно сделал своей навеки.

Тесс.

Данте открыл дверцу и вышел.

— Что ты делаешь?

— Сиди на месте, — приказал он Чейзу, двигаясь на запах, ноги сами несли его по тротуару.

— Что происходит? — Вытаскивая пистолет из кобуры, агент тоже начал было вылезать из машины, намереваясь последовать за Данте. — Да скажи, черт возьми, в чем дело? Ты заметил что-то подозрительное?

— Сиди в машине, Гарвард, и глаз не спускай с этого здания, прислушивайся к каждому шороху. Мне нужно кое-что проверить.

Данте считал, что за несколько минут здесь ничего не случится, а если и случится, его это не заботило. Сейчас он мог думать только о манящем аромате, который свидетельствовал о том, что женщина где-то рядом.

Его женщина, напомнил внутренний голос.

⁴ Понятно (*um.*).

Данте, словно хищник, шел по следу. Как все представители Рода, он обладал острым чутьем и животной ловкостью. Вампиры могли перемещаться стремительно, будто ветер, оставаясь невидимыми для людей. Именно так Данте сейчас двигался в толпе, звериный нюх уверенно вел его к цели.

Свернув за угол, вампир оказался на шумной улице и там на противоположной стороне увидел ее.

Данте застыл на месте, наблюдая, как Тесс тщательно выбирает овощи и зелень на рыночных лотках. Желтый кабачок нырнул в ее холщовую хозяйственную сумку, после чего внимание женщины сосредоточилось на корзине с фруктами: Тесс извлекла оттуда мускусную дыню и поднесла к носу, проверяя спелость.

Данте вспомнил тот момент, когда впервые увидел ее в клинике: даже тогда сквозь плену боли он сумел разглядеть, что она красива. Но сегодня в тусклом мерцании ламп, освещавших лотки с овощами и фруктами, казалось, что она сияет: яркий румянец играл на щеках, зеленовато-голубые глаза искрились, когда Тесс, улыбаясь, хвалила товар пожилой торговки.

Не в силах оторвать от нее взгляд, Данте шел по улице, продолжая держаться в тени. Ее близость и аромат пьянили, кружили голову. Данте ртом вдохнул сладковато-пряный воздух, языком ощущая приятную волну.

Господи, он вновь хотел припасть к ее шее.

Ощутить вкус ее крови.

Насладиться ею.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, Данте шагнул с тротуара на проезжую часть. Он мог бы через секунду оказаться рядом с Тесс, но кое-что насторожило его. Данте был не единственным, кто наблюдал за Тесс с явным интересом. Неизвестный скрывался в тени одного из зданий, осторожно выглядывая так, чтобы Тесс его не заметила. Он ждал, когда она закончит делать покупки. Мужчина не был похож на маньяка — высокий, худощавый, с лицом пай-мальчика. Но и Тед Банди⁵ имел весьма смазливый вид.

Тесс рассчиталась за покупки и пожелала торговке спокойной ночи. В ту самую минуту, когда она отошла от лотков, из своего укрытия вынырнул и наблюдавший за ней мужчина.

Данте напрягся при мысли, что Тесс может угрожать опасность. В мгновение ока он пересек улицу и последовал за мужчиной, готовый схватить незнакомца за руку, если только тот посмеет протянуть ее к Тесс.

— Эй, доктор, — фамильярно окликнул Тесс мужчина. — Что случилось?

Тесс обернулась и удивленно улыбнулась ему:

— Привет, Бен! Что ты здесь делаешь?

Она его знала. Данте тут же отступил назад, сливаясь с потоком прохожих.

— А ты разве не получила мое сообщение? У меня тут было кое-какое дельце, и я подумал, может, мы зайдем куда-нибудь поужинать или просто выпить.

Данте видел, как незнакомец подошел к Тесс вплотную, приобнял ее и поцеловал в щеку. Мужчине она явно нравилась. Больше чем нравилась, Данте отметил собственнические жесты в его поведении.

— Мы идем завтра на выставку? — спросил мужчина.

— Разумеется, — кивнула Тесс, отводя в сторону руку с сумкой, к которой потянулся мужчина. — Как ты думаешь, что мне надеть?

— Что хочешь. Не сомневаюсь, что ты будешь выглядеть потрясающе.

⁵ Теодор Роберт Банди (1946—1989) — американский маньяк-убийца, совершил около сорока преступлений.

«Ну конечно, это ее бойфренд», — догадался Данте. Это ему она звонила прошлой ночью. К нему бросилась за помощью в ужасе от того, что Данте с ней сделал.

Воина обожгла ревность, на которую он не имел никакого права. Кровь закипела в жилах. Звериная часть его натуры побуждала рвануть к Тесс сквозь толпу и сказать, что она принадлежит ему, и только ему. И не важно, знает она об этом или нет. Не важно, хочет ли этого.

Но здравый смысл удержал Данте.

Он не желал обзаводиться Подругой по Крови. Никогда не желал и никогда не стал бы этого делать.

Данте наблюдал, как Тесс со своим бойфрендом шла по улице, их болтовня растворялась в гононе прохожих. С минуту Данте следовал за ними, кровь стучала в висках, пульсировала внизу живота.

Затем вампир отступил в тень, развернулся и направился к машине, в которой его ждал Чейз. Данте очень надеялся, что предположения Гидеона о вечеринке Отверженных подтвердятся на все сто процентов. И чем раньше, тем лучше. Он жаждал боя, свирепого и кровавого.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вечеринка в старом пустующем здании действительно состоялась, но на ней собрались исключительно представители расы людей. В поле зрения не оказалось ни одного Отверженного или вампира из Темной Гавани, включая подсевших на «малину» легкомысленных юнцов. Вероятно, следовало считать удачей то, что в течение нескольких часов в городе царил покойствие, но Данте так не думал. Он испытывал напряжение, требовавшее разрядки.

И получить ее было несложно. Данте знал с десятков мест, где можно найти сговорчивую женщину с полнокровными венами и горячим лоном. Высадив Чейза у Темной Гавани, он поехал к одному из ночных клубов. Данте припарковал «порше» у обочины, набрал номер бункера и в двух словах доложил Гидеону, что за ночь ничего интересного не произошло.

— Это не повод расстраиваться, Ди, посмотри на ситуацию с другой стороны: ты провел в обществе агента целых семь часов, и он все еще жив, — пошутил Гидеон. — Это само по себе примечательное событие. Мы тут поспорили, сколько часов он продержится. Я поставил на девятнадцать.

— Девятнадцать? — Данте рассмеялся, — Ну, тогда я ставлю на семь с половиной.

— Что, все так плохо?

— Думал, будет еще хуже. По крайней мере, этот холеный чистюля умеет подчиняться приказам, хотя, если судить по его виду, он привык их отдавать.

Данте посмотрел в боковое зеркало, его взгляд привлекла белая полоска обнаженного живота женщины и короткая кожаная мини-юбка, обтягивавшая бедра. Пошатаваясь на высоких каблуках, женщина обогнула машину и подошла к закрытому окну с уверенностью, свидетельствующей о том, что она профессиональная шлюха. Когда незнакомка нагнулась, демонстрируя в вырезе пышную грудь, заученно улыбаясь и глядя на Данте одурманенным взглядом, никаких сомнений в роде ее деятельности не осталось.

— Скучаешь, красавчик? — произнесла она, никого не видя за тонированным стеклом, но, очевидно, оценивая клиента по его машине.

Данте она не интересовала. И у такого распутника были свои правила. Он даже не заметил, как проститутка разочарованно пожала плечами и отошла в сторону.

— Гидеон, ты должен кое-что выяснить для меня.

— С удовольствием, — ответил Гидеон, застучав по клавиатуре. — Говори, что нужно.

— Ты можешь узнать, в каком из музеев завтра вечером намечается выставка или что-то в этом роде?

Гидеону потребовалось не более минуты, чтобы выдать ответ:

— Ага, вот программа выставки с фуршетом для меценатов. Состоится в Музее изобразительных искусств завтра в девятнадцать тридцать.

Скорее всего, именно об этом мероприятии Тесс говорила со своим бойфрендом.

Данте не должно волновать, с кем и как эта женщина проводит время. Его кровь не должна закипать при мысли о том, что какой-то другой мужчина прикасается к ней, целует, ласкает ее тело...

— Что намечается в этом Музее изобразительных искусств? — спросил Гидеон, прерывая ход мыслей Данте. — У тебя есть какие-то подозрения?

— Нет. Никаких подозрений. Так, любопытство.

— Что я слышу! Ты вдруг стал интересоваться искусством? — Гидеон рассмеялся. — Неужели несколько часов в обществе гарвардского отличника оказали на тебя столь тлетворное влияние? Никогда не думал, что ты решишь заделаться умником.

Данте не был дремучим варваром, но сейчас совершенно не желал доказывать это.

— Все, забыли, — только и сказал он в трубку.

Его раздражение немного утихло, когда он заметил, что к нему вновь проявляют внимание. На сей раз это были две симпатичные девушки в искусственно состаренных дизайнерских джинсах. По-видимому, приехали из пригорода, чтобы развлечься. «Студентки колледжа, лет двадцати», — определил Данте, посмотрев на их свежие лица. Девушки захихикали, проходя мимо машины к клубу и стараясь вести себя так, будто вид роскошного автомобиля не произвел на них впечатления.

— Ну ладно, Ди. Где ты сейчас? Едешь на базу?

— Нет, — тихо ответил Данте, глуша мотор и провожая девушек взглядом. — Ночь продолжается. Думаю перекусить, перед тем как вернуться.

В Темной Гавани Стерлинг Чейз возбужденно расхаживал по своей квартире. И хотя ночь никак нельзя было назвать удачной, он чувствовал эмоциональный подъем. Его не заботил высокомерный, враждебно настроенный воин, с которым его поставили в пару. Чейз напомнил себе, что цель, ради которой он обратился за помощью к Ордену, стоит того, чтобы в течение нескольких недель потерпеть неприятные выходки Данте и его собратьев.

Чейз вернулся в Темную Гавань пару часов назад, до рассвета оставалось примерно столько же, но спать ему не хотелось.

Сейчас ему хотелось с кем-нибудь поговорить.

Конечно же, он сразу подумал об Элизе.

Но она, скорее всего, готовится ко сну. Чейз представил, как она сидит у изящного туалетного столика, возможно обнаженная, прикрытая лишь облаком тонкого белого шелка, и расчесывает длинные светлые волосы. Глаза цвета лаванды закрыты, она что-то рассеянно мурлычет себе под нос — привычка, которая сводила его с ума.

Хрупкая и нежная Элиза овдовела пять лет назад. Где-то в глубине души Чейз знал, что она больше никогда ни с кем не свяжет свою жизнь. Отчасти он был рад, что она отказывается вновь открыть сердце любви — право, которым обладала каждая Подруга

по Крови, потерявшая партнера. Пусть Чейз страдал от неудовлетворенного желания обладать ею, но и не видел Элизу соединенной узами с другим вампиром такого удара он не вынес бы.

Но без мужчины Рода, который питал бы ее своей кровью, способной останавливать ход времени, Элиза, женщина человеческой расы, состарится и умрет. Именно это печалило Чейза больше всего. И хотя она никогда не принадлежала ему в истинном смысле этого слова, через какие-нибудь шестьдесят-семьдесят лет — краткий миг для вампира — он потеряет ее навсегда.

Возможно, осознание предстоящей утраты заставляло Чейза с такой силой желать разделить с Элизой каждое мгновение ее печали и боли.

Он любил ее.

И стыдился того, как сильно Элиза действовала на него. Стоило Чейзу подумать о ней, как его бросало в жар. Но она никогда не узнает о том огне, который разжигала в нем. Чейз был уверен, что его признание в любви вызовет у Элизы презрение.

Однако ничто не могло сдержать его влечение к ней.

Хотя бы раз испытать блаженство близости с Элизой.

Чейз перестал ходить по квартире, рухнул на диван и откинулся на спинку, широко расставив ноги и глядя в высокий белый потолок.

Спальня Элизы была там, как раз над его головой.

Вдохни он поглубже, и смог бы уловить ее аромат — смесь вереска и розы. Чейз жадно втянул воздух. От мучительного голода у него увеличились клыки. Чейз облизнулся, почти ощущая вкус Элизы на губах.

Сладчайшая мука.

Он представил, как она идет по комнате, ступая по ковру босыми ногами, развязывает на ходу шелковый халат, легкий и прозрачный, как облако. Халат падает у кровати, Элиза ложится на прохладные простыни — обнаженные соски розовыми бусинами горят на ее бледной коже.

У Чейза пересохло в горле. Кровь стучала в висках, тело горело огнем. Член под черной тканью джинсов болезненно напрягся. Чейз погладил его, мечтая, чтобы это сделала Элиза.

Желание усилилось.

Оно никогда не угаснет...

— Господи, — пробормотал Чейз, ненавидя себя за слабость.

Он отдернул руку и, злобно шипя, встал, проклиная свои фантазии о недостижимой Элизе.

Жар полз по голым ногам Данте вверх к бедрам, охватывал спину, грудь, плечи. Неумолимый, всепоглощающий, он накрывал огромной волной, причиняя томительную боль.

Данте не мог пошевелиться, он утратил контроль не только над своим телом, но и над мыслями.

Огонь — это все, что он чувствовал и осознавал.

И еще — что пламя убивает его.

Оно полыхало и гудело вокруг, дым клубился, разъедая глаза и обжигая горло каждый раз, когда Данте делал безуспешную попытку вдохнуть.

Он не мог дышать.

Данте попал в западню.

Он чувствовал, как кожа покрывается волдырями. Слышал, как потрескивает одежда и волосы, уступая напору огня, а он лишь фиксировал происходящее, оцепенев от ужаса.

Никакой надежды на спасение.

Смерть приближалась.

Чейз ощущал черную руку, опустившуюся на него, толкавшую вниз, в засасывавшую воронку вечного небытия...

— Нет!

Резко дернувшись, он проснулся — каждый мускул был напряжен. Данте попытался подняться, но что-то мешало ему. Что-то давило на бедра, и еще что-то безвольно лежало поперек груди. Обе девушки зашевелились, одна издала мурлыкающий звук, устраиваясь у него под боком и глядя его холодную влажную грудь.

— Что случилось, милый?

— Отстань от меня, — пробормотал Данте. В горле пересохло, и голос прозвучал хрипло и глухо.

Высвободившись из объятий, он спустил ноги на пол и окинул взглядом незнакомую комнату. Данте все еще тяжело дышал, сердце учащенно билось. По его спине пробежали пальцы. Раздраженный, он встал с продавленного матраса и в темноте начал искать свою одежду.

— Не уходи, — захныкала одна из девушек. — Мы с Мией хотим продолжения.

Данте ничего не ответил. Сейчас он желал одного — активных действий. Он так долго оставался неподвижным. Так долго, что сама смерть пожаловала за ним.

— С тобой все в порядке? — спросила вторая девушка. — Тебе приснился страшный сон?

«Страшный сон», — с сарказмом подумал Данте

Вовсе нет.

Это видение — реальнее самой жизни — преследовало его, сколько он себя помнил.

Картина будущего.

Его собственной смерти, которую он знал в деталях. Оставалось только выяснить: когда, где и почему. Данте даже знал, кому обязан этим проклятием.

Женщина, родившая его на свет в Италии двести двадцать девять лет назад, предвидела не только собственную смерть, но и смерть своего возлюбленного супруга — вампира Темной Гавани, отца Данте. Она трагически погибла в морской пучине, успев спасти от этой участи своего ребенка. Через восемьдесят лет после ее смерти, едва покинув переполненный зал в Темной Гавани Рима, отец Данте, как и предсказывала его супруга, был убит завистливым политическим соперником.

Удивительный дар этой женщины перешел к ее единственному ребенку — Данте, такое часто случалось у представителей Рода, и теперь его мучило видение собственной смерти.

— Иди в постельку, — позвала у него за спиной девушка. — Ну же, не упрямясь.

Натянув одежду, Данте вернулся к кровати. Девушки потянулись к нему, их движения были вялыми, глаза туманились не столько от сна, сколько от опьяняющего воздействия укусов вампира. Данте залечил ранки сразу же, но перед уходом нужно было еще кое-что сделать. Он положил руку на лоб одной девушки, затем другой, стирая воспоминания о проведенной с ним ночи.

«Если бы я мог так же легко стереть свои воспоминания», — подумал Данте, все еще ощущая в пересохшем горле вкус дыма, пепла и смерти.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Тесс, расслабься. — Рука Бена легла ей на талию, губы почти касались уха. — Если ты заметила, здесь вечеринка, а не похороны.

«И это хорошо», — подумала Тесс, опуская взгляд на свое темно-красное платье. Оно было простое, купленное на распродаже, но на фоне всех этих людей в черном Тесс выделялась своим цветным нарядом и чувствовала себя неуютно.

Дело было не только в платье. С детства она испытывала неловкость, находясь среди людей. Она всегда была другой. Что-то отделяло ее от всех, Тесс не понимала, что именно, и предпочитала не задумываться над этим. Она всеми силами старалась вписаться в общество — вот, например, как сейчас, но стоя в толпе незнакомцев, терзалась непреодолимым желанием вырваться и сбежать.

Тесс казалось, что на нее надвигается шторм, вокруг сгущаются невидимые мощные силы, готовые затянуть ее в воронку, а затем выбросить на голые Рифы. Она боялась, что под ногами вот-вот разверзнется бездна.

Тесс потеряла шею, почувствовав какую-то тупую боль в области сонной артерии.

— С тобой все в порядке? — спросил Бен. — Ты за весь вечер почти ничего не сказала.

— Правда? Прости.

— Тебе здесь нравится?

Тесс кивнула и выдавила улыбку:

— Выставка просто замечательная. В программке написано, что это мероприятие исключительно для меценатов. Как тебе удалось достать билеты?

— Ну, у меня есть кое-какие связи... — Бен пожал плечами и вылил в рот остатки шампанского. — Один человек был у меня в долгу. Это не то, о чем ты подумала, — сказал он с легким упреком в голосе, забрав у Тесс пустой бокал из-под содовой. — Я знаю одного бармена, а он знаком с девчонкой, которая работает на подобных вечеринках. Помня, как ты любишь скульптуру, несколько месяцев назад я закинул удочку насчет пары лишних билетиков.

— А за что этот бармен тебе должен? — с подозрением спросила Тесс. Она знала, что Бен часто общается с сомнительными типами. — Что вас связывает?

— У него машина была в ремонте, и я одолжил ему свой фургон на вечер, ему нужно было работать на какой-то свадьбе. Вот и все дела. Ничего противозаконного. — Бен улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. — Я же дал тебе обещание, разве нет?

Тесс неуверенно кивнула.

— Раз уж речь зашла о баре, не повторить ли нам? Еще содовой для дамы?

— Да, пожалуйста.

Бен растворился в толпе, а Тесс продолжила осмотр экспонатов, выставленных в огромном зале музея. Здесь были сотни скульптур, запечатлевших тысячелетний период истории человечества, все в высоких витринах из оргстекла.

Тесс подошла к группе блондинок с бронзовым загаром и сверкающими драгоценностями. Как и подобает великосветским дамам, они плотным кольцом обступили витрину с итальянскими терракотовыми статуэтками и шумно обсуждали последние новости: такой-то плохо сделали подтяжку лица, а такая-то завела любовника — профессионального инструктора по теннису из загородного клуба, подумать только — вдвое моложе себя! Тесс переминалась с ноги на ногу у них за спиной, стараясь не слушать сплетни, а протиснуться поближе к элегантной скульптуре Корнаккини «Спящий Эндимион».

Тесс чувствовала себя обманщицей: во-первых, она появилась на этой вечеринке в качестве девушки Бена, коей не являлась, а во-вторых, она не принадлежала к числу покровителей музея. Бен в большей степени, нежели она, вписывался в это общество. Он родился и вырос в Бостоне, среди музеев и театров. А Тесс воспитывалась в атмосфере провинциальных ярмарок и захудалых кинотеатров. Ее познания в искусстве были довольно скромными, и безотчетная любовь к скульптуре стала для Тесс спасением, особенно в те трудные дни, когда она еще жила в родном Иллинойсе.

В то время она была совсем другим человеком. Тереза Дон Калвер кое-что знала об обманщиках. Ее отчим позаботился об этом. Внешне он казался идеальным: успешный, добрый, высокоморальный. Но в действительности таковым не являлся. Он умер около десяти лет назад. Мать, довольно чужой для Тесс человек, не так давно тоже умерла. А Тесс девять лет назад покинула родной дом и рассталась со своим печальным прошлым.

Если бы только можно было так же легко расстаться и со всеми воспоминаниями о нем.

Забывать то ужасное, что она сделала...

Тесс сосредоточилась на прекрасных линиях Эндимиона. Она погрузилась в созерцание терракотовой скульптуры восемнадцатого столетия, и вдруг волосы у нее на затылке зашевелились. Тесс обдало жаром. Она в смятении оглянулась. За спиной — никого. Блондинки, перемывавшие косточки своим подругам, успели переместиться к следующему шедевру, и возле спрятанного за стеклом Эндимиона стояла она одна.

Тесс вновь обратила взор на скульптуру в надежде, что извечная красота искусства развеет ее тревоги и унесет в мир покоя и совершенства.

— Изысканно.

Низкий голос с легким приятным акцентом заставил Тесс вздрогнуть и поднять голову. По другую сторону стеклянной витрины стоял мужчина. Глаза цвета виски в обрамлении густых черных ресниц смотрели прямо на нее.

Мужчина был высоким, около шести с половиной футов, и очень суровым, почти угрожающим на вид. Он казался олицетворением мрака — брюнет и весь в черном: трикотажная рубашка, кожаная куртка, байкерские штаны, ботинки.

Несмотря на то что одежда мужчины не соответствовала месту и времени, он держался с такой уверенностью, будто все здесь принадлежало ему. Он привлек к себе всеобщее внимание, на него глазели, но не с презрением или осуждением, а с уважением, которое невольно почувствовала и Тесс.

Осознав, что она, как и все, слишком долго таращится на незнакомца, Тесс перевела взгляд на Эндимиона.

— Да... да, он прекрасен, — пробормотала она, надеясь, что ее смущение останется для него незамеченным.

Непонятно из-за чего, сердце учащенно забилось, а в области сонной артерии снова появилась странная покалывающая боль. Тесс потеряла шею, но неприятное ощущение только усилилось, казалось, кровь закипает. Тесс нервничала, ей не хватало воздуха. Она попыталась было перейти к другому экспонату, но мужчина, обойдя витрину, преградил ей путь.

— Корнаккини — великий мастер, — сказал он, вернее, проурчал, словно сытый тигр. — Я знаю не все его работы, но мои родители — мы жили в Италии — были большими ценителями искусства.

Итальянец. Теперь понятно, откуда такой приятный акцент. Поскольку Тесс не удалось незаметно ускользнуть, она вежливо кивнула и спросила:

— Вы давно в Штатах?

— Да. — Улыбка тронула его чувственные губы. — Я здесь уже очень давно. Меня зовут Данте, — добавил он и протянул руку.

— Тесс. — Она едва не вскрикнула, когда их ладони соприкоснулись: Тесс словно током ударило.

Мужчина был великолепен.

Его отличала не слащавая привлекательность моделей, а суровая мужская красота — тяжелый подбородок, резко очерченные скулы. И еще полные чувственные губы. Именно такую греховную мужскую красоту скульпторы стремились запечатлеть в мраморе и глине. У незнакомца был лишь один изъян — горбинка на носу.

«Боксер?» — подумала Тесс, начиная терять к нему интерес. Ей не нравились мужчины, привыкшие иметь дело с насилием, даже если они имели вид падших ангелов.

— Желая приятно провести время. — Тесс мило улыбнулась и повернулась, чтобы уйти.

— Подожди. Почему ты убегаешь? — Он дотронулся до плеча Тесс. Всего лишь мимолетное прикосновение, но оно заставило ее замереть на месте, — Ты меня боишься, Тесс?

— Нет, — Какой странный вопрос. — А что, должна?

Искорка мелькнула в его глазах и тут же погасла.

— Нет. Я этого не хочу. Я хочу, чтобы ты осталась, Тесс.

Он несколько раз повторил ее имя, и тревога почему-то отступила.

— Понимаешь... я... э... здесь не одна, — выпалила Тесс первое, что пришло в голову.

— С бойфрендом? — спросил он и пристально посмотрел сквозь толпу в сторону бара, куда удалился Бен. — Ты не хочешь, чтобы он вернулся и увидел, что мы разговариваем?

Это было смешно. Бен не имел никаких прав на нее, и даже если бы их отношения продолжались, она не позволила бы ему контролировать себя настолько, чтобы запрещать разговаривать с другим мужчиной. А с Данте они только разговаривали, хотя, к ее удивлению, это казалось очень интимным и каким-то запретным.

У Тесс появилось ощущение опасности. Несмотря на то что она давно научилась быть бдительной и осторожной с мужчинами, Тесс не могла сопротивляться магическому обаянию Данте. Ее влекло к нему. Не просто влекло — она чувствовала, что каким-то странным образом связана с ним.

Данте улыбнулся ей и медленно обошел витрину.

— «Спящий Эндимион», — прочитал он подпись под скульптурой мифологического пастушка. — Как ты думаешь, Тесс, что ему снится?

— А разве ты не знаешь этот миф? — Чуть тряхнув головой, сама того не осознавая, Тесс начала приближаться к Данте. Она не могла остановиться, пока не встала рядом с ним, и теперь они вместе смотрели на скульптуру, их плечи и руки невольно соприкасались. — Ему снится Селена.

— Греческая богиня Луны, — подхватил Данте, и от его глубокого голоса ее пробрала дрожь. — Они были любовниками, Тесс?

Любовниками.

От этого слова теплая волна пробежала по ее телу. Данте произнес его почти небрежно, и все же Тесс показалось, что в нем был скрытый смысл, предназначавшийся только ей. И снова в сонной артерии застучала кровь, отзываясь на усилившееся сердцебиение. Тесс откашлялась, ощущая себя как-то странно, по-новому.

— Эндимион был красивым пастушком, — наконец проговорила она, вспоминая то небольшое, что благодаря колледжу знала из древнегреческой мифологии. — А Селена, как ты правильно заметил, богиня Луны.

— Человек и бессмертная, — произнес Данте. Тесс почувствовала на себе его пронзительный взгляд, — Не лучший вариант, правда? Придет час, и человек умрет.

Тесс подняла голову и посмотрела ему в глаза:

— Это один из немногих случаев, когда все сложилось удачно.

Она вновь уставилась на скульптуру, осознавая, что Данте продолжает пристально глядеть на нее, чувствуя жар, исходящий от его тела. Тесс снова заговорила, лишь бы заполнить многозначительную паузу.

— Только ночью Селена могла приходиться к Эндимиону. Но она хотела остаться с ним навсегда и умоляла Зевса даровать ее возлюбленному вечную жизнь. Зевс согласился и погрузил пастушка в сон, пребывая в котором он ждет наступления ночи и прихода возлюбленной Селены.

— Счастливый конец, который бывает только в мифах и сказках, — с ноткой цинизма констатировал Данте.

— Ты не веришь в любовь?

— А ты веришь, Тесс?

Она вновь посмотрела ему в глаза — пронизательные, изучающие, и он вдруг показался ей очень близким и родным человеком.

— Я хотела бы поверить, — ответила Тесс, не понимая, зачем говорит ему об этом. Откровенность смутила ее, и Тесс отошла к соседнему экспонату. Это был один из шедевров Родена. — Данте, чем тебя привлекает скульптура? Ты художник или просто любитель прекрасного?

— Ни то ни другое.

— Вот как?

Данте последовал за ней и встал рядом. С первого взгляда Тесс бросилось в глаза, насколько он не соответствует окружающей обстановке, но, рассмотрев его поближе, поговорив с ним, она вынуждена была признать, что он очень умен и разбирается в искусстве, хоть и выглядит как герой фильма братьев Вачовски. Под черной одеждой и крепкими мышцами скрывалась мудрость, которая заинтриговала ее. Возможно, даже больше, чем следовало.

— Тогда что же тебя привело сюда? Ты один из покровителей музея?

Он покачал головой.

— Работаешь в охране? — предположила Тесс.

Это могло хоть как-то объяснить его внешний вид и энергию, которую он излучал. Возможно, он представитель охраны страховой компании, такие часто дежурят на выставках, где экспонируются ценные коллекции.

— Я кое-что хотел здесь увидеть, — произнес Данте, продолжая гипнотизировать ее взглядом. — Это единственная причина, заставившая меня прийти.

От того, как он это сказал и как смотрел на нее — будто пронзая насквозь, — Тесс бросило в дрожь. Она знала, к каким уловкам прибегают мужчины, стремясь соблазнить, но здесь было нечто другое.

Данте смотрел на нее таким проникновенным взглядом, будто она давно уже принадлежала ему.

И в этом не было ни бравады, ни угрозы — просто констатация факта.

Тесс представила, как его руки скользят по ее обнаженным плечам, чувственные губы обхватывают ее губы, зубы легонько покусывают шею.

«Изысканно».

Тесс смотрела ему в лицо, слегка изогнутые губы не двигались, хотя она только что явственно слышала его голос. Данте подошел к ней вплотную, не обращая внимания на бурлившую вокруг толпу, — казалось, их вообще никто не замечает, — и нежно провел большим пальцем по ее щеке. Тесс не нашла в себе сил пошевелиться, когда он нагнулся и коснулся щеки губами.

В груди Тесс вспыхнуло пламя, парализуя волю, лишая рассудка.

«Сегодня вечером я хотел увидеть тебя».

Она сомневалась, что слышит это, потому что он не произнес ни единого слова. Но голос Данте звучал в ее голове, успокаивая, хотя должен был тревожить, внушая доверие, в то время как здравый смысл подсказывал, что происходящее невозможно.

«Закрой глаза, Тесс».

Ее веки сами опустились, и его губы прижались к ее губам в завораживающем поцелуе. «Этого не может быть, — в панике подумала Тесс. — Я не могу позволить этому мужчине поцеловать себя. В центре зала, у всех на виду».

Но она чувствовала тепло его губ, его зубы легонько прикусили ее нижнюю губу прежде, чем удивительный поцелуй закончился. Но Тесс жаждала продолжения.

Господи, как она хотела большего.

Тесс не могла открыть глаза, кровь оглушительно стучала в висках, каждая клеточка тела горела желанием. Она стояла, чуть покачиваясь, сердце колотилось, дыхание замерло — настолько она была поражена случившимся. По телу пробежал прохладный ветерок, возвращая ее к реальности.

— Прости, задержался. — Голос Бена заставил Тесс открыть глаза. Он стоял рядом с ней, держа в руках два бокала. — Здесь людей — как пчел в улье, очередь в бар длиннющая.

Тесс удивленно огляделась по сторонам в поисках Данте. Но он исчез. Словно его и вовсе не было.

Бен протянул ей бокал с содовой. Тесс осушила его залпом и не отказалась бы от шампанского Бена.

— О черт! — Бен, глядя на нее, нахмурился. — Тесс, наверное, край бокала оказался с зазубриной. Ты порезала губу.

Тесс коснулась губ. Пальцами, алыми от крови, она взяла салфетку, которую протянул ей Бен.

— Господи, прости. Я должен был посмотреть...

— Все в порядке. — Тесс знала, что Бен не виноват в случившемся. И ей не нужно было осматривать край бокала в поисках зазубрины. Она не сомневалась, что прикусила губу сама, когда они с Данте... Впрочем, об этом странном происшествии Тесс даже думать не желала. — Бен, я немного устала. Ты не будешь возражать, если мы уйдем?

Бен кивнул:

— Как хочешь.

— Спасибо.

Направляясь к выходу, Тесс бросила взгляд на спавшего за стеклом Эндимиона, он ждал наступления ночи и прихода своей бессмертной возлюбленной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О чем, черт возьми, он думал?

Данте покинул музей в дурном расположении духа. Ошибкой номер один было решение прийти сюда, чтобы увидеть эту женщину, которая по законам Рода теперь

принадлежала ему. Ошибка номер два? Увидев ее в красном платье рядом с тем парнем — драгоценный рубин, искрящийся жизнью, — он думал, что сумеет удержаться и не приблизиться к ней.

Не прикоснуться.

Не попробовать хотя бы капельку ее крови.

Но все вышло из-под контроля и с невероятной скоростью привело к катастрофе. Возбуждение Данте требовало разрядки. Его зрачки сузились, сердце билось учащенно, клыки под влиянием плотского желания увеличились. Физиологический дискомфорт усугублял недовольство Данте самим собой. Как он мог, едва приблизившись к Тесс, так легко потерять контроль?!

Данте представлял, как далеко они с Тесс могли бы зайти на глазах у многочисленной публики, если бы ее бойфренд вовремя не вернулся. Он отошел от барной стойки в тот момент, когда Данте овладели самые низменные инстинкты.

Господи.

Ему не следовало приходить сюда сегодня.

Что он пытался доказать себе? Что он сильнее той кровной связи, которая соединила их навечно?

Единственное, что он доказал, так это собственную глупость. Сексуальное возбуждение будет напоминать ему об этом до самого утра. А злость на себя и раздражение затянутся на неделю.

И все же Данте не мог сожалеть о пережитом наслаждении, о том, как сладко таяла Тесс в его руках. Он продолжал чувствовать на языке ее кровь из пораненной клыком губы, и этот чудесный вкус заставлял его забыть все телесные муки.

Его желание сейчас разительно отличалось от обычных потребностей плоти. Прошло всего шестнадцать часов с тех пор, как Данте пил кровь, а он желал крови Тесс так, будто шестнадцать дней голодал. Шестнадцать часов назад у него был секс, а он ни о чем не мог думать, кроме как о том, чтобы оказаться в постели с Тесс.

Паршивые дела.

Нужно как можно скорее выбросить все из головы и взять себя в руки. Сегодня ночью его ждет серьезное дело. И это поважнее разбушевавшегося либидо.

Вытащив из кармана куртки телефон, Данте набрал номер бункера.

— Чейз уже звонил? — спросил он, едва заслышав в трубке голос Гидеона.

— Еще нет. Мы договаривались на десять тридцать.

— А сейчас сколько?

— Без пятнадцати девять. А ты сам-то где?

Данте сухо рассмеялся, каждая клеточка его тела все еще изнывала от желания.

— Там, где никогда не должен был оказаться.

Оставалось убить еще уйму времени, прежде чем начнется их с Чейзом ночное патрулирование, и Данте не собирался скучать в одиночестве.

— Позвони в Темную Гавань, — попросил он Гидеона. — Скажи Гарварду, что сегодня урок начинается раньше обычного. Я уже еду за ним.

Выйдя из такси, Бен начал настойчиво предлагать Тесс проводить ее. Его фургон был припаркован неподалеку, и Тесс надеялась, что они быстро попрощаются на обочине. Но Бен, разыгрывая джентльмена, вознамерился довести ее до самых дверей квартиры на втором этаже. Они поднимались по старой деревянной лестнице, и его шаги глухим эхом отдавались у нее за спиной, пока они не остановились у квартиры 2-F. Тесс открыла сумочку, чтобы достать ключи.

— Тесс, я хочу тебе сказать, — тихо произнес Бен над самым ее ухом, — ты сегодня прекрасно выглядишь.

Тесс напряглась, чувствуя себя виноватой, что согласилась пойти с Беном на эту выставку, да еще так неожиданно познакомилась с другим мужчиной...

«С Данте», — имя прошелестело у нее в голове, словно черный бархат.

— Спасибо, — пробормотала Тесс и вставила ключ в замочную скважину. — И спасибо за возможность побывать на такой интересной выставке. Очень мило с твоей стороны.

Дверь с тихим скрипом открылась, и Тесс почувствовала, как рука Бена скользнула по ее распущенным волосам.

— Тесс...

Она повернулась, чтобы сказать ему, что это был последний раз, когда они куда-то выходили вместе. Но едва она открыла рот, как Бен порывисто впился губами в ее губы.

Тесс дернулась и отпрянула, слишком взволнованная, чтобы скрыть свою резкость. Она успела заметить обиду, мелькнувшую в глазах Бена. Тесс поднесла руку к губам и покачала головой.

— Бен, прости, но я не могу...

Он шумно выдохнул и провел рукой по своим золотистым волосам.

— Забудь.

— Я просто... — Тесс замолчала, подбирая слова. — Так не может продолжаться. Я хочу быть твоим другом, но...

— Я же сказал, забудь. — Его голос прозвучал отрывисто, почти грубо. — Доктор, вы мне уже все объяснили относительно своих чувств. Но до меня, видно, плохо доходит.

— Это моя вина, Бен. Я не должна была идти с тобой на эту выставку. Я не хотела давать тебе повод думать, что...

Бен натянуто улыбнулся:

— Я ничего такого не думал. Ну все, мне пора идти. Дела, знаешь ли, не терпят отлагательств.

Он начал спускаться. Тесс вошла в прихожую, чувствуя себя отвратительно из-за того, что они так плохо расстались.

— Бен, не уходи. Давай поговорим.

Бен даже не ответил, лишь обернулся, пристально посмотрел на нее и продолжил спускаться. Через несколько секунд она услышала, как хлопнула дверь подъезда. Тесс быстро подошла к окну и увидела, как Бен сел в фургон и машина, рванув с места, исчезла в темноте.

Сквозь темные линзы очков Данте вглядывался в лица извивающихся людей, столпившихся в ночном клубе. Воин забрал Чейза из Темной Гавани пару часов назад, и с тех пор они встретили только одного Отверженного. Крепкий на вид парень выслеживал жертву среди бездомных. Данте продемонстрировал Чейзу волшебные свойства титана, способного испепелить кровососа на месте.

Но воин чувствовал разочарование, ему хотелось жаркого, отчаянного боя. До того как блеснут первые лучи солнца, его тело должно быть покрыто синяками и кровоточащими ранами. Это станет компенсацией за неудачное начало ночи, наказанием за допущенные ошибки.

А Гарвард выглядел так, словно нуждался в хорошем душе. «Возможно, даже в холодном», — подумал Данте, проследив за взглядом вампира. Он был прикован к миниатюрной женщине с длинными белокурыми волосами, стоявшей в кругу людей. Казалось, каждый раз, когда она отбрасывала волосы назад, агент Чейз напрягался все

сильнее. Он наблюдал за женщиной с жадностью хищника, реагируя на малейшее движение, будто в любой момент был готов наброситься на нее.

Возможно, она почувствовала на себе обжигающий взгляд вампира, люди очень восприимчивы к силе, излучаемой глазами представителей иного мира. Блондинка накрутила на палец прядь волос, повернула голову и призывно посмотрела на Чейза.

— О, тебе повезло, Гарвард, она тебя тоже заметила.

Чейз оторвал взгляд от блондинки и сердито посмотрел на Данте. В это время блондинка отделилась от группы людей, очевидно собираясь уходить.

— Она меня не интересуется.

— Не надо из меня дурака делать, — фыркнул Данте. — Хочешь сказать, что жителей Темных Гаваней не привлекают красотки?

— В отличие от других, я считаю недопустимым давать волю каждому импульсу. Я не желаю уподобляться животному и стараюсь контролировать себя.

«Без ответа такой вызов оставлять нельзя», — раздраженно подумал Данте.

— Где ты был со своим добрым советом несколько часов назад, доктор Фил?⁶

Чейз вопросительно посмотрел на Данте:

— Что?

— Да так, ничего.

Данте кивнул в другую сторону, где собралась небольшая группка молодых вампиров из Темной Гавани, которые не проявляли никакого интереса к женщинам, сосредоточившись на каком-то парне, по-видимому чем-то торговавшем в самом центре шумной толпы.

— Там какая-то дрянь творится, — сказал он Чейзу. — Похоже, они кайфом заправляются. Пошли разберемся...

Но не успел Данте договорить, как понял, что происходит. В одно мгновение все стало явным.

Один из вампиров, получив что-то, глубоко вдохнул это нечто носом, запрокинул голову и издал низкий, глухой рев.

— «Малина», — прорычал Чейз, но Данте и сам успел догадаться.

Вампир опустил голову и зарычал, сверкая янтарно-огненными глазами. Люди испуганно закричали и бросились врассыпную, в суматохе спотыкаясь и толкаясь. Одна из девушек замешкалась, вампир настиг ее и повалил на пол. Парня мгновенно охватил приступ Кроважадности, его клыки обнажились в нетерпеливой жажде убивать.

Почти две сотни людей должны были стать свидетелями кровавого пиршества.

Сквозь толпу со скоростью, делавшей их почти невидимыми человеческому глазу, Данте и Чейз кинулись к месту разворачивающейся трагедии. На ходу Данте заметил парня с полупустым пузырьком красного порошка. Дилер стоял, в ужасе раскрыв рот, но неожиданно сорвался с места и побежал к черному ходу клуба.

Черт.

Данте знал этого сукина сына.

Он видел его всего несколько часов назад — с Тесс на выставке в музее.

Бойфренд Тесс был торговцем «малиной».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— За ним! — приказал Данте Чейзу.

⁶ «Доктор Фил» — популярное телешоу.

Данте с трудом сдержал порыв броситься за парнем и разорвать его в клочья, прежде чем тот окажется на улице. Происходящее в клубе было сейчас важнее. Данте схватил обезумевшего вампира за шиворот, отодрал от визжащей жертвы и отбросил к стене.

— Беги отсюда! — крикнул он лежащей на полу девушке, от ужаса утратившей способность двигаться. Все произошло так быстро, что ее человеческий разум едва ли мог это осмыслить. Должно быть, приказ Данте прозвучал для нее как гром с небес. — Да беги, черт возьми!

В следующее мгновение Данте уже забыл о ней.

Одурманенный «малиной» вампир поднимался на ноги, ворча и шипя. Его губы были в розовой пене, розовая слюна стекала по обнажившимся клыкам, зрачки черными узкими росчерками разрезали янтарное пламя глаз. Взгляд блуждал, голова раскачивалась из стороны в сторону, словно юнец не знал, на что решиться: разорвать сонную артерию человека или того, кто помешал ему это сделать.

Вампир зарычал и бросился к ближайшему человеку.

Данте ураганом налетел на безумца и оттеснил его в коридор к черному ходу. Они вывалились через Дверь на узкую, грязную улочку. Улочка была пуста — ни Чейза, ни бойфренда Тесс, торговавшего «малиной», — только темнота, влажный асфальт и вонь от отходов недельной давности, гниющих в баке.

Данте мысленно приказал двери клуба у него за спиной захлопнуться так, чтобы замок заклинило, и все любопытные оказались отрезанными и не могли стать свидетелями или участниками схватки.

Вампир дрался, как разъяренный псих, брыкался, пинался, махал кулаками, словно ему в кровь впрыснули слоновью дозу адреналина. Он даже умудрился вонзить клыки в плечо Данте.

Данте в ярости взревел, его снисходительность к неблагодарному юнцу мгновенно улетучилась, одним ударом он отбросил его от себя. Вампир отлетел и, ударившись о стальной мусорный бак, мешком рухнул на асфальт.

Данте подошел к нему, от ярости зрачки у него сузились, глаза пылали огнем. Он чувствовал, как удлинились клыки — физиологическая реакция на схватку.

— Вставай, — приказал он молодому вампиру. — Сам вставай, пока я тебя, засранец, за яйца от земли не оторвал.

Тяжело дыша, вампир тихо зарычал и напрягся, чтобы подняться. Едва выпрямившись, он вытащил из заднего кармана джинсов нож — самый обычный, с небольшим лезвием и пластмассовой рукоятью, взятый с кухонного стола, — смешное оружие для серьезного боя.

— И что ты, сопляк, собираешься с ним делать? — спросил Данте, хладнокровно вынимая из ножен *malebranche*. Изогнутое лезвие с титановым краем зловеще блеснуло в темноте.

Юнец посмотрел на опасное оружие, зарычал и махнул своим ножом перед лицом Данте.

— Не дури, парень. Это «малина» заставляет тебя думать, что ты крутой. Давай закончим все мирно и поможем тебе прийти в норму.

Если молодой вампир и слышал Данте, то вряд ли понимал смысл его слов. Его горящие огнем глаза смотрели не моргая, дыхание с шипением вырывалось из оскаленного рта. Густая розовая слюна собралась в уголках губ. Вид у парня был совершенно безумный.

Он снова злобно заворчал и с ножом бросился на Данте. Тот, защищаясь, поднял *malebranche* и, выбив нож, задел руку вампира титановым лезвием.

От боли юнец зашипел, и шипение это было специфическим.

— О черт, — проворчал Данте. За годы охоты на Отверженных он научился узнавать этот звук.

Молодого вампира уже нельзя было спасти. «Малина» отравила его кровь, вызвав Кровожадность, и парень превратился в Отверженного. Доказательством необратимости процесса стало шипение, с которым под воздействием титана плавилось его тело.

Кожа на руке вампира пошла волдырями, они лопались, ткани расползались, вверх к плечу потянулись красные полосы — яд попал в кровь и теперь распространялся по всему телу. Несколько минут, и от молодого вампира ничего не останется — страшный конец.

— Прости, парень, — сказал Данте, глядя в округлившиеся глаза вампира.

Поддавшись состраданию, он молниеносным движением полоснул вампира по горлу.

— Господи, нет! — раздался крик. — Нет! Что ты делаешь?!

Чейз подбежал в тот момент, когда безжизненное тело Отверженного рухнуло на землю, отсеченная голова откатилась в сторону. Разложение происходило быстро и представляло собой омерзительное зрелище. Чейз с отвращением отступил, в ужасе глядя на происходящее.

— Это был... — В голосе агента Данте уловил неподдельную жалость. — Сукин сын! Ты только что убил мирного гражданина Темной Гавани! Черт возьми, он был совсем ребенком...

— Нет, — спокойно перебил его Данте, вытирая malebranche и пряча оружие в ножны. — Тот, кого я убил, больше не был мирным гражданином и тем более ребенком, он был Отверженным. Он принял слишком большую дозу «малины». И ты, Гарвард, сам можешь в этом убедиться.

Перед ними на асфальте лежала горстка пепла — все, что осталось от Отверженного. Легкий порыв ветра подхватил ее и развеял. Чейз нагнулся и поднял нож — единственное вещественное доказательство трагедии.

— А где наркодилер? — спросил Данте, испытывая острое желание разделаться и с ним.

Чейз покачал головой:

— Скрылся. В нескольких кварталах отсюда я потерял его из виду. Я почти догнал его, но он забежал в какой-то ресторан, и я просто... короче, он исчез.

— Ладно, забудь.

Данте не расстроился, он знал, что найти парня будет несложно. Ему просто придется немного последить за Тесс, рано или поздно ее бойфренд появится на горизонте, Данте с нетерпением ждал этой встречи, предвкушая, как лично расправится с ним.

Агент негромко выругался, глядя на нож.

— Этот юноша, которого ты убил... этот Отверженный, — поправился Чейз, — принадлежал к благополучной семье и был хорошим парнем. Черт! Что я теперь скажу его родителям? Как объясню ужасную гибель их сына?

Данте не знал, что ответить. Ему не за что было извиняться. Это война, и не важно, какой официальной позиции придерживалось правительство Темных Гаваней, но если представитель Рода превращался в Отверженного — под воздействием «малины» или в силу генетической уязвимости всех вампиров, — у него не было обратного пути, ни малейшей надежды на избавление от пагубной страсти. Никакого второго шанса. Если Гарвард хочет и дальше сотрудничать с Орденом, ему нужно как можно быстрее принять суровую реальность.

— Пойдем, — сказал Данте, похлопав агента по плечу. — Мы свое дело сделали. Ты не сможешь спасти их всех.

Бен Салливан мчался, не сбавляя скорости, пока в зеркале заднего вида огни Бостона не превратились в мерцающие искорки. Он свернул с шоссе на спускавшуюся к реке дорогу, которая вела к промышленным строениям. Руки Бена, сжимавшие руль, тряслись, ладони были липкими от пота. Сердце в груди бешено колотилось. Он с трудом дышал.

Вот черт.

Что за дерьмо случилось в клубе?

Должно быть, передозировка. Парень принял «малину», а потом у него начались странные конвульсии. Но он был постоянным клиентом Бена и только за последние две недели покупал у него «малину» раз пять. Бен производил порошок слабого стимулирующего действия и продавал его в клубах и на различных вечеринках практически все лето. И насколько ему было известно, никогда ничего подобного не происходило.

И тут на тебе — эта чертова передозировка.

Бен въехал в посыпанный гравием двор старого склада, выключил фары и остался сидеть в машине, не заглушая мотор.

За ним погнался какой-то парень — один из тех двоих, высоких и крепких, которые тусовались в клубе и, очевидно, видели, как он продавал «малину». Вполне возможно, что они из полиции или даже из Управления по борьбе с наркотиками. Один черноволосый, в темных очках, второй не менее устрашающего вида, именно этот бросился вдогонку за Беном. Они действовали так молниеносно, что сразу стало ясно: эти парни привыкли сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы.

Бен не собирался проверять это на собственной шкуре. Он выбежал из клуба и понесся, петляя по близлежащим улочкам и ныряя в переулки, пока наконец ему не удалось оторваться от преследователя. Тогда Бен, сделав круг, вернулся к фургону и помчался прочь.

Словно в лихорадочном бреду в памяти всплывали обрывки того, что случилось в клубе. События разворачивались стремительно. Парень принял слоновью дозу «малины», и почти сразу же его тело начало конвульсивно дергаться. Он запрокинул голову и как-то странно завыл. Стоявшие вокруг люди закричали.

Поднялась паника. Но одно запечатлелось совершенно отчетливо...

У парня выросли клыки.

Большие и острые, как у собаки, такие ни с чем не спутаешь и не спрячешь. А парень и не пытался их прятать: он издал леденящий душу рев и набросился на стоявшую рядом девчонку.

Словно хотел клыками разорвать ей горло.

А его глаза! Они сделались такими янтарно-желтыми, словно у него в голове горел огонь и сквозь глаза вырывался наружу.

Бен был уверен, что видел все это, только не знал, как это истолковать. Не мог найти какое-либо разумное объяснение.

С точки зрения логики этого не могло быть.

Но какая, к черту, логика! Она не поможет унять лихорадочную дрожь и не спасет маленькое безобидное «фармацевтическое» предприятие Бена, так неожиданно потерпевшее крах. Передозировка превратила парня в чудовище — и дело усугублялось тем, что все произошло в клубе, на глазах у множества людей, а Бен не успел скрыться, и

его заметили. Эффект, который произвела передозировка, оказался совершенно неожиданным.

Бен повернул ключ зажигания и ждал, пока мотор окончательно не заглохнет. Ему срочно нужно проверить формулу наркотика. Возможно, последняя партия оказалась бракованной, вдруг он случайно сделал что-то не так. А может быть, у парня просто была аллергия.

Ну конечно! Иначе с чего бы это с виду нормальному молодому человеку превращаться в кровожадного вампира.

— Господи, — пробормотал Бен, вылезая из фургона.

Он подошел к двери старого склада, на которой висел большой замок, и полез в карман за ключом. С металлическим лязгом и скрипом качнувшись на петлях, дверь открылась, и Бен вошел в лабораторию. Снаружи склад, некогда принадлежавший бумажной фабрике, имел весьма непрезентабельный вид, но внутри находилась современная лаборатория, оборудовать которую помог очень богатый, но пожелавший остаться неизвестным покровитель. Он поручил Бену направить все усилия на изготовление красного порошка под названием «малина».

Кабинет Бена располагался за десятифутовой стальной сеткой. Здесь, чуть поблескивая, стоял стол из нержавеющей стали, а на нем — всевозможные мензурки, горелки, ступка с пестиком и электронные весы. Шкафы вдоль стены были заполнены емкостями с различными фармацевтическими препаратами — катализаторами серотонина, миорелаксантами и прочим. Для бывшего химика раздобыть все это не составило особого труда — всего лишь несколько услуг нужным людям.

Бен не собирался заниматься производством и распространением наркотиков. Вначале, после того как его уволили из косметической компании, где он работал инженером в исследовательской лаборатории, ему и в голову не могла прийти идея заняться чем-то противозаконным. Но насмотревшись на то, как издеваются над незащищенными животными, тестируя на них косметические средства, Бен стал ярким защитником братьев наших меньших, за что в результате и был уволен.

Он начал спасать животных, которых хозяева содержали в ужасных условиях, и если законные способы освобождения оказывались малоэффективными, то он попросту похищал несчастных питомцев. Привыкнув балансировать на грани закона, Бен с легкостью решился на торговлю наркотиками. В конце концов, что преступного в том, чтобы продавать практически безобидные стимуляторы взрослым, отвечающим за свои поступки людям? Мероприятия по спасению животных требовали затрат, а Бену было что предложить клубным завсегдатаям. Эти препараты они могли купить у любого дилера, так почему не у него?

К сожалению, Тесс смотрела на его деятельность иначе. Узнав, чем он занимается, она разорвала с ним отношения. Бен поклялся, что ради Тесс покончит с сомнительными делами, так он и поступил, но в начале лета к нему явился его нынешний покровитель с толстой пачкой наличных.

До сегодняшнего дня Бен не понимал, почему производству «малины» уделялось такое внимание. Будь то экстази или бутират — все ясно, но «малина»? Бен сам придумал формулу этого легкого наркотика и вначале испытал его на себе. «Малина» Действовала чуть сильнее любого тонизирующего напитка с кофеином, стимулировала аппетит и делала человека более раскрепощенным.

Эффект был почти мгновенным, но кратковременным — примерно за час все улетучивалось. Наркотик казался таким безобидным, что Бен никак не мог понять, почему за его изготовление и распространение ему так фантастически платят.

После того, что случилось сегодня ночью в клубе, щедрые вознаграждения, разумеется, прекратятся, и это понятно.

Бен должен связаться со своим покровителем и сообщить об ужасном инциденте, свидетелем которого он стал. Босс должен знать о странном действии «малины». Естественно, он согласится немедленно прекратить ее производство.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Данте шел на звук разговора, доносившегося из зала, который находился на первом этаже особняка и предназначался для официальных обедов. Они с Чейзом вернулись несколько минут назад, завершив зачистку клуба и прилежащих территорий. Чейз спустился в лабораторию, чтобы доложить в Темную Гавань о результатах ночного патрулирования. Данте тоже предстояло отчитаться, и он сомневался, что удостоится похвалы грозного главы Ордена.

Данте остановился на пороге зала, освещенного свечами. Лукан сидел за длинным, изысканно накрытым столом. Воин выглядел так, словно сам только что вернулся с ночного патрулирования: под черной кожаной курткой поблескивало оружие, что придавало П1 еще более суровый вид.

Но его Подругу по Крови, казалось, это несколько не смущало. Габриэлла устроилась у Лукана на коленях, трогательно склонив голову ему на плечо. Она что-то сказала сидевшим напротив Гидеону и его Подруге по Крови Саванне. Все засмеялись, включая Лукана, хотя до появления в бункере Габриэллы невозможно было даже представить, что у него есть чувство юмора. Улыбаясь, он с нежностью гладил ее длинные, с рыжеватым отливом волосы. Эта ласка стала привычной за те несколько месяцев, что они были связаны узами крови. Но до этого Лукан изрядно помучил свою подругу.

Гидеон и Саванна тоже казались по уши влюбленной парой. Данте никогда не сомневался в этом, но ни разу за все тридцать с лишним лет, что они были вместе, не присматривался к их отношениям. Сидя рядом, они держались за руки, большой палец Гидеона рассеянно гладил длинные пальцы Саванны. Глазами цвета темного какао она ласково смотрела на Гидеона, и в ее взгляде читалось счастье оттого, что она рядом со своим возлюбленным.

«Так вот что значит быть парой, связанной узами крови, — подумал Данте. — Именно от этого я долгие годы бежал?»

Эта мысль поразила его. Он давно забыл, что такое настоящая любовь, перестал замечать ее проявления. Родители Данте испытывали друг к другу глубокие чувства. Они являлись для него идеальной парой. О таких отношениях он даже мечтать не смел. О чем мечтать и на что надеяться, если смерть в любой момент может отнять все? Данте не хотел страдать или причинять страдания своей подруге.

Он смотрел на пары, сидящие в зале, пораженный царившей здесь атмосферой любви — глубокой и преданной, что лежит в основе семьи. Его охватило столь сильное смятение, что захотелось сбежать и вернуться позже, вместе с остальными воинами, когда те завершат патрулирование.

— Ты там всю ночь собираешься стоять или все же подойдешь к столу?

«Черт».

Уйти незамеченным не удалось. Лукан, один из сильнейших вампиров Рода, возможно, уже давно почувствовал его присутствие.

— Что случилось? — спросил он, когда Данте неохотно приблизился. — Возникли проблемы?

— К сожалению, я принес плохие новости. — Данте засунул руки в карманы куртки и оперся плечом о стену. — Сегодня мы с Гарвардом получили билеты в первый ряд и наблюдали, что «малина» делает с вампиром. Парень из Темной Гавани, по всей видимости, принял слишком большую дозу, прямо в клубе превратился в Отверженного и набросился на женщину, собираясь разорвать ей горло на глазах у пары сотен людей.

— Господи, — сквозь зубы прошипел Лукан.

Габриэлла соскользнула с его коленей, и Лукан тяжелой поступью принялся мерить гостиную.

— Тебе удалось предотвратить трагедию?

Данте кивнул:

— Я успел оторвать его от женщины, прежде чем он впился в нее клыками. Но парень был в ужасном состоянии. Он превратился в Отверженного за долю секунды. Когда я вытащил его на улицу, спасти парня было уже нельзя. Пришлось испепелить его на месте.

— Какой ужас! — Тонкие брови Габриэллы сошлись на переносице.

Саванна кивнула на рану Данте, которая только недавно перестала кровоточить.

— Ты в порядке? — спросила она. — Похоже, твоя куртка и плечо нуждаются в штопке.

Данте передернул плечами, ощущая неловкость от проявленного к нему женского внимания.

— Я в норме. А вот Гарвард в легком шоке. Я приказал ему догнать наркодилера, но он вернулся раньше, чем я закончил свою работу. Я думал, он сорвется, глядя, как разлагается тело Отверженного, но ничего, он выдержал.

— А что с дилером? — мрачно спросил Лукан.

— Сбежал. Но я его запомнил. Думаю, я знаю, как его найти.

— Хорошо. Это твоя задача номер один.

Зазвонил мобильный телефон, лежавший на столе рядом с Гидеоном.

— Это Нико, — глянув на дисплей, сообщил Гидеон. — Как дела, дружище?

Разговор был короткий.

— Он едет сюда, — сказал Гидеон. — Сегодня ночью он тоже имел дело с вампиром, превратившимся в Отверженного под воздействием «малины». По его словам, и Тиган успел записать на свой счет троих.

— Черт возьми! — прорычал Данте.

— Милый, объясни, что происходит, — повернулась к Гидеону Саванна. Ее тревога передалась и Габриэлле. — Это случайность, что наркотик превращает вампиров в Отверженных, или чей-то злой умысел?

— Пока не знаем, — мрачно ответил Гидеон.

Лукан прекратил расхаживать и встал, скрестив руки на груди.

— Нужно узнать, и как можно быстрее. Нам необходимо срочно найти сбежавшего дилера, выяснить, откуда поступает наркотик, и уничтожить источник.

Гидеон провел ладонью по своим светлым волосам.

— Хочешь услышать самый отвратительный из возможных сценариев? Предположим, что некий вампир страдает манией величия и мечтает о мировом господстве. Он начинает собирать армию Отверженных, но враги неожиданно взрывают его штаб. Он остается в живых, хотя и бежит, поджав хвост. Он очень раздражен, просто в бешенстве. Не будем забывать, что его мания величия и мечта завоевать весь мир остаются при нем.

Лукан, стоявший в другом конце гостиной, со злостью выругался. Все знали, что сейчас Гидеон говорит о его родном брате, таком же, как и Лукан, П1, который некогда был воином, а потом долгое время считался погибшим. И только минувшим летом, когда Орден разгромил большое логово Отверженных, стало известно, что брат Лукана жив.

Жив и благоденствует, более того, провозгласил себя предводителем армии Отверженных. Каковым, видимо, остается и по сей день, учитывая, что Мареку удалось избежать гибели во время взрыва штаба.

— Мой брат может быть кем угодно, — задумчиво произнес Лукан, — но ручаюсь, что психически он абсолютно здоров. У Марека есть план. И куда бы он ни сбежал, будьте уверены, он продолжает работать над его осуществлением. Никакие препятствия не остановят Марека, он доведет задуманное до конца.

— Значит, сейчас ему нужно восстановить численность своей армии, и сделать это в кратчайшие сроки, — сказал Гидеон. — Для того чтобы вампир Рода превратился в Отверженного, требуется время и неблагоприятные обстоятельства. Вероятно, Марек решил найти способ ускорить этот процесс...

— «Малина» — сильный инструмент вербовки, — заметил Данте.

Гидеон бросил на него задумчивый взгляд:

— Я даже представить боюсь, что произойдет, если наркотик получит широкое распространение по всему миру. Мы не сможем контролировать процесс превращения вампиров в Отверженных, это примет характер эпидемии, и воцарится полная анархия.

Данте не нравились перспективы, которые рисовал Гидеон, но в глубине души он думал так же. Еще больше ему не нравилось то, что дилером был бойфренд Тесс, возможно, и сама Тесс имела какое-то отношение к этому поганому делу с «малиной». От этой мысли у него кровь стыла в жилах.

Знает ли Тесс, чем занимается ее бойфренд? Помогает ли ему? Возможно, снабжает фармацевтическими препаратами через свою клинику? Известно ли ей или ему об истинных свойствах и предназначении «малины»? Что будет, если они узнают правду о мире вампиров, сосуществующем с миром людей более тысячи лет? И что, если гибель нескольких вампиров — или даже всей расы — вовсе не покажется им катастрофой?

Данте нужно было выяснить, какую роль в этом деле играет Тесс. Он не собирался подставлять ее под перекрестный огонь войны, пока не узнает правды. И ему вовсе не было совестно использовать Тесс для того, чтобы подобраться поближе к ее бойфренду. Ближе настолько, чтобы уничтожить этого ублюдка, если возникнет такая необходимость.

А пока Данте просто надеялся, что Ордену удастся остановить распространение наркотика и избежать катастрофы.

«Привет, Бен, это я. — Тесс закрыла глаза, опустила голову на руку и вздохнула. — Послушай, я понимаю, сейчас слишком поздно для звонков, но хочу, чтобы ты знал: мне не нравится то, как мы с тобой расстались сегодня вечером. Я надеялась, что ты зайдешь и дашь мне возможность все объяснить. Ты мой друг, Бен, и я не желаю причинять тебе боль...»

В трубке раздался пронзительный писк автоответчика, заставляя Тесс замолчать. Она повесила трубку и откинулась на спинку дивана.

Возможно, это даже к лучшему, что она не договорила. В голове полный бардак, нервы напряжены так, что сна ни в одном глазу, хотя уже полночь, а завтра ей на работу чуть ли не к шести утра. Сегодняшний вечер все в ней перевернул, и она беспокоилась за Бена.

«Хотя, — в очередной раз напомнила себе Тесс, — он взрослый человек и сам отвечает за свои поступки».

Она не должна волноваться за Бена, но она волновалась.

Если не считать Норы, Бен был ее самым близким другом. Фактически это ее единственные друзья. Больше Тесс ни с кем не общалась, но такой уединенный образ жизни она выбрала сама. Она отличалась от большинства людей, и осознание этого стало причиной ее необщительности. Тесс предпочитала одиночество.

Она посмотрела на свои руки, взгляд непроизвольно остановился на родимом пятнышке между большим и указательным пальцами правой руки. В руках заключались все ее таланты. В юности, когда Тесс еще жила в Иллинойсе, от бессонницы она спасалась лепкой. Ей нравилось ощущать, как холодная глина в ее руках делалась теплой и податливой, как под мягким нажимом стеки легко преображалась из бесформенного комка в нечто прекрасное.

На полу перед Тесс стояла старая коробка с инструментами и незавершенными «шедеврами», извлеченная из кладовки в прихожей. Как часто Тесс бежала от внешнего мира, погружаясь в царство волшебства. Сколько раз глина, нож и стека становились ее друзьями, которым она поверяла свои сокровенные тайны в те минуты, когда ни с кем больше не могла поделиться.

Руки Тесс давали ей смысл жизни, но в то же время были ее проклятием, именно из-за них она не решалась сблизиться с людьми.

Никто не должен был узнать, что она сделала.

Воспоминания захлестнули ее: злобные крики, слезы, густой запах ликера и жаркое дыхание прямо в лицо. Она неистово отбивается руками и ногами. На нее наваливается тяжелое тело, а через несколько секунд ее поглощает бездна страха и сожаления.

Тесс выдохнула, отгоняя тягостные воспоминания. Так она делала последние девять лет с тех пор, как покинула родительский дом, чтобы начать новую жизнь — притворяться, что она такая же, как все, отрицая то, кем является на самом деле.

«Он дышит? О господи, он синеет! Что ты сделала, сучка?!»

Крики звучали в ушах, обвинение ранило так же больно, как и много лет назад. В это время года воспоминания становились особенно яркими. Завтра, вернее, уже сегодня годовщина тех событий, что столько лет не дают ей покоя. И эту дату никак не стереть из памяти, потому что она по какой-то подлой случайности совпадает с днем рождения Тесс. Ей исполнилось двадцать шесть, но она продолжала чувствовать себя испуганной семнадцатилетней девушкой.

«Ты убийца, Тереза Дон!»

Тесс поднялась с дивана, в пижаме подошла к окну и приподняла раму, чтобы вдохнуть свежий ночной воздух. Шумела оживленная автострада, гудели клаксоны, откуда-то издали доносился тревожный вой сирены. Порыв холодного ноябрьского ветра ворвался в окно, шевеля портьеры.

«Ты только посмотри, что ты натворила! Будь ты проклята!»

Тесс еще больше открыла окно и уставилась в черноту ночи, позволяя уличному шуму поглотить ее мысли, стереть нахлынувшие воспоминания.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Джонас Редмонд пропал.

Услышав голос Элизы, Чейз выключил монитор и поднял голову, незаметно пряча в ящик стола нож, который несколько часов назад поднял на месте трагедии, случившейся во время ночного патрулирования.

— Вечером он пошел с друзьями в город, они вернулись, а он нет.

Элиза стояла в дверях его кабинета, поразительно красивая даже в бесформенной траурной одежде, которую носила последние пять лет, — белая туника с широкими рукавами и длинная юбка, единственным цветным пятном был вдовий пояс из красного шелка, свободно повязанный вокруг бедер.

Элиза никогда не переступала порог кабинета Чейза без приглашения.

— Пожалуйста.

Агент поднялся со стула и жестом предложил ей пройти. Он жадно следил, как Элиза проскользнула внутрь и встала, прислонившись спиной к стене.

— Друзья Джонаса сказали, что в клубе он купил какой-то наркотик и просто обезумел, — негромко произнесла Элиза. — Набросился на кого-то. Ребята испугались и убежали. В панике они не видели, что случилось потом. Прошел целый день, а Джонас никак не давал о себе знать.

Чейз молчал. Элиза вряд ли захочет узнать правду, а он никогда по собственной воле не расскажет ей об ужасной смерти парня, свидетелем которой стал.

— Ты же знаешь, Джонас лучший друг Кэмдена.

— Да, я знаю, — тихо подтвердил Чейз.

Элиза нахмурилась и отвела взгляд, нервно теребя кончик красного пояса.

— Как ты думаешь, может быть, они потом встретились? Может быть, Кэм и Джонас спрятались где-то вместе. Они, наверное, ужасно испугались, им надо было где-то укрыться от солнца. Через несколько часов стемнеет. Возможно, вечером они вернутся или позвонят.

Чейз обогнул стол и остановился в нескольких шагах от Элизы.

— Я найду Кэмдена. Обещаю. Я не успокоюсь, пока он не окажется дома.

Элиза неуверенно кивнула:

— Я знаю, ты делаешь все возможное. Совсем не жалеешь себя. Тебе всегда нравилось работать в Агентстве. А сейчас ты еще начал сотрудничать с этими опасными головорезами из Ордена...

— Тебе не надо об этом беспокоиться, — мягко произнес Чейз. — Я отдаю себе отчет в том, что делаю.

Элиза посмотрела на него и улыбнулась — редкий для Чейза подарок.

— Стерлинг, я знаю, у тебя и моего мужа были некоторые разногласия. Квентин временами бывал излишне жестким. В Агентстве он загружал тебя работой, не давал продохнуть, но он уважал тебя, как никого другого. Он неизменно повторял, что ты лучший сотрудник и можешь многого добиться. Он очень хорошо к тебе относился, хотя и не умел этого выразить. — Элиза тяжело вздохнула. — Стерлинг, он был бы тебе очень благодарен за то, что ты для нас делаешь. Так же, как и я.

Глядя в лавандовые глаза Элизы, Чейз мечтал вернуть ей сына, чтобы сделать ее счастливой. И наградой ему станут слезы радости и порывистые объятия. Он почти ощущал на себе ее нежные руки, видел ее влажные глаза, наполненные благодарностью. Элиза будет смотреть на него как на своего спасителя, своего героя.

И теперь он готов был жить ради этого.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, — сказал Чейз, осмелившись еще на шаг приблизиться к ней.

Он позволил себе увлечься, представив, что Элиза принадлежит ему, и ее вдовий наряд исчез вместе с воспоминаниями о сильном и благородном мужчине, которого она так сильно любила и потеряла. В мечтах Чейза миниатюрная фигура Элизы изменилась и в округлившемся животе она носила его ребенка. Он подарит ей сына. Он подарит ей целый мир.

— Элиза, ты заслуживаешь счастья.

Она выдохнула так, словно он сжал ее в своих объятиях.

— Спасибо тебе за заботу. Я не знаю, что бы я делала без тебя, особенно сейчас.

Элиза подошла и положила руки ему на плечи, и от этого прикосновения, легкого, почти невесомого, Чейза бросило в жар. Он собрал всю волю в кулак, когда Элиза приподнялась на цыпочки и прижалась губами к уголку его рта. От этого короткого целомудренного поцелуя у Чейза перехватило дыхание.

— Спасибо, Стерлинг, о таком девере можно только мечтать.

В кофейне Норт-Энда Тесс изучала витрину с булочками и пирожными и наконец остановила свой выбор на семислойном брауни, политом карамельным сиропом. Тесс не привыкла баловать себя сладостями, а сейчас, в ее стесненном финансовом положении, у нее вообще не было на это права. Но после бессонной ночи и последовавшего за ней длинного рабочего дня Тесс все же решила доставить себе маленькую радость: съесть брауни и выпить капучино, не испытывая чувства вины за недопустимое расточительство. Ну, разве что в самом начале, до того, как ароматное пирожное коснется языка.

— Я заплачу, — раздался у нее за спиной низкий мужской голос.

Тесс резко повернула голову. Она узнала этот голос с приятным иностранным акцентом, хотя слышала его лишь однажды.

— Данте? — удивилась она. — Привет.

— Привет, — улыбаясь, ответил Данте, и сердце Тесс взволнованно забилось. — Я хочу заплатить за твой э-э-э... только не говори, что это твой ужин.

Тесс засмеялась и покачала головой:

— Я довольно поздно обедала на работе. И тебе вовсе не нужно за меня платить...

— Я настаиваю. — Он подал двадцать долларов и не взял сдачи, даже не заметив кокетливую улыбку хорошенькой продавщицы. Все его внимание сосредоточилось на Тесс. От его пристального взгляда девушке стало душно.

— Спасибо, — поблагодарила она и взяла со стойки пакетик с брауни и бумажный стаканчик с кофе. — А ты ничего не хочешь?

— Держусь подальше от сахара и кофеина. Не люблю.

— Не любишь? А я наоборот. Сахар и кофеин — мои маленькие слабости.

Данте издал звук, похожий на кошачье урчание.

— А еще какие слабости у тебя есть?

— Работаю с утра до вечера, — поспешно ответила Тесс, чувствуя, что краснеет, и отвернулась, чтобы взять салфетки.

Какой-то особый жар опалил ее шею, вызывая странное покалывание, похожее на слабые электрические разряды. Тесс остро ощущала присутствие Данте за спиной, пока они шли к дверям кофейни.

— Не ожидала встретить тебя здесь, Данте. Ты живешь где-то поблизости?

— Да, тут недалеко. А ты?

— В двух кварталах отсюда, — ответила Тесс, выходя на улицу и окунаясь в вечернюю прохладу.

Она снова стояла рядом с Данте и не могла отделаться от воспоминаний об их странном знакомстве в музее. Тесс постоянно думала об этой встрече, гадая, не был ли Данте всего лишь плодом ее воображения, потаенной фантазией, столь неожиданно проявившейся. Но нет, вот он — человек из плоти и крови, настолько реальный, что она могла к нему прикоснуться. Тесс стало страшно от того, насколько сильно ей хотелось это сделать.

Желание смущало и тревожило Тесс, ей хотелось сбежать, пока оно не сделалось непреодолимым.

— Что ж, — заговорила она, собираясь попрощаться, — еще раз спасибо за угощение. Всего хорошего.

Она уже развернулась, чтобы пойти прочь, но Данте тронул ее за плечо, его губы чуть заметно изогнулись не то в лукавой, не то в недоверчивой улыбке.

— Ты всегда от меня убегаешь, Тесс.

Неужели? А почему бы и нет? Они едва знакомы, и к тому же в его присутствии все ее чувства непонятным образом обостряются.

— Вовсе нет, я не убегаю...

— Позволь, я подвезу тебя до дому.

Он вытащил из кармана ключи, и припаркованный у обочины черный «порше» с готовностью откликнулся и мигнул фарами. «Отличная машина», — подумала Тесс, несколько не удивившись, что Данте ездит на таком красивом, быстром и дорогом автомобиле.

— Спасибо, но, знаешь... Такой прекрасный вечер, я лучше прогуляюсь.

— Могу я составить тебе компанию?

Если бы он произнес это повелительным тоном, что вполне соответствовало его облику, Тесс мгновенно отшла бы его. Но он спросил деликатно, словно отлично понимал, что давить не стоит. И хотя в этот вечер, впрочем, как и в любой другой, Тесс стремилась уединиться, слова отказа неожиданно застряли в горле, и она неуверенно промямлила:

— Ну, да, пожалуй... если хочешь.

— Очень хочу.

И они медленно пошли по тротуару — как еще одна пара среди туристов и жителей Бостона, с наслаждением прогуливавшихся по причудливым улочкам Норт-Энда. Они долго молчали, Тесс потягивала кофе, Данте острым взглядом осматривал окрестности, вызывая в ней волнение и одновременно вселяя уверенность. Глядя на лица прохожих, Тесс не находила в них ничего угрожающего, но внутренняя собранность и настороженность Данте свидетельствовали о том, что он готов к любой непредвиденной ситуации.

— Тогда в музее ты так и не ответил мне, чем занимаешься. Ты полицейский?

Данте серьезно посмотрел на нее и сказал:

— Я воин.

— Воин, — повторила Тесс, удивляясь столь старомодному слову. — Это значит — военный? Спецслужба? Патрульная служба?

— В каком-то смысле я ко всему этому имею отношение. Но, Тесс, клянусь тебе, я хороший парень. Мы делаем все возможное для поддержания порядка, не позволяем сильным и бесчестным обижать слабых и беззащитных.

Тесс не рассмеялась, хотя и не была уверена, что все это Данте сказал серьезно. То, как он представился, напомнило ей о рыцарских временах, древних идеалах благородства и справедливости.

— Должна признаться, что никогда не встречала подобного резюме. Что касается меня, я простой ветеринар, у меня небольшая частная практика.

— А твой бойфренд? Чем он занимается?

— Бывший, — тихо поправила его Тесс. — Мы с Беном давно расстались.

Данте остановился и посмотрел на нее, тень пробежала по его лицу.

— Ты солгала мне?

— Нет, я сказала, что пришла на вечеринку с Беном, и ты решил, что он мой бойфренд.

— И ты позволила мне заблуждаться? Но почему?

Тесс пожала плечами:

— Наверное, мне не хотелось быть до конца откровенной.

— А сейчас?

— Не знаю. Я довольно закрытый человек и людям доверяюсь с трудом.

— Я тоже, — произнес Данте, глядя ей в глаза. Они снова пошли вперед. — Расскажи мне, как ты познакомилась с этим... э-э... Беном.

— Мы познакомились года два назад, это было связано с моей ветеринарной клиникой. Он стал для меня хорошим другом.

Данте ничего не ответил. Впереди засеребрились воды Чарльз-ривер, по ее берегу Тесс особенно любила гулять. Она пошла впереди, пересекла улицу и направилась вдоль реки по мощеной извилистой дорожке.

— Ты не очень веришь в это, — сказал Данте, когда они спустились почти к самой воде, темной, подернутой рябью. — Ты говоришь «хороший друг» но обманываешь не только меня, но и себя.

Тесс нахмурилась:

— Как ты можешь решать, во что я верю, а во что нет? Ты ничего обо мне не знаешь.

— Скажи мне, что я не прав.

Тесс начала убеждать Данте, что он ошибается, но его пристальный взгляд словно прожигал ее насквозь. Он знал. Господи, откуда это чувство, что она как-то связана с ним? Откуда ощущение, что он читает ее мысли? Так было с первой минуты их встречи в музее.

— Тогда на выставке... — ее голос прозвучал совсем тихо, — ты поцеловал меня.

— Да.

— А потом исчез, не сказав ни слова.

— Обстоятельства. Если бы не они, то поцелуем дело не закончилось бы.

— Но там же было так много людей?!

Данте этого не отрицал, его чувственные губы застыли в воспламеняющей кровь полуулыбке, и Тесс тряхнула головой, желая избавиться от этого наваждения.

— Я даже не понимаю, как могла допустить такое.

— Ты жалеешь об этом?

— Какое это имеет значение?

Тесс ускорила шаг, отрываясь от Данте.

— Ты опять от меня убегаешь, Тесс.

— Я не убегаю!

То, с каким испугом она это выкрикнула, поразило саму Тесс. Она действительно бежала, ноги пытались унести ее как можно дальше от Данте, хотя Тесс тянуло к нему, как магнитом. Усилием воли она заставила себя остановиться и стояла так, пока Данте не подошел и не развернул ее лицом к себе.

— Мы все от чего-то бежим, Тесс.

Она усмехнулась:

— И даже ты?

— И даже я. — Данте перевел взгляд на воду. — Ты хочешь знать правду? — Он снова пристально посмотрел ей в глаза. — Я бегу всю свою жизнь, дольше, чем ты можешь себе представить.

Тесс удивилась. Конечно, она почти ничего не знала о нем, но если бы ее попросили охарактеризовать Данте одним словом, она назвала бы его «бесстрашным».

Тесс даже вообразить не могла, что этот абсолютно уверенный в себе мужчина хоть на секунду может утратить самообладание.

— От чего, Данте?

— От смерти. — Он помолчал, задумавшись. — Иногда мне кажется, что если я буду все время двигаться и не позволю надежде или еще какой-нибудь глупости заставить меня замедлить шаг, то, может быть... — Он шумно выдохнул и чертыхнулся. — Я не уверен, что можно обмануть судьбу, как бы далеко и как бы быстро ты ни убежал.

Тесс задумалась о себе, о прошлом, которое много лет преследовало ее. Все эти годы она пыталась убежать от него, но безуспешно. Оно омрачало все принятые ею решения, не позволяя начать жизнь с чистого листа. Тесс казалось, что ей никогда не удастся освободиться от этого проклятия.

— О чем ты думаешь, Тесс? От чего бежишь?

Она не ответила, разрываясь между желанием сохранить тайну и искушением разделить тяжесть ноши с человеком, который, возможно, не осудит ее и даже простит, а если нет, то хотя бы поймет.

— Хорошо, — тихо сказал Данте, — не хочешь говорить, не надо. Давай найдем скамейку и сядем, чтобы ты смогла наконец дать волю своим маленьким слабостям. Не желаю, чтобы обо мне говорили, будто я лишаю женщин сладкого.

Данте наблюдал, как Тесс ела политое карамелью брауни, она делала это с таким удовольствием, что оно невольно передавалось и Данте. Тесс предложила ему кусочек, и хотя вампиры не могли переваривать грубую пищу людей, он все же согласился откусить карамельно-шоколадное лакомство, только чтобы слиться с Тесс в ее неподдельном наслаждении. Выдавив улыбку, Данте с отвращением проглотил вязкую субстанцию.

— Вкусно, правда? — Тесс облизала испачканные шоколадом пальцы.

— Восхитительно, — ответил Данте, испытывая голод совершенно иного рода.

— Хочешь еще?

— Нет, — покачал головой Данте, немного отстраняясь. — Теперь это все твое.

Тесс разделалась с брауни и допила кофе. Когда она встала, чтобы выбросить в урну пакет и пустой стакан, ее отвлек какой-то пожилой мужчина, выгуливавший на поводке двух собак. Тесс что-то сказала ему и присела на корточки, позволяя собакам кинуться на нее в дружеском порыве.

Данте наблюдал, как Тесс смеялась, общаясь с возбужденно суетившимися собаками. Ее настороженность, с которой он безуспешно боролся, мгновенно исчезла, и он увидел настоящую Тесс, без страха и недоверия.

Она была великолепной, и Данте даже почувствовал зависть к собакам, на которых изливалось ее искреннее расположение.

Он подошел к ним и кивнул мужчине, который уже натянул поводок, намереваясь продолжить прогулку. Тесс выпрямилась, широко улыбаясь и глядя вслед собакам, весело бежавшим за хозяином.

— Ты умеешь ладить с животными.

— Это моя работа, — сказала Тесс, словно извиняясь за свою улыбку.

— Видно, что ты хороший ветеринар.

— Мне нравится лечить животных. Я чувствую себя... нужной.

— Возможно, и мне потребуется твоя помощь.

Тесс повернула голову и посмотрела на него:

— У тебя есть собака?

Данте следовало ответить «нет», но у него перед глазами все еще стоял образ счастливой Тесс, играющей с двумя смешными пушистыми существами, и ему очень хотелось самому доставить ей подобную радость.

— Да, похожая на этих.

— Правда? Как ее зовут?

Данте откашлялся, быстро соображая, как мог бы назвать бесполезное, полностью от него зависящее существо.

— Гарвард, — произнес он, насмешливо улыбаясь. — Я зову его Гарвард.

— Ну что ж, Данте, я буду рада при случае с ним познакомиться, — сказала Тесс и поехала от порыва холодного ветра. — Уже поздно, мне пора домой.

— Да, конечно.

Данте кивнул, принимая окончательное решение завести собаку. Во-первых, это поможет ему снискать расположение Тесс, а во-вторых, станет прекрасным поводом чаще видаться с ней и параллельно выяснить, что она знает о «малине» и делишках своего бывшего бойфренда.

— Данте, мне понравилась прогулка.

— Мне тоже.

Тесс задумчиво посмотрела себе под ноги.

— В чем дело?

— Ни в чем. Я просто не ожидала, что сегодня вечером может произойти что-то приятное. Это один из моих самых нелюбимых дней в году.

— Почему?

Едва заметно пожав плечами, Тесс подняла голову и посмотрела ему в лицо:

— Сегодня мой день рождения.

Данте рассмеялся:

— Ну и чем же плох этот день?

— Я никогда не отмечаю его. Скажем так, у меня было не самое счастливое детство. Но все это пустяки.

Вовсе не пустяки. Данте и без кровной связи с Тесс мог догадаться, что она все еще страдает от какой-то старой душевной травмы. Ему хотелось знать, что с ней случилось и кто нанес ей эту травму. При мысли, что Тесс страдает, его инстинкт защитника мгновенно включился. Но она уже удалялась от него вверх по дорожке, которая вела к оживленной улице и дальше к ее дому. Данте поймал ее за руку.

— Тесс, ты должна наслаждаться каждым днем своей жизни, особенно если это твой день рождения. Я рад, что сегодняшней вечер ты провела со мной.

Тесс улыбнулась — действительно улыбнулась, губы мягко изогнулись, глаза заискрились в свете фонаря. Данте очень хотелось обнять ее. Он сжал ее пальцы и нежно потянул к себе.

Он не сводил с нее глаз, желание лишало его рассудка.

— Какой же день рождения без поцелуя?

И словно дверь перед ним захлопнулась: Тесс перевернулась в лице, застыла в непонятной тревоге, а затем отпрянула.

— Я не люблю такие поцелуи, — выпалила она, задыхаясь. — Я думаю, прогулка окончена, Данте.

— Тесс, прости...

— Мне нужно идти. — И она побежала прочь, оставив его в недоумении гадать, что же он сделал не так.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Чейз выехал из ворот поместья Ордена в полном разочаровании: сегодня он не будет участвовать в патрулировании. Все воины разошлись по городу — каждый по своим делам, и Чейзу предстояло провести несколько ночных часов в полном одиночестве.

Ужасная смерть друга Кэмдена, происшедшая на глазах агента прошлой ночью, не выходила у него из головы и вызывала тягостные чувства. Он понимал, что время идет и, если он хочет вернуть племянника, нужно действовать, и быстро. Чейз проехал по всем тем местам, где собирались люди и вампиры, популярным и мало кому известным, которые ему во время патрулирования показал Данте.

В поисках Кэмдена или его друзей агент ездил по улицам города, осматривал пристани. Так прошло несколько часов — никаких результатов. Чейз остановил машину в Чайна-тауне, собираясь вернуться в Темную Гавань, когда заметил, как двое молодых вампиров в обществе двух девушек скрылись за какой-то дверью. Чейз заглушил мотор «лексуса» и вылез из машины. Подойдя к двери, за которой исчезла четверка, он услышал звуки громкой музыки, доносившейся из полуподвального помещения. Чейз дернул за ручку и проскользнул внутрь.

Едва освещенный длинный лестничный пролет вел вниз, где виднелась еще одна дверь. Возле нее стоял вышибала, но Чейзу не составило труда пройти мимо него — достаточно было сунуть парню в руку сто долларовую купюру.

Тяжелые басы обрушились на вошедшего в переполненный клуб Чейза. Танцующие образовывали плотную толпу, которая заполняла все пространство клуба, извиваясь, как одно гигантское тело. Чейз нырнул в нее, всматриваясь в лица, выхватываемые из темноты ослепляющими лучами разноцветных прожекторов.

Случайно он наткнулся на пьяную девушку, танцевавшую в кругу подруг. Чейз пробормотал извинения, но в грохоте музыки она, должно быть, ничего не услышала. Слишком поздно он осознал, что, удерживая девушку от падения, обхватил ее за бедра.

Девушка призывно улыбнулась ему, облизывая губы, красные и липкие от леденца, который она сосала. Она начала танцевать, бесстыдно виляя бедрами и прижимаясь к Чейзу всем телом. Он впился взглядом в ее губы и почувствовал волнение в крови.

Ему лучше уйти отсюда. Если Кэмден здесь, шансы найти его в этой бурлящей толпе равны нулю. Слишком шумно, слишком тесно.

Руки девушки пробежали по телу Чейза и опустились на плечи, ее бедра терлись о его бедра. На ней была невероятно короткая юбка, настолько короткая, что, когда девушка повернулась к нему спиной и прижалась ягодицами, Чейз успел заметить, что нижнее белье она умышленно забыла надеть.

Господи.

Ему действительно нужно бежать отсюда-

Сзади его обвили еще чьи-то руки: одна из подружек девушки решила присоединиться к эротической игре. Включилась и третья, она обняла первую, и они, глядя на Чейза, слились в долгом поцелуе, их языки переплетались, как змеи.

Его член мгновенно напрягся. Руки девушки, обхватившей его сзади, опустились на выпуклость ширинки, пальцы заработали быстро и со знанием дела. Чейз закрыл глаза, вождение смешалось с голодом, он давно не удовлетворял эти физиологические потребности. Его тело нуждалось в наполнении и освобождении.

Целовавшиеся подружки переключили свои ласки на него. В самом центре толпы танцующих разворачивалась сексуальная оргия, но, казалось, этого никто не замечал. Чейз покрутил головой — еще несколько пар занимались тем же, и вампиры не теряли времени даром, припав к сонным артериям своих Доноров.

С рычанием Чейз задрал короткую юбку первой девушки, в то время как горячий язык другой скользил по его шее.

Клыки Чейза удлинлись, пока он ласкал влажную щель девушки. Подружки между тем расстегнули молнию на его брюках и, просунув руки внутрь, принялись гладить эрегированный член. Жажда совокупления и крови захлестнула Чейза. Он грубо схватил одну из девиц за плечи и толкнул вниз. Она опустилась на колени, высвободила из брюк член и взяла его в рот.

Она сосала неистово, вторая девушка рукой Чейза терла свой клитор, третью вампир подтащил к губам. Его клыки подрагивали, зрачки сузились, восприятие обострилось. Как только губы ощутили теплоту кожи, Чей резко вонзил зубы в человеческую плоть, вскрывая артерию и наполняя рот густой, ароматной кровью.

Чейз пил быстро, если не сказать жадно, ненавидя себя за слабость. Но он не мог остановиться. С каждым глотком пульсация внизу живота усиливалась. Чейз двигал бедрами, удерживая голову девицы за волосы, и кончил, издав гортанный рык.

Не отрывая губ от шеи, он лизнул ранки, заживляя их. Девица билась в судорогах собственного оргазма. Все три опутали его руками, ныли и стонали, требуя продолжения.

Чейз оттолкнул их, испытывая отвращение к самому себе. Он положил ладонь на лоб своего Донора и стер воспоминание о том, что здесь сейчас произошло. Так же он поступил и с двумя другими девицами. Его трясло от раздражения и желания поскорее покинуть этот клуб. Застегивая брюки, Чейз почувствовал на спине чей-то взгляд.

Он обернулся, всматриваясь в толпу, и его глаза встретились с глазами воина.

Тиган.

Образец холодной сдержанности, вампир, избравший путь жестокой справедливости.

Тиган стал свидетелем падения Чейза. Что он видел? Вероятно, всю безобразную сцену, хотя лицо воина сохраняло ледяную непроницаемость и лишь взгляд пронзал насквозь.

Тиган постоял еще с минуту, развернулся и растворился в толпе.

С экрана монитора на Данте смотрели огненно-желтые глаза, рассеченные узкими щелками зрачков, из раскрытой пасти торчали острые клыки. Животное злобно шипело, хотя надпись под фотографией гласила: «Милая и ласковая киска желает поселиться в вашем доме».

— Господи, — пробормотал Данте, не испытывая ни малейшего расположения к этой киске. Такие дикие, злобные глаза он видел каждую ночь, охотясь в городе на Отверженных.

А порой такими становились и его собственные глаза, когда сексуальное возбуждение, голод или ярость обнажали истинную природу вампира. Видения смерти оказывали то же воздействие: зрачки сужались, светло-карие глаза Данте начинали пылать янтарным огнем, увеличивались клыки.

Вот и сегодня его терзал этот кошмарный сон. Данте проснулся в холодном поту около полудня, и уже несколько часов его била дрожь. В последнее время сон повторялся все чаще и действовал все более угнетающе. После него оставалась невыносимая головная боль. Данте щелкнул мышкой и из раздела «Кошки» перешел к разделу «Собаки». Быстро просмотрел фотографии животных. Некоторые подходили для его цели, особенно охотничья собака с печальной мордой по кличке Барни: пес нуждался в «особой заботе и мечтал провести остаток своих дней в хорошем доме».

Это неплохой вариант. Данте не был готов завести молодого пса, который поселился бы у него надолго.

Данте взял мобильный и набрал номер приюта. Там долго не отвечали, наконец раздался молодой женский голос с сильным бостонским акцентом, было слышно, что его обладательница смачно жуёт жвачку.

— Ист-Сайд, приют для бездомных животных. Чем могу помочь?

— Хочу взять животное, — сказал Данте.

— Простите?

— На вашем сайте есть фотография старого пса. Я хочу его забрать.

Секундная пауза, затем громкий щелчок жвачки.

— А, вы о Барни?

— Да, о нем.

— Простите, но его уже забрали. А он что, на нашем сайте? Наверно, забыли обновить. Какую собаку вы хотите? У нас есть несколько готовых обрести новый дом.

— Я хочу получить собаку сегодня вечером.

Девушка неуверенно хмыкнула:

— Э-э, мы, вообще-то, так не работаем. Вам нужно прийти и заполнить анкету, затем вы встретитесь с...

— Я заплачу.

— Что ж, мы принимаем пожертвования, чтобы оплатить лечение и...

— Сто долларов достаточно?

— Э-э...

— Двести? — Цена Данте не особенно интересовала. — Мне очень нужна собака.

— Да-а, я понимаю, — ответила девушка.

Данте понизил голос, продолжая играть на человеческих слабостях.

— Помогите мне, пожалуйста. Мне действительно нужна собака. Давайте подумаем, как это можно устроить.

Девушка в нерешительности помолчала, а затем произнесла:

— Знаете, меня могут за это уволить. Но у нас есть собака, она поступила только сегодня. Ее даже не успели осмотреть. Похоже, она не в лучшей форме. Честно сказать, и на вид не очень симпатичная. У нас даже места для нее нет. Скорее всего, утром ее усыпят.

— Я беру ее, — сказал Данте и глянул на часы — начало шестого. Наверху уже сумерки. Гарвард появится в бункере только часа через четыре, так что у него уйма времени, чтобы совершить эту сделку перед тем, как отправиться на ночное патрулирование. Данте поднялся, взял куртку и ключи. — Уже еду, через двадцать минут буду у вас.

— О'кей. Мы закрываемся в пять тридцать. Но я вас подожду. Спросите Розу. Это я. — Снова щелкнула жвачка. — Э-э, а как с деньгами... двести баксов? Можете заплатить наличными?

— Разумеется, — ответил Данте, с улыбкой направляясь к двери.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Глядя на монитор, Тесс еще раз проверила окончательную сумму, прежде чем отправить электронную платежку. Все просроченные счета будут оплачены, но ее личные сбережения сразу же уменьшатся более чем на тысячу долларов. А со следующего месяца счета вновь начнут поступать и угрожающе накапливаться.

— Послушай, Тесс. — Неуверенно постучав о косяк, на пороге кабинета появилась Нора. — Прости, что отвлекаю, но уже почти шесть часов, а у меня завтра экзамен, мне нужно готовиться. Можно я пойду?

— Конечно. — Тесс потеряла виски, от усталости начинала болеть голова. — Удачи. Нора пристально посмотрела на Тесс, затем перевела взгляд на стопку счетов.

— Все в порядке? — спросила она.

— Да. — Тесс попыталась улыбнуться. — Да, все хорошо.

— Я сегодня видела уведомление от арендодателя. Года не прошло, а он повышает плату?

— Да, на восемь процентов, — призналась Тесс.

Конечно, это было незначительное повышение, но Тесс и так с большим трудом платила за аренду. Чтобы справиться с новыми расходами, ей нужно будет самой повысить стоимость услуг, а это значит потерять добрую половину клиентов. Ее и без того скудные доходы сильно сократятся. Останется только одно разумное решение — закрыть клинику, сняться с насиженного места и переехать на новое.

Тесс не пугал такой исход дела, она уже успела привыкнуть к переездам. Временами ее посещала мысль, что, возможно, ей будет значительно легче жить на колесах, нежели пытаться пустить корни. Тесс все время искала место, где ей наконец-то будет спокойно и уютно. Хотя, по всей видимости, его не существует.

— Послушай, Тесс, я хотела кое о чем с тобой поговорить. Последний семестр у меня очень напряженный, и мне действительно нужно подналечь на учебу. — Нора замялась, пожав плечами. — Ты же знаешь, мне нравится работать здесь, но я вынуждена просить тебя сократить мой рабочий день.

— Хорошо, — согласилась Тесс.

— Это из-за учебы. Я просто не справляюсь. К тому же через несколько недель у отца появится новая жена, и мне нужно будет куда-то переезжать. Мама хочет, чтобы весной, когда закончу учебу, я вернулась в Калифорнию...

— Отлично. Правда, я все понимаю, — сказала Тесс, испытав некоторое облегчение.

Нора помогала ей преодолевать финансовые трудности, и если бы девушка намеревалась и дальше оставаться с ней, Тесс чувствовала бы ответственность за нее. В последнее время Тесс казалось, что она продолжает держать клинику только ради Норы и клиентов, но не ради себя. Тесс была хорошим ветеринаром, она знала это, но ее не покидало чувство, что эта новая жизнь всего лишь очередная попытка бегства от прошлого. И не только от прошлого, но и от настоящего, от себя самой, от того странного, что было в ней и о чем она не хотела думать.

«Ты всегда убегаешь, Тесс».

В голове прозвучали слова Данте, сказанные им вчера вечером. Они заставили Тесс задуматься, и она пришла к выводу, что он прав. Так же как и он, Тесс считала, что если будет все время находиться в движении — бежать, — то, возможно, сумеет выжить. Но она боялась не смерти, а демона, который следовал за ней неотступно.

Хотя в глубине души Тесс понимала, что бежит от себя самой.

Она поправила стопку бумаг на столе, возвращаясь к разговору с Норой.

— С какого числа ты хочешь начать работать неполный день?

— Чем раньше, тем лучше. Честно говоря, меня убивает, что ты платишь мне из собственного кармана.

— Ну, это мои проблемы, тебе не стоит из-за этого переживать, — сказала Тесс, но продолжить ей не дал звонок в дверь.

Нора обернулась:

— Это, должно быть, UPS⁷ с нашим заказом. Я открою.

Она поспешила к двери, и вскоре Тесс услышала приглушенный разговор, доносящийся из приемной. Нора вновь появилась на пороге кабинета, на щеках у девушки горел румянец.

— Это не UPS, — сообщила она, понизив голос. — Он прекрасен, как бог.

Тесс рассмеялась:

— Кто?

— Лучше иди сама посмотри. Потрясающий парень! Он ждет! И с ним очень жалкий песик.

— Что-то срочное?

Нора пожала плечами:

— Не думаю. Кажется, никаких травм, но парень настойчиво требует тебя. И повторяю, он просто умопомрачительный!

— Да, я это уже слышала, — сказала Тесс, поднимаясь из-за стола и надевая медицинскую куртку. Она ощутила странное покалывание в области сонной артерии, такое же, как в тот вечер в музее и вчера в кофейне. — Скажи ему, пожалуйста, что я сейчас буду.

— Без проблем. — Нора пригладила волосы, поправила джемпер с глубоким вырезом и вышла из кабинета.

Это он. Еще до того, как Тесс услышала в приемной низкий голос, она знала: это Данте. Тесс улыбнулась, испытывая приятное возбуждение: она не ожидала, что Данте будет искать ее после того, как вчера она так глупо от него сбежала.

О господи, почему же так разбушевались гормоны? Тесс никогда не сходила с ума по мужчинам, но Данте вызывал в ней настоящую бурю эмоций.

— Возьми себя в руки, — прошептала Тесс, выходя из кабинета в коридор и направляясь в приемную.

Данте стоял у высокой стойки с небольшой собачкой на руках. Нора, положив локти на стойку, мило ворковала с животным, демонстрируя Данте глубокий вырез. Тесс не осуждала Нору за флирт. Данте производил очень сильное впечатление на женщин, даже она не устояла перед его мрачным обаянием.

Стоило Тесс войти в приемную, как взгляд Данте застыл на ней. Тесс собиралась держаться холодно и отстраненно, но у нее ничего не получилось: улыбка на лице расплылась еще шире, а пальцы немного дрожали, когда она потерла шею, пытаясь избавиться от усилившегося покалывания.

— Это, должно быть, Гарвард, — сказала Тесс, глядя на довольно худую и запущенную собачонку в руках Данте, отдаленно напомилавшую терьера. — Я говорила, что не прочь с ним познакомиться, но не ожидала, что это произойдет так скоро.

Данте нахмурился:

— Я не вовремя?

— Нет, нет, все в порядке. Я просто... немного удивлена. Ты не перестаешь меня удивлять.

— Так вы знакомы? — Нора изумленно уставилась на Тесс.

— Э-э... да... ну, мы познакомились пару дней назад, — пробормотала Тесс. — В музее. И вчера случайно встретились в Норт-Энде.

— Извини меня за вчерашнее, — сказал Данте, глядя на нее так, будто в приемной они были одни — Я не хотел тебя обидеть, Тесс.

Она отмахнулась, желая поскорее забыть об этом эпизоде.

⁷ UPS (United Parcel Service) — старейшая служба экспресс-доставки.

— Ерунда, я и не думала обижаться. Ты ничего такого не сделал. Это я должна извиниться за то, что сбежала.

Нора переводила взгляд с Тесс на Данте, словно физически ощущала напряжение между ними.

— Может быть, вы хотите остаться одни...

— Нет, — поспешно выпалила Тесс.

— Да, — спокойно сказал Данте.

Нора пару секунд колебалась, затем повернулась и сняла с вешалки куртку и сумку.

— Ну, я... в общем, до завтра, Тесс.

— Да, пока. Удачи на экзамене.

Повернувшись спиной к Данте, Нора посмотрела на Тесс и одними губами, закатив глаза, произнесла: «умопомрачительный», после чего направилась к черному ходу, где была припаркована ее машина. Через несколько минут послышалось тихое урчание мотора, звук вскоре стих, Нора уехала.

Все это время Тесс так нервничала, что даже не могла оценить состояние собаки. Взглянув повнимательнее, девушка почувствовала к ней жалость. Карие глаза пса были полужакрыты, он тяжело и сипло дышал. По одному только виду Тесс определила, что животное нуждается в лечении.

— Ты не против, если я осмотрю собаку? — спросила она, радуясь возможности отвлечься на что-то постороннее. Данте кивнул. Тесс достала из кармана куртки стетоскоп и повесила его на шею, — Когда Гарвард в последний раз был на приеме у ветеринара?

Данте пожал плечами:

— Не знаю.

Тесс осторожно взяла из рук Данте собаку:

— Пойдем в смотровую, малыш.

Данте молча последовал за Тесс и застыл рядом, когда она поставила дрожащего Гарварда на металлический стол. Тесс приставила стетоскоп к груди пса: в сердце явственно прослушивались шумы, с легкими тоже не все было в порядке. Осторожно ощупав грудную клетку, Тесс отметила характерную жесткость шерсти, свидетельствующую о наличии блох.

— В последнее время ты не замечал за Гарвардом вялости, чрезмерной сонливости?

— Не знаю.

Тесс не видела, чтобы Данте сделал хотя бы малейшее движение, но их плечи неожиданно соприкоснулись, и она ощутила его крепкое, мускулистое тело. Запах его одеколона сводил с ума — насыщенно-терпкий, чувственный и, должно быть, безумно дорогой. Тесс вдохнула этот дурманящий аромат и наклонилась, чтобы осмотреть пораженные клещом уши собаки.

— А как у него с аппетитом? Как дела с туалетом?

— Затрудняюсь ответить.

Тесс осмотрела десны пса.

— Когда и какие Гарварду делались прививки?

— Не знаю.

— Ты хоть что-нибудь знаешь об этой собаке? — Вопрос Тесс прозвучал как упрек.

— Она у меня недавно, — сказал Данте. — Я знаю, что ей требуется лечение. Ты сможешь помочь, Тесс?

Она нахмурилась, понимая, что предстоит изрядно потрудиться, чтобы составить полный перечень заболеваний животного.

— Я сделаю все, что в моих силах, но обещать ничего не могу.

Тесс потянулась за ручкой, которая лежала на столе у нее за спиной. Ручка покатила и упала на пол. Данте быстро нагнулся, поднял ее и подал Тесс. Она взяла ручку и почувствовала, как его большой палец скользнул по руке. Тесс резко отдернула руку.

— Почему мое присутствие заставляет тебя так сильно нервничать?

— Я не нервничаю.

Но взгляд, по-видимому, выдавал ее.

— Ты уверена? Ты кажешься такой... возбужденной.

Действительно, она была взволнована. Тесс негодовала каждый раз, когда видела животных в таком плачевном состоянии — словно с плаката Общества по защите животных. И конечно, сказывался стресс, вызванный тем, что ее жизнь, с таким трудом налаженная, вновь рушилась.

Но глупо отрицать, что главной причиной ее волнения было то, что она находилась в одном помещении с этим мужчиной. Господи, как только Тесс встречалась с ним взглядом, перед ее глазами возникала сцена — их обнаженные тела на алых простынях сплетены в единое целое...

Тесс физически ощущала, как ее ласкают сильные руки, горячие, жадные губы прижимаются к шее. Она чувствовала, как двигается внутри нее твердый член, зубы покусывают шею в том самом месте, где сейчас так интенсивно пульсировала кровь.

Парализованная взглядом дымчато-янтарных глаз Данте, Тесс видела эту картину настолько отчетливо, будто все происходило на самом деле когда-то в прошлом. Или это видение из будущего...

Тесс с трудом заставила себя моргнуть, разрывая странную связь, возникшую между ними.

— Прости, — резко бросила Тесс и выбежала из смотровой, не в состоянии справиться со своим смятением.

Она закрыла за собой дверь и, сделав несколько шагов по коридору, прислонилась спиной к стене, закрыла глаза и попыталась выровнять дыхание. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, тело дрожало, как натянутая струна. Тесс охватил жар.

Казалось, в присутствии Данте во всей полноте пробуждается ее женская сущность и рвется наружу... К нему.

Господи, что с ней происходит?

Она теряет себя. Если у нее осталась хотя бы малая толика здравого смысла, она должна как можно скорее бежать отсюда, бросив Данте с его больной собакой в смотровой.

Ну конечно, это будет поступок, достойный профессионала и взрослого человека!

Да, несколько дней назад он ее поцеловал. А сейчас просто задел рукой. Это только у нее такая гипертрофированная реакция. Пытаясь успокоиться, Тесс сделала глубокий вдох-выдох, затем еще один. Наконец овладев собой, она развернулась и направилась в смотровую, на ходу придумывая оправдание своему неожиданному бегству.

— Прошу прощения, — сказала она, входя, — показалось, что телефон звонит...

Тесс замолчала, увидев, что Данте сидит на полу, обхватив руками низко склоненную голову. Запущенные в черные волосы пальцы поражали мраморной белизной. Очевидно, его скрутила сильная боль, он сипло дышал, веки были плотно сжаты.

— О господи, — прошептала Тесс, бросаясь к нему. — Данте, что случилось? Что с тобой?

Он не ответил. По всей видимости, у него просто не было сил.

Боль парализовала его. Он излучал опасность — мрачную, дикую, мощную, сверхчеловеческую.

Тесс смотрела на сидящего на полу Данте, испытывая странное чувство — все это как будто уже было. Она сделала шаг назад, намереваясь бежать и звонить в службу спасения. Пусть кто-нибудь другой возьмет на себя ответственность за его жизнь. Но в этот момент Данте упал на бок, подтянул колени к подбородку и тихо, мучительно застонал. Этого стона Тесс вынести не могла.

Данте не знал, что произошло.

Кошмарное видение смерти, которое преследовало его в снах, поразило неожиданно, как обжигающий солнечный свет. Но Данте не спал, он находился в сознании. В одно мгновение все ощущения притупились под натиском невыносимой боли. Раньше приступы случались только во сне, и никогда наяву, и они не были такими тяжелыми.

Данте помнил, что стоял рядом с Тесс и, глядя ей в глаза, внушал свои желания и вдруг оказался на полу, объятый пламенем. Огонь полыхал вокруг и душил едким черным дымом. Данте не мог пошевелиться. Он чувствовал себя раздавленным и беспомощным.

Боль была невыносимой, как и отчаяние. Стыдясь собственной слабости, Данте едва сдерживал крик смертельной муки.

В такие минуты ему оставалось только одно — терпеть и молиться, чтобы приступ поскорее прошел.

Он слышал голос Тесс, слышал, как она повторяет его имя, спрашивает, чем ему помочь, но он не мог ответить — в горле пересохло, рот был забит пеплом. Данте ощущал ее искреннее сострадание и заботу, но хотел, чтобы Тесс ушла и оставила его наедине со смертью.

Он почувствовал, как ее прохладные руки нежно касаются его плеч, гладят напряженную спину, влажный лоб, волосы, окутывая белым покрывалом покоя.

— Все будет хорошо, Данте, — доносился откуда-то издали ее тихий голос. — Я помогу тебе. Все будет хорошо.

И возможно, впервые за всю свою долгую жизнь Данте поверил, что все действительно так и будет.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Данте открыл глаза, готовый ощутить адскую головную боль. Но ее не было, как не было и слабости, холодного пота или ледящего кровь страха.

Данте несколько раз моргнул и обвел взглядом белые плитки потолка с выключенными флуоресцентными лампами. Стены были выкрашены в светло-серый цвет — странная обстановка. Данте лежал на небольшом диване, напротив располагался деревянный письменный стол, тускло освещенный настольной лампой, стоявшей рядом с компьютером.

Данте сделал глубокий вдох — никакого запаха дыма или гари, преследовавшего его в кошмарных видениях, лишь сладковато-терпкий нежный аромат, от которого внутри становилось приятно и тепло. Данте провел руками по пледу из овечьей шерсти, который укрывал его большое тело лишь до груди. Мягкий кремовый плед хранил ее аромат.

Тесс.

Он услышал легкий шорох, повернул голову и увидел, как она вошла в комнату. Белая медицинская куртка исчезла, Тесс выглядела очень мягкой и женственной в светло-

зеленом расстегнутом кардигане поверх бежевого трикотажного топа. Джинсы плотно облегли бедра, оставляя обнаженной тонкую полоску живота. Она успела снять заколку, и теперь ее русые кудри небрежно ниспадали на плечи.

— Привет, — сказала Тесс, наблюдая, как Данте сел и спустил ноги на пол. — Ну как, тебе лучше?

— Да.

Голос прозвучал как сухой скрежет, но Данте чувствовал себя на удивление хорошо — отдохнувшим, спокойным, хотя обычно кошмар оставлял после себя мучительную боль во всем теле и гадкое настроение. Данте провел языком по зубам — клыки не увеличились. И зрение нормальное, значит, зрачки обычные и нет никаких видимых признаков его принадлежности к Роду вампиров. Если во время приступа они и проявились, то уже исчезли.

Данте встал и обнаружил, что его куртки и ботинок нет.

— А где мои вещи?

— Здесь, — ответила Тесс, указывая на стул у двери, на спинке которого аккуратно висела куртка, а рядом стояли кожаные, на воздушной подушке «мартенсы». — А телефон на столе. Пару часов назад я его выключила. Надеюсь, ты не будешь сердиться. Он звонил без перерыва, а я не хотела, чтобы тебя разбудили.

— Пару часов назад? А сейчас сколько?

— Почти час ночи.

Черт. Должно быть, звонили из бункера, чтобы выяснить, где его нелегкая носит. Лукан наверняка хотел получить объяснения.

— Между прочим, Гарвард тоже спит. Похоже, у него серьезные проблемы. Я его накормила и дала антибиотики, чтобы он мог спокойно поспать. Он в клетке в собачьем боксе.

В первый момент Данте растерялся: откуда она знает агента Гарварда, с какой стати ему дали антибиотики и почему он спит в собачьей клетке? Но в следующее мгновение мозг Данте включился, и он вспомнил, что принес в клинику паршивого бездомного пса, чтобы завоевать расположение Тесс.

— Я намерена оставить его здесь до утра, если ты не против, — сказала Тесс. — А лучше — на пару дней, чтобы сделать все необходимые анализы и процедуры.

Данте кивнул:

— Хорошо, пусть остается.

Он окинул взглядом маленький уютный кабинет: в углу небольшой холодильник, на столе рядом с кофеваркой электрическая плитка. По всей видимости, Тесс проводит в клинике очень много времени.

— Как я сюда попал? Кажется, я находился в другой комнате.

— Да, тебя скрутило в смотровой. Я помогла тебе встать и довела до своего кабинета. Я подумала, что здесь тебе будет удобнее. Ты был совсем плох.

— Да. — Данте провел ладонями по лицу.

— У тебя был приступ?

— Да, что-то в этом роде.

— Это часто повторяется?

Данте пожал плечами, не видя смысла отрицать:

— Довольно часто.

Тесс подошла к дивану и села на подлокотник.

— У тебя на этот случай есть с собой какие-нибудь лекарства? Я не решилась залезть в твои карманы. Если тебе что-то надо...

— Я в порядке, — ответил Данте, изумляясь, что после приступа, пожалуй самого сильного за последнее время, не испытывал ни боли, ни головокружения, которые довольно долго и жестоко мучили его после пробуждения. Сейчас он чувствовал лишь некоторую вялость, обычную после крепкого сна. Данте даже казалось, что чудовищного видения смерти не было вообще. — Ты мне давала какое-то лекарство... или, может быть, делала что-то? Я ощущал твои руки на спине, а потом ты гладила меня по голове...

На мгновение лицо Тесс исказилось, будто ее охватила паника. Она испуганно моргнула и отвела взгляд:

— Если это поможет, у меня есть тайленол, я принесу тебе воды, чтобы запить.

Она встала.

— Тесс, — Данте поймал ее за запястье, — ты все это время оставалась со мной?

— Конечно. Я же не могла бросить тебя одного в таком состоянии.

На мгновение Данте представил, что она могла видеть, оказавшись рядом с ним в момент его борьбы с адским кошмаром. И она, крича от страха, не убежала и сейчас смотрит на него без отвращения и ужаса в глазах. Возможно, присутствие Тесс каким-то образом остановило приступ? Ее руки были прохладными и нежными, их прикосновения успокаивали.

— Ты осталась со мной, Тесс. — Данте испытывал глубокую признательность. — Ты помогла мне. Спасибо.

Тесс могла высвободить руку в любую минуту, но она медлила, ее зеленовато-голубые глаза смотрели вопросительно.

— Если ты хорошо себя чувствуешь... Уже поздно, мне нужно домой.

Данте не стал говорить, что она снова убегает, не хотел пугать ее. Он поднялся с дивана и, встав рядом с Тесс, посмотрел на свою руку, сжимавшую ее запястье. Никто из них не хотел прерывать невинное соприкосновение.

— Мне нужно идти, — тихо сказала Тесс. — Я не знаю, как назвать то, что между нами происходит, но думаю, что ничего хорошего из этого не выйдет. Я не хочу никаких отношений с тобой.

— И поэтому ты просидела здесь со мной несколько часов, помогая справиться с приступом?

Тесс нахмурилась:

— Я не могла тебя бросить, тебе нужна была помощь.

— А что нужно тебе, Тесс?

Данте крепче сжал ее руку, чувствуя, как участился пульс женщины. Воздух в маленьком кабинете казался раскаленным. Данте ощущал желание Тесс. Она хотела его тогда, в музее, когда он бесстыдно поцеловал ее на глазах у сотен любителей искусства. Она хотела его вчера вечером. И сейчас, глядя в ее глаза, чувствуя тонкий, едва уловимый аромат ее тела, он точно знал, что она хочет его.

Данте улыбнулся, в нем разгоралась страсть к женщине, чья кровь текла в его жилах.

К женщине, которая, возможно, принадлежала к числу его врагов, если бывший бойфренд успел втянуть ее в свои дела.

Но сейчас она о нем не думала, это Данте знал точно. Глаза Тесс потемнели, дыхание участилось, губы приоткрылись. Неуловимым движением он притянул ее к себе. Она подалась, не сопротивляясь.

— Я снова хочу поцеловать тебя, Тесс.

— Зачем?

Данте усмехнулся:

— Зачем? Потому что ты прекрасна! И потому что я хочу тебя. И думаю, ты тоже меня хочешь.

Свободной рукой Данте погладил ее по щеке. Кожа была нежной и гладкой, словно шелк. Большим пальцем он провел по теплым темно-красным губам.

— Господи, Тесс, я умру, если не поцелую тебя прямо сейчас.

Она закрыла глаза и выдохнула.

— Это безумие, — прошептала она. — Я... я так себя обычно не веду...

Данте взял Тесс за подбородок и прижался губами к ее губам. Он хотел только поцеловать ее, повторить тот поцелуй в музее. Тогда он пробудил в ней страсть и исчез, словно призрак, возможно, она даже не успела понять, был ли он на самом деле. Сейчас Данте хотел убедить Тесс, что он — реальный, из плоти и крови.

Он хотел, чтобы она почувствовала его — почувствовала целиком, — поняла, что принадлежит ему.

«Безумная идея», — мелькнуло в голове Данте.

Он рассчитывал только на поцелуй, но Тесс была такой соблазнительной, такой податливой, ее руки обхватили его за шею, она прижалась к нему, отдаваясь долговому страстному поцелую. Секунды превращались в минуты, минуты в вечность — сладостное забвение.

Данте запустил руки в роскошные густые волосы Тесс, вбирая в себя ее мягкость и жар. Он хотел, чтобы она разгадала его желание: Данте мечтал видеть ее обнаженной под собой, слышать, как она выкрикивает его имя, когда он мощным толчком входит в нее.

Он хотел этого до умопомрачения.

Кровь кипела, член напрягся, хотя это было только начало.

Данте надеялся, что это начало.

Повинуясь порыву, он увлек Тесс к дивану и опрокинул на подушки.

Тесс лежала и смотрела на него, ее глаза напоминали густую синеву неба перед грозой. От поцелуя ее губы сделались влажными, чуть припухшими. Щеки покраснели от возбуждения. Грудь вздымалась, сквозь тонкую ткань топа виднелись набухшие соски. Тесс была невероятно прекрасна в своей страсти. Данте никогда не видел ничего более изысканного.

— Ты моя, Тесс, — выдохнул Данте, покрывая поцелуями ее лицо, шею, замирая на пульсирующей жилке.

Он тихо зарычал, уловив сладкий запах ее возбуждения. Разрывая десны, начали увеличиваться клыки.

— Ты моя, ты знаешь об этом?

Ее голос прозвучал очень тихо, лишь легкий шелест дыхания, но Данте явственно расслышал единственное слово, которое обожгло его.

Тесс сказала «да».

Господи, что она говорит?!

Что она делает? Как она может позволять ему целовать себя, валить на диван?

Какое безрассудство, она сама на себя не похожа! В конце концов, это может оказаться опасным.

Тесс всегда так трудно было соблазнить, особенно если учесть ее недоверие к мужчинам вообще. Но Данте каким-то невероятным образом развеял все ее страхи и разрушил все преграды. Она ощущала какую-то странную и глубокую связь с ним, настолько глубокую, что невольно подумала о судьбе и предопределенности. Обычно такие мысли не приходили ей в голову. Но сейчас, несмотря на смятение, Тесс чувствовала, что все происходящее — правильно.

Ей было слишком хорошо, чтобы сомневаться. Только не сейчас, когда Данте целует и ласкает ее тело, словно пробуждая ее от долгой спячки.

Тесс не сопротивлялась, когда он осторожно снял с нее кардиган и приподнял топ. Шумно выдохнув, Данте опустился вниз и поцеловал ее обнаженный живот, затем, покусывая, добрался до края атласного бюстгальтера и расстегнул его, оголяя грудь.

— Боже, ты такая сладкая.

Его голос был низкий и хриплый, горячее дыхание обжигало кожу. Ее соски ныли, требуя ласки. Словно прочитав мысли Тесс, Данте кончиком языка обвел набухший, как весенняя почка, сосок и жадно втянул его в рот, не переставая гладить другую грудь.

Тесс почувствовала его руку на поясе джинсов. Данте расстегнул молнию и потянул джинсы вниз, оголяя бедра. Выпустив сосок, он приподнял голову и окинул взглядом полуобнаженное тело Тесс.

— Изысканно, — повторил он сказанное в музее слово, с которого началось их знакомство.

Данте нежно провел ладонью по ее шее, затем дальше вниз по телу. Тесс выгнулась, словно он потянул за невидимую ниточку. Рука Данте скользнула под резинку трусиков, двигаясь к влажной щели. В мучительном сладострастии Тесс закрыла глаза, когда его палец пробирался между складочек.

— Как шелковый кокон. Влажный, горячий шелковый кокон, — выдохнул Данте.

Кончик его пальца проник внутрь, но Тесс хотела большего. Приподняв бедра, она тихо застонала, когда Данте, дразня, вытащил влажный палец и погладил им клитор.

— Чего ты хочешь, Тесс? — хрипло спросил Данте.

Откликаясь на прикосновения, Тесс подалась к нему. Данте наклонил голову и, поцеловав ее живот, стянул джинсы и бросил их на пол. За джинсами последовали трусики. Кончиком языка Данте пощекотал пупок, прокладывая дорожку из поцелуев вниз, к лону Тесс.

— Хочешь, чтобы я поцеловал тебя здесь? — спросил Данте, раздвигая ее ноги. Его черноволосая голова опустилась к внутренней стороне бедра, где кожа была нежной, гладкой и очень чувствительной.

— Пожалуйста, — выдохнула Тесс, выгибаясь, подставляя тело его ласкам.

— Думаю, хочешь... — Он сполз на пол и устроился у нее между ног.

У Тесс перехватило дыхание, когда его губы коснулись клитора. Данте целовал и ласкал его языком, сводя Тесс с ума. Она даже не подозревала, что ее страсть может достичь такого накала. Был только один способ погасить этот огонь.

— Пожалуйста... — прерывисто и глухо взмолилась Тесс. — Данте, пожалуйста...

— Тесс, ты хочешь, чтобы я вошел в тебя? Я тоже очень этого хочу. Двигаться в тебе и ощущать твою влажную, горячую плоть.

О боже, она готова была кончить, лишь представив его член внутри себя.

— Да, — с трудом смогла произнести Тесс. — Да. Я хочу этого.

Данте встал и снял рубашку. Тесс открыла глаза, наблюдая, как в тусклом свете кабинета играют его мускулы. У Данте была фигура античного бога. Его грудь покрывали удивительные татуировки, которые спускались по животу за пояс брюк.

Тесс решила, что это татуировки, хотя затуманенным страстью взором видела, как рисунки меняют цвет: от темно-вишневого до багрово-синего и голубовато-зеленого.

— Потрясающие татуировки, — изумленно и восхищенно выдохнула Тесс. — Данте, это нечто невероятное.

Она посмотрела ему в лицо, и ей показалось, что его глаза полыхнули каким-то янтарно-желтым светом, а губы как-то странно вздулись, словно он что-то держал во рту.

Данте расстегнул молнию и снял брюки, под ними не было белья. От вида его большого эрегированного члена у Тесс перехватило дыхание. К ее удивлению, татуировки спускались к самому члену и опутывали его основание многоцветными жгутами.

Тесс могла бы любоваться прекрасным телом Данте вечно, но он развернулся, подошел к столу и выключил свет. Ей было жаль, что мрак скрыл его красоту, но в следующее мгновение Данте приблизился к ней, позволяя почувствовать то, что она не могла больше созерцать.

Он придавил Тесс своей тяжестью, располагаясь у нее между ног. Изнемогая от желания, она ощутила его член у входа во влагалище.

— Данте, — выдохнула Тесс, на миг ее сознание прояснилось. — Подожди, я... я пользуюсь таблетками... наверное, надо...

— Все в порядке. — Он поцеловал ее, и Тесс почувствовала на его губах собственный сок. — Со мной ты в безопасности. Гарантирую.

В таких случаях Тесс никогда ни на кого не полагалась, но по какой-то необъяснимой причине Данте она доверяла. Невероятно, но с ним она чувствовала себя абсолютно защищенной.

Он снова поцеловал ее, глубоко проникая языком в рот. Тесс ответила на поцелуй и выгнулась, поднимая бедра, показывая, чего она хочет. Данте резко выдохнул.

— Ты моя, — прошептал он, касаясь губами ее губ.

Тесс не отрицала этого.

Отрицать? Только не сейчас.

Она крепко обхватила его руками, обвила ногами, он тихо зарычал и вошел в нее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сидя перед компьютером в своей лаборатории, Бен Салливан решил внести изменения в формулу «малины». Он всегда носил ее с собой, считая, что неразумно оставлять формулу в лаборатории, куда легко могут проникнуть люди босса или иные посторонние. Бен доходил чуть ли не до паранойи в страхе потерять свой маленький бизнес. А после сегодняшнего звонка своему благодетелю у Бена возникло ощущение, что его паранойя вовсе не беспочвенна.

Он рассказал боссу обо всем, что случилось в клубе: о неожиданном эффекте «малины», весьма опасном, он бы даже сказал — вампирическом, который наркотик произвел на одного из его постоянных клиентов, и о неприятном эпизоде с двумя парнями, которые все видели и бросились за ним в погоню.

Босс выслушал новости со свойственным ему спокойствием, посоветовал Бену никому ничего не рассказывать и на завтрашний вечер назначил встречу. После нескольких месяцев таинственности Бен наконец-то увидит своего покровителя.

До встречи оставалось часов пятнадцать, и Бен решил, что разумнее скрыть настоящую формулу, чтобы в разговоре с боссом располагать козырем. Он не знал точно, с кем имеет дело, но был не настолько глуп, чтобы не подозревать своего благодетеля в связи с преступным миром. И это будет далеко не первый случай, когда парень из Южного Бостона вздумал шутить с крутыми ребятами и оказался на дне Мистик-ривер.

Загрузив на флэшку обе формулы — настоящую и измененную, — Бен стер файлы с жесткого диска и покинул лабораторию. Попетляв по улицам и убедившись, что никто не висит у него на хвосте, Бен наконец оказался в Норт-Энде.

Тесс, наверное, удивилась бы, узнав, как часто он проезжал под ее окнами, и все ради того, чтобы проверить, дома ли она. «Не просто удивилась, а была бы крайне

поражена», — подумал Бен. Даже растерялась бы, узнав, насколько он без ума от нее. Бен ненавидел себя за то, что не мог выбросить ее из головы. После того как они расстались, Тесс предпочитала держать его на расстоянии, что делало ее еще более желанной. Он продолжал ждать и надеяться, что она вернется к нему. Но после вчерашнего вечера, когда она не позволила поцеловать себя, он понял, что все его надежды напрасны.

Бен свернул на улицу, где жила Тесс. Может быть, это последний раз, когда он проезжает здесь, последний раз, когда унижается, как жалкий Любопытный Том⁸.

«Да, — подумал Бен, тормозя у светофора, — может быть, пришло время порвать с ней и идти дальше, наконец-то, черт возьми, получить свободу и начать жить нормально».

Пока его фургон стоял на перекрестке, с боковой улицы вывернул черный «порше» и, мигнув фарами, проехал по почти безлюдной улице к дому Тесс. У Бена неприятно засосало под ложечкой: он рассмотрел человека, сидевшего за рулем: это был парень из клуба, не тот, что преследовал его, а второй — высокий, крепкий, черноволосый, излучающий смертельную опасность.

И разрази его гром, Бен безошибочно узнал женщину на переднем сиденье.

Тесс.

Господи. Как она оказалась в его машине? Этот парень допрашивал ее, пытался выяснить что-нибудь про Бена? Может быть, он уже успел побеседовать с его друзьями и знакомыми?

Бена охватила паника, но тут его осенило: почти три часа ночи, поздно вато для полицейских допросов. Похоже, у этого парня и Тесс была не совсем официальная встреча.

Бен нетерпеливо барабанил пальцами по рулю, но по-прежнему горел красный. Дело было не в том, что Бен боялся потерять «порше» из виду, он знал, куда машина поедет и где остановится. Но он хотел убедиться, что не ошибся. Хотел знать наверняка, что в машине действительно Тесс.

Как только зажегся зеленый, Бен нажал на газ и помчался вперед. «Порше» остановился напротив подъезда Тесс. Припарковавшись поодаль, Бен выключил фары. С медленно закипавшей яростью он наблюдал, как парень повернулся к Тесс, наклонился и страстно поцеловал.

Сукин сын.

Они долго не размыкали объятий. «Чертовски долго», — думал Бен, сгорая от гнева. Он завел мотор и не спеша поехал по улице; поравнявшись с «порше», он даже не повернул головы.

Данте возвращался в бункер в таком смятении, что, выезжая из Норт-Энда, свернул не там, где надо, и был вынужден проехать несколько лишних кварталов. Аромат и вкус Тесс продолжали дурманить голову, он до сих пор ощущал каждое ее движение, и это сводило с ума.

Черт!

Данте не планировал секса с Тесс, и то, что он так увлекся, — непростительная глупость. Нельзя сказать, что он сожалел о том, как провел эту ночь. Никогда еще женщина так его не заводила, а уж ему-то было с кем сравнивать. Данте не нравилось, что Тесс носила метку Подруги по Крови и по случайному стечению обстоятельств ее кровь текла в его жилах. Но даже это было не самым ужасным.

⁸ *Любопытный Том* — согласно легенде, единственный житель Ковентри, который осмелился взглянуть на обнаженную леди Годиву, проезжавшую по улицам города, в результате чего тут же ослеп.

Эта женщина как будто сделала с ним что-то. Что именно, он не мог объяснить, но и отрицать этого не смел. После того как она спасла его от видения, все, чего он хотел, — раствориться полностью в том колдовском тумане, которым она его окутала. Хотел чувствовать ее обнаженное тело, ее страстные объятия. Данте провел с ней несколько часов, но продолжал отчаянно желать ее снова.

Однако визит в клинику все-таки принес ему кое-какую полезную информацию. Въехав в ворота поместья, Данте достал из кармана мятый стикер и прилепил его к гладкой поверхности приборной панели. В тусклом свете он прочитал текст, написанный от руки. Листок Данте оторвал от ежедневника Тесс, который лежал на ее столе в кабинете:

«Звонил Бен, выставка в музее завтра, в 19.00. Не забудь!»

Бен. Имя словно обожгло его. С этим парнем Тесс была в музее. Подонок, торгующий «малиной», возможно, под руководством Отверженных.

На стикере был номер телефона, телефонная станция Южного Бостона. Этой информации было вполне достаточно, чтобы мгновенно вычислить парня через Интернет или городской справочник.

Данте въехал в гараж, выключил мотор, оторвал стикер от панели и, помедлив, достал из ножен *malebranche*.

В его руке холодное, опасно загнутое лезвие не знало пощады — именно таким оно будет, когда встретится с глоткой старины Бена. Надо набраться терпения и дожидаться, когда вновь зайдет солнце. Пора нанести парню официальный визит.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Впервые за последнюю неделю Тесс спала отлично, несмотря на то что ее мысли полностью занимал Данте. Он снился ей всю ночь и был первым, о ком она подумала, проснувшись до того, как зазвонил будильник, заведенный, как всегда, на шесть утра.

Данте.

Ее кожа все еще хранила его запах, хотя Тесс двадцать минут простояла под горячим душем. Приятная боль между ног мысленно возвращала ее в объятия Данте. Тесс до сих пор чувствовала поцелуи, которыми он покрывал ее тело, ощущала его ласки.

Быстро одевшись, она выбежала из квартиры, стремясь успеть на поезд в пять двадцать. Тесс очень спешила, остановившись лишь на минуту, чтобы купить стакан кофе в «Старбакс».

В клинику она приехала первой, Нора появится не раньше половины восьмого.

Тесс вошла через черный ход и закрыла за собой дверь на ключ — прием посетителей начнется только через два часа. Заглянув в бокс для собак, она по тяжелому, свистящему дыханию, доносившемуся из одной из клеток, поняла, что у пациента очень серьезные проблемы, которыми срочно нужно заняться.

Оставив на тумбочке рядом с раковиной сумку, ключи от клиники и полупустой бумажный стаканчик, Тесс поспешила к терьеру, которого вчера вечером принес Данте. Гарварду за ночь стало хуже. Он лежал на боку, грудная клетка едва вздымалась, темно-карие глаза закатились, из приоткрытой пасти вывалился и безвольно свисал язык, покрытый неприятным серым налетом. Дыхание было прерывистым. Отправлять анализы в лабораторию уже не имело смысла — Гарвард не доживет до получения результатов.

— Бедняжка, — с жалостью произнесла Тесс, открывая клетку и осторожно глядя собаку. Она ощущала, насколько Гарвард слаб. Похоже, его дни были сочтены задолго до того, как Данте принес пса в клинику.

От сострадания у Тесс сжалось сердце. Она может ему помочь. Она знает способ...

Тесс сцепила руки. Она обещала себе, что больше никогда не станет этого делать.

Но ведь перед ней беспомощное животное, а не человек. Не гнусный подонок из ее прошлого, который не заслуживал ни жалости, ни помощи.

Какой будет вред от того, что она спасет собаку?

Разве она может стоять и смотреть, как умирает животное, зная, что обладает способностью вернуть его к жизни?

Конечно же нет.

— Все хорошо, — сказала Тесс.

Она осторожно вытащила Гарварда и, одной рукой прижимая его легкое тельце к себе, другую положила на впалый живот. Тесс сосредоточилась на его дыхании, на слабом, но ровном сердцебиении. Она явственно чувствовала его слабость, несколько органов были поражены, по всей вероятности, болезни уже несколько месяцев по капле высасывали из него жизнь.

Но было и еще что-то. Тесс почувствовала покалывание в пальцах и горьковатый привкус в горле — такие ощущения вызывал у нее рак. Опухоль была не большой, но смертельной. Внутренним зрением Тесс отчетливо видела ее: паутина метастаз опутывала желудок собаки, образуя безобразный, синюшного цвета клубок, отнимающий жизнь.

Пulsация крови в кончиках пальцев усилилась. Сконцентрировавшись, Тесс видела, как опухоль начала светиться изнутри, а затем распалась. Тесс продолжала держать руку, наблюдая и ожидая момента, когда клубок полностью растворится.

Ее способности вернулись к ней без усилия.

«Мое проклятие», — подумала Тесс, хотя, возможно, она была не права, потому что живое существо, лежавшее у нее на руках, зашевелилось, издало слабый писк и в знак благодарности лизнуло ей руку.

Тесс была настолько поглощена процессом лечения, что не сразу услышала звук, доносившийся из пустой смотровой комнаты. Звук повторился — неприятный металлический скрежет.

Тесс резко подняла голову, волосы на затылке зашевелились. Раздались тяжелые шаркающие шаги. Тесс бросила взгляд на часы — для Норы слишком рано.

Убеждая себя, что ей нечего бояться, Тесс направилась к смотровой, и вдруг странная вспышка высветила в памяти картину: тускло освещенный склад, израненный, окровавленный незнакомец на полу. Картина мгновенно возникла и так же мгновенно исчезла, но Тесс была настолько поражена, что на несколько секунд замерла на месте.

— Эй? — негромко выкрикнула она, стараясь не потревожить Гарварда. — Кто здесь?

В смотровой кто-то сквозь зубы выругался.

— Бен? Это ты?

В коридоре появился Бен с электрической отверткой в руках.

— Тесс, господи, как ты меня напугала. Что ты здесь делаешь в такую рань?

— Ну, вообще-то, я здесь работаю, — ответила Тесс и нахмурилась — ей не понравилось покрасневшее лицо Бена с темными кругами под глазами. — А ты что здесь делаешь?

— Я? Э-э... — Бен неопределенно махнул отверткой в сторону смотровой. — Ну, я уже давно заметил, что у стола гидравлический подъемник заклинило. А тут проезжал мимо и подумал, что, раз уж у меня есть ключи, надо зайти починить.

Подъемник действительно нужно было отрегулировать, но что-то в облике Бена насторожило Тесс, он выглядел взволнованным. Ласково поглаживая забеспокоившегося Гарварда, Тесс подошла к Бену.

— Разве нельзя было подождать, пока мы откроемся?

Бен провел рукой по растрепанным волосам, еще сильнее взъерошив их.

— Я же сказал, проезжал мимо. Просто я стараюсь помогать тебе, насколько могу. Как зовут твоего нового друга?

— Гарвард.

— Симпатичный пес, только вот маленький какой-то. Новый пациент?

Тесс кивнула:

— Вчера вечером привезли. Дела его были совсем плохи, но теперь, я думаю, он пойдет на поправку.

Бен улыбнулся, но улыбка получилась какой-то натянутой.

— Снова вчера допоздна работали, доктор?

— Нет, не очень.

Бен отвел взгляд, скривив губы.

— Бен, с тобой все в порядке? Я звонила тебе, тогда, после выставки, хотела извиниться. Оставила сообщение, но ты не перезвонил.

— Да, я был занят.

— У тебя усталый вид.

Бен пожал плечами:

— Не надо обо мне беспокоиться.

«Не просто усталый», — подумала Тесс.

Бен выглядел нервным, измученным, словно не спал пару ночей подряд.

— Что ты делал эти дни? Занимался спасением животных или чем-то другим?

— Чем-то другим. — Он скользнул по ней взглядом. — Послушай, я не прочь остаться и поболтать, но мне срочно надо идти.

Он поспешно засунул отвертку в оттопыренный карман джинсов и направился к двери. Тесс последовала за ним, она явственно чувствовала холодность, возникшую между ними.

Бен лгал ей, и не только о причине своего столь раннего визита.

— Спасибо, что починил стол, — пробормотала Тесс, глядя ему в спину.

У самой двери Бен повернул голову. Тесс поразил его мрачный взгляд.

— А, да, стол. Починил. До скорого, доктор.

В окно гостиной барабанил холодный дождь. Небо было затянуто плотными серыми тучами. Раздвинув тюль, Элиза смотрела на улицу с высоты второго этажа, на котором находились ее апартаменты. Снаружи суетливо сновали люди, желая поскорее укрыться от непогоды.

Где-то там, в городе, затерялся ее восемнадцатилетний сын.

Прошла неделя с тех пор, как он не вернулся в Темную Гавань. Очередной пропавший юноша Рода, с каждым днем их число росло. Элиза всем сердцем молилась, чтобы Кэмден нашел укрытие где-нибудь под землей вместе с другими мальчиками, так ему легче было бы справиться с трудностями и найти дорогу домой.

Элиза надеялась, что он скоро вернется. Ведь Стерлинг усиленно занимается его поисками.

Она едва ли понимала истинную причину самоотверженности деверя, заставившую его полностью отдаться этому делу. Ей хотелось, чтобы Квентин увидел, как

его младший брат старается ради благополучия семьи. Он очень удивился бы и, она уверена, оценил.

Но что Квентин сказал бы о ней?.. Элиза даже думать об этом не хотела.

Он был бы крайне расстроен, возможно, даже возненавидел бы ее, узнав, что в ту злополучную ночь именно из-за нее их сын ушел. Если бы в тот вечер они с Кэмденом не затеяли спор, если бы она в своей безотчетной материнской любви не стремилась контролировать каждый его шаг, возможно, ничего не случилось бы. Элиза во всем винила себя. Как бы ей хотелось вернуть тот ужасный вечер, сейчас она поступила бы совершенно по-другому.

Испытывая горечь и сожаление, Элиза смотрела в окно на кипящую снаружи жизнь. Она чувствовала себя совершенно потерянной и беспомощной в своей теплой и уютной квартире.

Элиза жила в Темной Гавани в районе Бэк-Бэй, прямо под ее апартаментами находилась квартира Стерлинга — его укрытие. Он принадлежал к Роду, и солнечный свет заставлял его прятаться в четырех стенах, как и всех его собратьев. И Кэмдена тоже: хотя в нем текла кровь Элизы и он был наполовину человеком, но и наполовину вампиром, как его отец. От отца он унаследовал сверхъестественную силу и все слабости Рода.

Поиски Кэмдена возобновятся только с заходом солнца, и для Элизы ожидание тянулось бесконечно долго. Она начала расхаживать вдоль окна, стараясь придумать, как помочь Стерлингу в поисках Кэмдена и остальных юношей, пропавших вместе с ним.

Несмотря на то что Элиза была Подругой по Крови, редкой женщиной среди людей, способной в союзе с вампиром, чей Род ограничивался исключительно мужскими особями, давать потомство, она на все сто процентов оставалась homo sapiens. Ее тело не боялось солнечного света, она могла ходить среди людей, не вызывая никаких подозрений, хотя и не делала этого очень давно — более ста лет.

Род опекал Элизу с того самого момента, когда ее, маленькую девочку, погибавшую от нищеты в трущобах Бостона девятнадцатого века, доставили в Темную Гавань. Достигнув совершеннолетия, она стала Подругой по Крови Квентина Чейза. Господи, как она любила его и как теперь горевала. Смерть отняла у нее Квентина пять лет назад.

И вот сейчас она может потерять Кэмдена.

Нет. Она не позволяла себе даже думать об этом — боль делалась невыносимой.

Она должна что-то предпринять. Вновь остановившись у окна, Элиза всматривалась в дождь, отчаянно стараясь угадать, где может скрываться Кэмден. От ее дыхания стекло запотело.

Элиза решительно развернулась и направилась в гардеробную, где висело пальто, которое она не надевала уже несколько сезонов. Темно-синее, до лодыжек, оно мгновенно скрыло ее белый вдовый наряд. Засунув ноги в сапоги, Элиза поспешила покинуть квартиру, пока страх не вынудил ее остановиться.

Элиза стремительно сбежала по лестнице, но замешкалась у двери, ведущей на улицу, — она слишком давно не выходила и никак не могла вспомнить код. Мир людей причинял ей боль, но, возможно, сейчас она сможет с ней справиться.

Ради Кэмдена она готова вытерпеть все. Ей хватит сил.

Элиза открыла дверь, в лицо ей ударил дождь, обжигающе холодный воздух наполнил легкие. Обхватив себя руками, Элиза спустилась по ступеням крыльца, огражденным стальными перилами. По тротуару группками и поодиночке, прикрывшись темными зонтами, сновали люди.

Долю секунды царил тишина. Но потом ее извечное проклятие, уникальная способность, какими обладала каждая Подруга по Крови, проявилась вновь.

И тишина взорвалась:

«...я должна была сказать ему, что беременна...»

«...в конце-концов не станут же они плакать из-за каких-то жалких двадцати баксов...»

«...так и скажу этой старухе: убью твою поганую собачонку, если она еще раз нагадит у меня во дворе...»

«...если я буду вести себя как ни в чем не бывало, он и не узнает, что я выходила...»

Элиза закрыла уши руками. Мысли прохожих градом обрушились на нее. Ложь, предательство, измены — бесчисленное множество человеческих грехов. Ей некуда была укрыться, они налетели и терзали ее, как стая летучих мышей.

Она не могла сделать ни шагу, так и стояла посреди тротуара, промокшая, замерзшая, не способная пошевелиться.

Где-то здесь, в этом мире, затерялся ее сын, ему нужна ее помощь, хоть чья-нибудь помощь. А она ничего не может сделать, кроме как стоять, закрыв уши руками, и плакать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сумерки наступили рано. Тяжелые, мрачно-серые тучи до срока скрыли солнце, и на землю обрушился непрерывный поток унылого и холодного ноябрьского дождя. Дома Южного Бостона — сдававшиеся внаем кирпичные трехэтажки и плотно стоящие двухквартирные коробки, обшитые алюминиевым сайдингом, — и в свете дня не радовали глаз, а под монотонным дождем превратились в жалкие, бесцветные трущобы.

Данте с Чейзом подъехали к обветшалому дому Бена Салливана час назад, сразу после захода солнца, и, томясь в ожидании, сидели в спортивном авто с тонированными стеклами. Шикарная машина настолько не соответствовала этому убогому району, что к ней даже не осмеливались подходить местные хулиганы. Те немногие, что отважились приблизиться и прижаться носом к стеклу, мгновенно делали ноги, заведя клыки Данте.

Ожидание напрягало и нервировало Данте. Ему хотелось выплеснуть злобу и раздражение, и подсознательно он надеялся, что какой-нибудь идиот из человеческой расы спровоцирует его.

— Ты уверен, что дилер живет именно здесь? — спросил сидевший на пассажирском месте Чейз.

Данте, барабанив пальцами по рулю, кивнул:

— Абсолютно.

Вначале он планировал один нанести визит бывшему бойфренду Тесс, торговавшему «малиной». Но потом решил, что для страховки будет лучше взять кого-нибудь с собой. Не ради себя, а ради Бена Салливана. Данте не мог поручиться, что после разговора с ним с глазу на глаз этот жалкий подонок останется в живых.

И не только потому, что он распространял «малину». Данте приходил в ярость при мысли, что этот парень знал Тесс, не просто был с ней знаком, а знал ее очень близко.

Неожиданно проснувшееся в нем чувство собственника требовало, чтобы он защищал Тесс от таких жалких неудачников, как Бен Салливан.

Ну конечно, а он, Данте, был для нее подарком судьбы!

— Как ты нашел его? — Вопрос Чейза вернул его к реальности. — Мы мельком видели его в клубе, он сбежал и не оставил нам никаких зацепок.

Данте даже не взглянул в сторону агента и лишь передернул плечами, когда воспоминание о проведенной с Тесс ночи обожгло его горячей волной.

— Какое имеет значение, где я взял его адрес, — ответил он после долгой паузы. — У вас, холеных жителей Темной Гавани, свои методы, у нас — свои.

Данте почувствовал новый приступ раздражения, но он быстро угас — вампир наконец увидел добычу, которую они так долго караулили. Данте впился взглядом в густые сумерки. Из-за угла вынырнул человек: он шел с опущенной головой, низко надвинутый капюшон толстовки почти полностью скрывал его лицо. Руки были глубоко засунуты в карманы дутого жилета. Человек двигался быстро, часто оглядываясь, словно кто-то преследовал его. Это был он, Данте ни секунды в этом не сомневался.

— А вот и наш долгожданный парень по имени Бен, — процедил он сквозь зубы, наблюдая, как человек взбежал по ступеням крыльца. — Ну что, Гарвард, вперед. Живее!

Они вылезли из машины и, пока за Салливаном не закрылась дверь, с молниеносной скоростью, свойственной всем представителям расы вампиров, оказались на крыльце. Как только Салливан повернул ключ и открыл дверь своей квартиры на третьем этаже, Данте толкнул его внутрь, так что дилер влетел напрямик в темную, спартанского вида гостиную.

— Мать твою... — Салливан начал было подниматься с пола — и замер, его лицо попало в полосу тусклого света от лампочки на лестничной клетке.

В глазах дилера помимо страха промелькнуло еще что-то. «Узнал», — подумал Данте, полагая, что в клубе парень успел рассмотреть их. Но эта была злоба. Откровенная враждебность самца. Данте физически ощущал ее.

Парень медленно встал:

— Что, мать твою, здесь происходит?

— Может, ты сам нам об этом расскажешь? — Проходя в гостиную, Данте включил свет. У него за спиной Чейз закрыл дверь на ключ. — Уверен, ты догадался, что с нашей стороны это не дружеский визит.

— Что вам надо?

— Для начала — информация. И от тебя зависит, как мы ее получим.

— Какая еще информация? — Взгляд Бена беспокойно метался от Данте к Чейзу и обратно. — Я не знаю, кто вы такие, и понятия не имею, о чем вы говорите...

— Послушай, — прервал его Данте, скривив губы в презрительной ухмылке, — твой невразумительный ответ заставляет нас принять серьезные меры. — Правая рука Бена скользнула в карман жилета. Данте рассмеялся. — Ты хочешь убедить нас, что ты законченный идиот? Ну давай, покажи нам свою пушку, чтобы у нас на этот счет не осталось никаких сомнений.

Лицо Бена стало белее стен его убогой гостиной. Он медленно вытащил пустую руку из кармана.

— Как вы...

— Ты сегодня кроме нас еще кого-то ждешь? — Данте подошел к нему и достал из его кармана пистолет 45-го калибра — Бен не сопротивлялся. Данте протянул оружие Чейзу. — Дерьмовая штука, под стать дерьмовому наркодилеру, да?

— Это для самообороны. И я не наркодилер, я...

— Сядь, — сказал Данте и толкнул Бена в кресло, обтянутое искусственной замшей. В комнате не было другой мебели — только компьютер в углу и стереосистема у стены. — Осмотрись тут, может, найдешь что-нибудь интересное, — добавил он, обращаясь к Чейзу.

— Я не наркодилер, — повторил Бен, когда Чейз обвел взглядом комнату, решая, с чего начать. — Я не знаю, что вы думаете...

— Я скажу тебе, что я думаю. — От злости Данте изменился в лице — зрачки сузились, увеличившиеся клыки давили на десны. — Ты же не будешь отрицать, что три

дня назад мы видели тебя в клубе, где ты продавал «малину». Как давно ты этим занимаешься? Где берешь?

Бен опустил взгляд, явно соображая, как бы поубедительнее соврать. Данте резко схватил его за подбородок и поднял голову, заставляя смотреть в глаза.

— Ты же не хочешь из-за этого отправиться на тот свет, засранец?

— Мне нечего сказать. Вы ошибаетесь. Я вообще не понимаю, о чем речь.

— Может быть, она нам что-нибудь расскажет? — вмешайся в разговор Чейз, вышедший из спальни. Он держал в руке рамку с любительской фотографией. На ней были Бен и Тесс с короткой стрижкой, они выглядели счастливыми на фоне клиники с вывеской «Мы открылись». — Какая сладкая парочка. Уверен, эта девица прольет свет на то, чем ты занимаешься в сводное от работы время.

Прищурившись, Бен бросил на Чейза злобный взгляд:

— Держись от нее подальше, иначе я тебя...

— Она с тобой заодно? — спросил Данте, его голос прозвучал глухо и хрипло.

Бен криво усмехнулся:

— Ты меня об этом спрашиваешь? Это ты, а не я, целовался с ней вчера ночью у ее дома. Я видел тебя, сукин сын.

Признание Бена удивило Данте, теперь ему стала понятна причина его злости. Данте почувствовал на себе вопросительный взгляд Чейза, но сам продолжал пристально смотреть на кипевшего от ревности бывшего бойфренда Тесс.

— Я начинаю терять терпение, — проворчал Данте, затем тряхнул головой. — Вернее, уже потерял. — Молниеносным движением он выхватил из ножен *malebranche*. Угрожающе сверкнув, изогнутое лезвие застыло на горле Бена. Данте улыбнулся, заметив, как от ужаса округлились глаза парня. — Так мне удобнее задавать вопросы. Чтобы ты мог на них отвечать, я чуть-чуть ослаблю нажим. И никаких глупостей, никакого вранья. Моргни, милашка Бенни, если согласен на мои условия.

Бен хлопнул ресницами и вновь сосредоточился на страшном оружии Данте.

— Они сказали мне, чтобы я никому ничего не говорил, — выпалил Бен.

— «Они» — это кто?

— Не знаю... Те, кто платил мне за изготовление этого дерьма.

Данте нахмурился:

— Ты сам занимался производством «малины»?

Бен попробовал было кивнуть, но острое лезвие остановило его.

— Я — химик... по крайней мере, был им. Работал в одной косметической фирме, несколько лет назад уволили.

— Лирику о твоём несчастном прошлом опустим, нас интересует только «малина».

Бен осторожно сглотнул:

— Я делал ее только для клубов, просто нужны были деньги. Но летом, почти сразу, как я начал ее продавать, какой-то тип предложил мне расширить производство. Он сказал, что у него есть люди, которые в этом очень заинтересованы и готовы хорошо платить.

— И ты не знаешь, кто твои партнеры?

— Нет. Я не задавал вопросов, а эти люди ничего не говорили. Да и мне это было безразлично. Платили они хорошо. Очень хорошо. Деньги оставляли в банковской ячейке.

Данте и Чейз обменялись взглядами: вполне возможно, человек не знал, что связался с Отверженными, непосредственно с их боссом, который несколько месяцев назад начал активную подготовку к войне. Орден серьезно помешал его планам, взорвав заброшенный приют, являвшийся штаб-квартирой кровососов. Но полностью предотвратить угрозу не удалось. Отверженные стремятся увеличить число себе

подобных — в частности, с помощью «малины», поэтому война всего лишь вопрос времени.

— Да и что в этой «малине» такого? На нее не подсаживаются. Я испытывал ее действие на себе — легкий стимулянт, до экстази или бутирата ей далеко.

— Далекo, говоришь, — усмехнулся Чейз. — Ты уверен в этом? Ты видел, что случилось той ночью в клубе?

Данте плотнее прижал лезвие к горлу Бена:

— У тебя было место в партере, парень.

Бен стиснул челюсти и как-то растерянно посмотрел на Данте:

— Я... я не понял, что видел. Клянусь.

Данте прищурился и впился в него взглядом. Он ясно видел волнение человека, но не врет ли он? Данте пожалел, что рядом нет Тигана. Этот воин безошибочно определял, говорят ему правду или лгут, вне зависимости от того, кто перед ним — человек или вампир. Конечно, зная Тигана, можно с уверенностью сказать, что он, как и Данте, пожелал бы уничтожить этого нытика на месте.

— Послушай. — Бен попытался встать, но Данте толкнул его ладонью в грудь, вынуждая снова сесть. — Выслушайте меня, пожалуйста. Я никому не хотел причинить вреда. Просто все как-то... Господи, все вышло из-под контроля, стало опасным. С меня хватит, я хочу со всем этим покончить. Сегодня же вечером. Я позвонил парню, с которым держу связь, и договорился о встрече, хочу сказать, что выхожу из дела. Он должен приехать с минуты на минуту.

Чейз подошел к окну и, осторожно раздвинув жалюзи, выглянул на улицу.

— У входа стоит темная машина, — сообщил он и посмотрел на Бена. — Похоже, он уже здесь.

— Черт! — Бен нервно потер подлокотники ветхого кресла и вопросительно взглянул на Данте. — Мне нужно идти. Черт, и мне нужен мой пистолет.

— Ты никуда не пойдешь. — Данте спрятал в ножны *malebranche* и подошел к окну посмотреть на стоящую у обочины машину. Разглядеть водителя было, конечно же, невозможно, но Данте мог поспорить, что за рулем либо Отверженный, либо Миньон, а рядом с ним на пассажирском месте еще один. Данте повернулся к Бену. — Если сядешь в эту машину, ты покойник. Как ты связываешься со своим партнером? По телефону? Говори номер.

— Они дали мне мобильный телефон, в память которого занесен один-единственный номер. Он зашифрован так, что я даже не знал, куда звоню.

— Дай сюда.

Бен достал из кармана жилета телефон и протянул его Данте.

— Что вы собираетесь делать?

— Телефон пока останется у меня, а ты пойдешь с нами, мы продолжим наш разговор в другом месте.

— Что? Нет! — Бен вскочил на ноги, нервно оглядываясь по сторонам. — Черт! У меня нет оснований доверять вам, парни, так что спасибо за все, но я сам о себе позабочусь и...

Прежде чем Бен успел договорить, Данте оказался перед ним и схватил его за горло:

— Ты не понял. Это не просьба.

Он разжал руку и толкнул Бена к Чейзу.

— Уводи его отсюда. Найди способ незаметно добраться до машины и вези его в бункер. А я спущусь к тем засранцам и передам им извинения от нашего друга.

Через несколько секунд Данте уже стоял под дождем перед машиной, глядя в лобовое стекло. В салоне сидели двое, как и предполагал Данте, — Миньоны, марионетки П1. Могущественный вампир высосал из них жизнь, лишив человеческой души. Внешне они ничем не отличались от людей, но фактически превратились в зомби, беспрекословно выполняющих приказы своего Хозяина.

И они должны быть уничтожены.

Данте оскалился, намереваясь сделать это немедленно.

Миньон, сидевший на пассажирском месте, растерянно заморгал, словно не верил своим глазам. Водитель оказался более сообразительным: вместо того чтобы, как его напарник, изрыгать проклятия, завел мотор и дал по газам.

Машина дернулась вперед, но Данте, презрительно усмехнувшись, положил руки на капот, не позволяя ей сдвинуться с места. Колеса крутились вхолостую, покрышки визжали и дымились, стираясь о мокрый асфальт. Когда водитель догадался дать задний ход, Данте запрыгнул на капот. Машина развернулась и выехала на дорогу.

Балансируя, как серфингист, Данте каблуком ботинка ударил по стеклу. Фонтаном брызнули осколки, и Данте нырнул внутрь между двумя Миньонами.

— Привет, парни. Ну что, мать вашу, куда едем?

Миньоны обезумели, они попытались скрутить его, молотили кулаками, даже кусались. Данте это только забавляло. Машина неистово виляла и кружилась по улице, пока Данте не остановил ее.

Неожиданно его обожгла острая боль в правом бедре, в ноздри ударил запах собственной крови. Данте взревел, от ярости мгновенно сузились зрачки и обнажились клыки. Он схватил сидевшего на пассажирском месте Миньона за волосы и с силой ударил его лицом о приборную панель — добивать не пришлось.

Водитель схватился за ручку дверцы, открыл ее и вывалился на мокрый асфальт, тут же вскочил и пустился бежать через узкий проход между двумя трехэтажными домами.

Данте мгновенно нагнал его и швырнул на землю. Он старался не переусердствовать: из Миньона еще нужно было вытянуть, где прячется его Хозяин. Имя того, кто сделал его Миньоном, Данте и так знал: после всего случившегося в последние месяцы воины Ордена не сомневались, что босс Отверженных, за которым они охотятся, родной брат Лукана, Марек. Оставалось только выяснить, где он укрылся после взрыва приюта.

— Где он? — Данте для устрашения ударил Миньона по лицу. — Где твой Хозяин?

— Да пошел ты, — огрызнулся Миньон.

Данте ударил его еще раз, выхватил *malebranche* и приставил лезвие к щеке Миньона.

— Давай, вампир, убей меня. Я тебе все равно ничего не скажу.

Данте очень хотелось выполнить его просьбу, но вместо этого он рывком поднял Миньона с земли и прижал к стене дома, с удовлетворением отметив силу, с которой голова ударилась о кирпич.

— А что, если я буду отрезать от тебя по кусочку? — сквозь клыки злобно прошипел Данте. — Плевать мне, будешь ты говорить или нет, я послушаю твои истошные вопли.

Данте сильнее надавил ему на горло. Миньон что-то пробормотал и заерзал. Данте услышал щелчок предохранителя, рука Миньона взмыла вверх, и, прежде чем воин успел что-либо предпринять, несчастный выстрелил себе в висок.

— Черт!

Оранжевая вспышка мелькнула в темноте, звук оглушительным эхом пронесся по узкому проходу между домами. Миньон упал на мокрую землю, вокруг него растекалось кровавое пятно.

Данте осмотрел собственные раны: порезы на руках и глубокая рана на правом бедре. В последний раз он пил кровь пару ночей назад, в теле достаточно сил, чтобы быстро залечить эти повреждения, потребуется часа два, а то и меньше. Но чтобы восстановиться, ему нужно было укрытие.

В нескольких окнах зажегся свет. В доме напротив кто-то раздвинул шторы, взглядываясь в темноту. Раздался испуганный крик. Скоро позвонят в полицию, если уже не позвонили.

Черт!

Нужно убираться отсюда, pronto⁹. Чейз уже, наверное, давным-давно скрылся, и это очень хорошо, учитывая обстоятельства. В машине с разбитым стеклом незамеченным далеко не уедешь. Превозмогая боль в ноге, Данте развернулся и пошел прочь, оставляя позади тела двух Миньонов и их машину.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Тесс вытерла последнюю тарелку и поставила ее в шкаф, накрыла крышкой остатки курицы под соусом марсала и почувствовала на себе взгляд.

— Ты, должно быть, меня обманываешь, — сказала она, повернув голову и глядя на тихо скулившую у ее ног собаку. — Гарвард, неужели ты все еще голодный? Ты ел без перерыва весь вечер.

Терьер склонил голову набок, сдвинул бровки над бусинами шоколадных глаз, кончики ушей настороженно заострились. Поскольку Тесс не бросилась тут же кормить его, наклонил голову в другую сторону и поднял лапку.

Тесс засмеялась:

— Ну хорошо, бессовестный очаровашка. Сейчас я дам тебе кое-что вкусенькое.

Тесс взяла миску, до блеска вылизанную после второй порции консервированного собачьего корма. Гарвард неотступно семенил за ней. Он был ее тенью целый день с того момента, как она решила привезти его домой, чтобы он находился под постоянным присмотром.

Никогда раньше она не брала пациентов к себе, но никогда раньше она не лечила их руками. К Гарварду Тесс чувствовала особое расположение, похоже, и он сразу к ней привязался, как будто понимал, что сегодня утром она вырвала его из лап смерти. Капельница, кормление, купание в специальном растворе от блох — и вот Гарвард словно заново родился. После всех испытаний, выпавших на его долю, Тесс просто духу не хватило оставить его на ночь в клинике. И Гарвард решил, что отныне она его лучший друг.

— На сегодня это последняя порция, — сказала Тесс, отрезая от курицы несколько кусочков и бросая их в миску.

Гарвард накинулся на еду, а Тесс убрала остатки курицы в холодильник, налила себе новый бокал шардоне и пошла в гостиную, где ее ждали глина и инструменты. Так приятно было снова вернуться к лепке, особенно после насыщенных событиями последних дней и... ночей.

⁹ Быстро (*um.*).

Принимаясь за работу, Тесс не знала, что именно будет делать, но не удивилась, когда комок светло-коричневой глины начал принимать знакомые очертания. Пока это был только грубый набросок — суровое лицо, жесткие пряди волос. Тесс отвлеклась, чтобы сделать глоток вина. Она боялась, что если продолжит, то не сможет остановиться до утра, пока не завершит работу.

Как будто у нее или Гарварда есть более серьезные планы на этот вечер!

Тесс поставила бокал на стол, выдвинула вращающийся стул, села и с помощью проволочной стеки начала детально прорабатывать лицо. Обозначился высокий лоб, дуги бровей, нос с горбинкой и резко очерченные скулы. На Тесс снизошло вдохновение, мысли воспарили, направляя движения рук.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем резкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Спавший на коврик у ее ног Гарвард мгновенно поднял голову и зарычал.

— Ты кого-нибудь ждешь? — тихо спросила его Тесс, поднимаясь со стула.

Господи, видно, она и вправду слишком увлеклась: губы получились какими-то странными, они изогнулись в зверином оскале, а зубы...

Стук повторился, затем раздался глубокий голос, от которого ее словно током ударило:

— Тесс? Ты дома?

Данте.

Тесс вытаращила глаза и тут же поморщилась, вспомнив о том, как она выглядит. Волосы собраны на макушке в небрежный узел, белая теплая рубашка надета прямо на голое тело, выцветшие красные спортивные брюки перепачканы в глине — не лучший вид для приема гостей.

— Данте? — переспросила она, желая выиграть время и убедиться, что слух не обманул ее. — Это ты?

— Да. Можно войти?

— Ну конечно, секунду, — крикнула Тесс, стараясь, чтобы слова прозвучали непринужденно.

Она набросила тряпку на незавершенную работу и мельком глянула на свое отражение в шпателе. Прекрасно! Взгляд слегка безумный, как и подобает истинному художнику. «Ничего, это отучит его от неожиданных визитов», — подумала Тесс, подходя к двери и отодвигая задвижку.

— Что ты...

Тесс осеклась, увидев Данте. Он был мокрый с головы до ног: черные волосы прилипли ко лбу и щекам, вода стекала с куртки на ботинки и коврик у двери.

Но самым страшным было не это, а то, что дождевая вода порозовела от крови.

— Господи! Что с тобой? — Тесс отступила, пропуская его в прихожую, и захлопнула дверь. — Что случилось?

— Я ненадолго. Мне вообще не следовало приходиться. Но ты первая, о ком я подумал, когда...

— Все в порядке, — сказала Тесс. — Проходи. Я сейчас дам тебе полотенце.

Она побежала к шкафу и вытащила оттуда два полотенца: одно — чтобы Данте мог вытереться, второе — чтобы остановить кровотечение. Когда она вернулась в гостиную, Данте собирался снять куртку. Он взялся за молнию, и Тесс увидела кровь на костяшках пальцев. Кровь была и на лице, хотя большую часть, наверное, смыл дождь.

— Тебе здорово досталось, — сказала Тесс, испытывая сильное волнение. Судя по виду, Данте побывал в какой-то уличной потасовке. Ран на лице она е видела, так что, возможно, это была не его кровь. Но это не меняло дела.

Данте расстегнул куртку, и Тесс не смогла сдержаться:

— Господи...

Глубокая ножевая рана тянулась чуть ли не по всей длине правого бедра. Она была свежей и кровоточила.

— Ничего страшного, — успокоил ее Данте. — Жить буду, поверь мне.

Он снял куртку, и Тесс застыла в оцепенении, от жалости не осталось и следа.

Данте был вооружен, как супергерой из боевика. Его бедра опоясывал широкий ремень, увешанный разнообразным холодным оружием, особенно выделялись два огромных изогнутых клинка в кожаных ножнах. Грудь перетягивала перевязь, из кобуры выглядывал ужасающего вида пистолет, Тесс даже думать не хотела о его поражающей силе. Еще один пистолет скромно прятался в кобуре на левом бедре.

— О черт... — Тесс инстинктивно отпрянула от Данте, прижимая полотенца к груди, словно защищаясь.

Данте посмотрел на ее испуганное, растерянное лицо и нахмурился:

— Я не причиню тебе вреда, Тесс. Это всего лишь мои рабочие инструменты.

— Рабочие инструменты? — Не замечая того, Тесс продолжала пятиться, пока не уперлась в кофейный столик, стоявший в центре гостиной. — Данте, ты экипирован как наемный убийца.

— Не бойся, Тесс.

Она не боялась. Была смущена, беспокоилась за него, но не боялась. Данте снял ремень и кобуру и держал все это в руках, не зная, куда положить. Тесс махнула рукой в сторону кофейного столика.

— Ты не могла бы дать мне полотенце?

Тесс протянула ему полотенца и наблюдала, с какой осторожностью он раскладывал оружие, стараясь не поцарапать и без того уже потертую столешницу. Вооруженный до зубов, с глубокой кровоточащей раной на бедре, он каким-то образом мог сохранять деликатность. Даже изысканность манер. Настоящий джентльмен, если забыть об ужасном оружии и смертельной опасности, исходившей от его крепкого тела.

Окинув взглядом гостиную, Данте заметил настороженно замершего у ног Тесс Гарварда. Данте нахмурился:

— Неужели это тот самый?..

Тесс кивнула, напряжение отпустило ее, когда Гарвард, приветственно завивляв хвостом, посеменил к Данте.

— Надеюсь, ты не против, что я на время поселила его у себя. Я хотела, чтобы он находился под постоянным наблюдением, и подумала...

Она не договорила, увидев, как Данте наклонился и ласково погладил собаку.

— Привет, парень! — сказал он и засмеялся, когда Гарвард лизнул его руку, после чего завалился и спину, предлагая почесать живот. — Вижу, о тебе сегодня хорошо заботились. Выглядишь как новенький.

Он удивленно посмотрел на Тесс. Не дожидаясь вопросов о чудесном преображении Гарварда, она забрала у Данте влажное полотенце и кивнула в сторону ванной:

— Пойдем, я осмотрю твою рану.

На другом конце Бостона, остановившись перед красным сигналом светофора, Чейз с нескрываемым отвращением скосил глаза на пассажира. Лично он не видел никакой пользы в этом подонке. Если бы они с Данте не появились вовремя, этого человека ждал бы неминуемый конец, что, безусловно, порадовало бы Чейза.

Ему казалось величайшей несправедливостью, что такое ничтожество, как Бен Салливан, сумел избежать смерти, а невинные юнцы вроде Кэмдена и других пропавших

погибают или превращаются в Отверженных под воздействием той дряни, которую производит и распространяет этот подонок.

Неожиданно перед глазами Чейза промелькнула ужасающая картина: Данте острым лезвием отсекает голову Джонасу Редмонду в переулке за клубом. Хорошего парня убил не воин, а порошок, который продал ему вот этот сидящий рядом с Чейзом человек. Словно цунами, вампира накрыло непреодолимое желание пустить этому негодяю пулю в голову.

Чейз пристально смотрел вперед в надежде, что ярость утихнет. Смерть Бена Салливана ничего не решит и не вернет Кэмдена домой.

А это было для него наиважнейшей задачей.

— Он спит с ней, с Тесс, этот твой напарник? — Голос человека вывел Чейза из задумчивости, и он не сразу понял, о чем речь. Бен выругался и отвернулся к окну. — Я видел их вчера вечером у ее дома этот сукин сын нагло лапал ее. Он что, ко мне хотел подбраться?

Чейз молчал. Над этим вопросом он и сам ломал голову. Данте сказал, что использовал свои методы, чтобы найти наркодилера. Судя по тому, что Бен видел его со своей женщиной, можно догадаться, какие методы он имел в виду.

Однако при упоминании об этой женщине на лице воина появилось какое-то странное выражение. Может быть, здесь замешан не только корыстный интерес и она ему безразлична?

— Черт. Теперь это не важно, — пробормотал Салливан. — Куда ты меня везешь?

Чейз не собирался отвечать. Поместье Ордена находилось на самой окраине Бостона, еще несколько минут езды в северо-восточном направлении. В бункере Бена Салливана допросят, и уже через несколько часов он будет мирно спать в теплой, сухой постели — безоговорочно виновный, но тем не менее под надежной защитой воинов. В то время как десятки юношей Темной Гавани будут подвергаться опасности на улицах Бостона, находясь под воздействием дряни, которую продавал им этот Салливан.

Ужасная несправедливость.

Чейз видел, что зажегся зеленый, но не трогался с места. Сзади загудел клаксон. Словно не замечая его, вампир барабанил пальцами по рулю и размышлял об Элизе и своем обещании вернуть Кэмдена домой.

Он ничего не предпринимал, а время шло, Чейз физически ощущал, как оно утекает.

Клаксон загудел снова, уже более настойчиво. Чейз нажал на газ и повернул налево, направляясь обратно в город, на юг, в старый промышленный район.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Господи, — ужаснулась Тесс, она даже почувствовала легкую тошноту, когда склонилась, чтобы взглянуть на бедро Данте. Он сидел на краю ванны в одних черных рваных брюках. Его рана была не такой страшной, как показалось вначале в полумраке гостиной, просто сейчас в ярком свете вид большого количества крови — крови Данте — вызвал у Тесс головокружение. Ей даже пришлось ухватиться рукой за ванну, чтобы не упасть. — Прости, я не всегда так реагирую. В клинике мне часто приходится осматривать повреждения, но...

— Тесс, тебе не обязательно возиться со мной. Я привык сам справляться с такими проблемами.

Она с сомнением посмотрела на Данте:

— Если судить по количеству крови, рана довольно глубокая. Нужно накладывать швы. Не уверена, что ты способен это сделать. Так что не мог бы ты снять брюки, они мешают мне работать.

Данте даже не пошевелился.

Тесс нахмурилась:

— Ты собираешься сидеть здесь и заливать кровью пол?

Не сводя с нее глаз, Данте чуть заметно пожал плечами, затем встал и расстегнул пуговицу. Когда замок молнии пополз вниз, обнажая жгуты татуировок и темный треугольник волос, Тесс почувствовала, как у нее загорелись щеки. Господи, после вчерашней ночи ей следовало бы помнить, что он не из тех парней, кто носит нижнее белье.

— Э-э, вот... возьми. — Она быстро схватила с держателя полотенце и протянула его Данте.

Тесс отвернулась, ожидая, когда он разденется, хотя ее скромность могла показаться запоздалой после всего, что они делали вчера. Из-за близости его полуобнаженного тела ей вдруг стало тесно и душно.

— Ты не хочешь рассказать, что с тобой случилось? — спросила Тесс. Она, не глядя на него, перебирала скромный запас медикаментов в шкафчике. — Чем ты таким занимался, что получил удар ножом? И нож, должна заметить, был немаленький.

— Обычное дело. Мы с товарищем задерживали наркодилера, и я напоролся на пару препятствий. Пришлось их устранить.

«Пришлось их устранить», — мысленно повторила Тесс, выкладывая бинт на край раковины. Она сразу поняла, что это значит, и ей стало не по себе от хладнокровного признания Данте. Ей не понравились его слова, но Данте клялся, что он хороший парень. Разумеется, это безумие, но она почему-то верила ему.

— Хорошо, — сказала Тесс, — теперь дай мне взглянуть на твое бедро.

— Я же сказал, жить буду. — Тесс услышала звук упавших на пол брюк. — Рана не такая страшная, как ты могла подумать.

Тесс повернула голову, готовясь к ужасному зрелищу, но рана действительно оказалась не такой опасной. И не такой уж глубокой — не более полудюйма, к тому же кровотечение почти прекратилось.

— Ну и хорошо. — Тесс пожала плечами, радуясь что ее беспокойство оказалось чрезмерным. — В таком случае я просто промою рану, наложу повязку, и ты будешь как новенький.

Тесс снова повернулась к раковине, смочила под краном край полотенца, капнула на него антисептик и в этот момент услышала, как Данте поднялся, сделал полшага и встал у нее за спиной. Он осторожно снял заколку, и волосы волнами рассыпались по плечам.

— Так лучше, — с чувственным придыханием тихо произнес Данте. — Твоя обнаженная шея меня смущает. Я могу думать только о том, чтобы прижаться к ней губами.

У Тесс перехватило дыхание, она не знала, что делать: стоять неподвижно, дожидаясь, когда он отойдет от нее, или же отдаться безумию, которое их влекло.

Тесс с трудом развернулась в тесном пространстве между раковиной и полуобнаженным Данте. На таком близком расстоянии его татуировки завораживали: геометрические фигуры, сплетенные в сложные узоры, переливались разными цветами: от красновато-коричневого до золотого, от зеленого до перламутрово-синего.

— Нравятся? — спросил Данте, наблюдая за ее взглядом.

— Потрясающе. Никогда не видела ничего подобного. Это какие-то этнические орнаменты?

Данте повел плечами:

— Я бы сказал, семейная традиция. У моего отца были похожие, и у отца моего отца, и у всех мужчин нашего рода.

Вот это да! Если все мужчины в роду Данте были такими, как он, нетрудно представить себе, сколько женских сердец они разбили. Вспомнив, куда ведут татуировки, Тесс покраснела.

Данте понимающе улыбнулся — чуть изогнулись уголки его губ.

Тесс закрыла глаза и вдохнула поглубже, стараясь успокоиться, затем снова посмотрела на Данте. Влажным полотенцем она убрала пятна крови с его щек и лба, потом протерла руки, взяв ладони Данте в свои. Его пальцы были мощными и длинными.

— Мне нравится, когда ты прикасаешься ко мне, Тесс. Мне хотелось этого с нашей первой встречи.

Тесс подняла голову и встретилась взглядом с Данте. Его глаза цвета виски гипнотизировали ее, внушая мысль, что все повторится: их обнаженные тела вновь сольются воедино. Тесс чувствовала, что с Данте всегда будет испытывать такую всепоглощающую страсть. Жаркие волны накрыли ее тело, ноги подкашивались.

— Позволь мне... заняться твоей раной...

Тесс наклонилась. Края полотенца разошлись, обнажив мускулистое бедро Данте. Тесс осторожно вытерла кровь, восхищаясь его сильным, накачанным телом, смуглой гладкой кожей. Убирая руку, Тесс случайно коснулась твердого члена, натянувшего полотенце. Она вздрогнула и с трудом сглотнула.

— Сейчас я наложу повязку.

Она бросила полотенце в раковину и потянулась за бинтом, но Данте перехватил ее руку. Большим пальцем нежно погладил запястье, будто спрашивая разрешения. Тесс не отдернула руку, а, напротив, повернулась к нему лицом, и глаза Данте полыхнули янтарным огнем.

— Мне следовало бы держаться от тебя подальше. — Его голос прозвучал низко и чуть хриловато. — Но я не могу.

Он положил ладонь ей на затылок и притянул к себе. Тесс затаила дыхание, наслаждаясь долгим, сладким поцелуем. Рука Данте скользнула под ее рубашку и поползла по спине вверх. Прикосновения его горячих пальцев обжигали кожу.

Поцелуй Данте стал более настойчивым, его язык проникал глубоко, вызывая приятное томление. Тесс расслабилась, ощущая твердость члена, прижатого к ее животу. Между ног стало влажно. Рука Данте переместилась к ее груди, палец замер на соске. По телу Тесс побежали мурашки, она задрожала, желая более интенсивных ласк. Некоторое время был слышен только легкий шелест движущихся по телу рук.

Данте прервал поцелуй. Тесс тяжело и часто дышала, чувствуя себя тряпичной куклой. Он легко поднял ее и посадил на тумбочку, стянул с нее рубашку, затем спортивные брюки, Тесс осталась в одних трусиках. Данте расположился между ее раздвинутых ног, полотенце, прикрывавшее его напряженный член, мягко терлось о внутреннюю поверхность ее бедер.

— Смотри, что ты со мной делаешь, — сказал он, направляя ее руку под полотенцем.

Без малейшего смущения Тесс погладила член, с трудом обхватывая его, ощущая его тяжесть и шелковистость кожи. Коснувшись гладкой головки, Тесс наклонилась и поцеловала упругий живот Данте.

Вампир застонал, когда она провела кончиком языка по витиеватым линиям его татуировок. Данте оперся о края тумбочки, его мускулы возбуждающе напряглись. Он словно захватил ее в сладостный плен, предлагая делать с его телом все, что заблагорассудится. Голова Данте упала на широкую грудь, полуприкрытые глаза горели. Тесс улыбнулась и обвела языком его пупок, не сдержавшись и прикусив гладкую кожу.

Данте с шипением выдохнул.

— Да, боже, сильнее... еще, сильнее, — простонал он. — Я хочу, чтобы ты меня кусала, Тесс.

Она не понимала, что на нее нашло, но выполнила его просьбу: втянула в рот и сжала зубами его кожу. Она ее не прокусила, но почувствовала, как волна пробежала по телу Данте. Резким движением бедер он сбросил полотенце и содрогнулся, когда Тесс провела языком по месту укуса.

— Я сделала тебе больно?

— Нет. Не останавливайся, продолжай. — Он наклонился и поцеловал ее в плечо, от этого его мускулы напряглись еще больше, а член в ее руке, казалось, увеличился в размере. — Господи, Тесс, ты для меня настоящий сюрприз. Пожалуйста, не останавливайся.

Тесс не хотела останавливаться. Бессмысленно было рассуждать, почему она чувствует глубокую и прочную связь с этим мужчиной, почему в его присутствии ее охватывает дикое желание, — очень многое, что касалось Данте, оставалось для нее загадкой. Они познакомились несколько дней назад, но складывалось впечатление, что они знают друг друга очень давно, будто судьба некогда соединила их, и вот теперь они вновь встретились.

Но Тесс не хотела задумываться об этом. Покусывая живот Данте, она опускалась все ниже и ниже и наконец обхватила губами головку его члена, втянула его как можно глубже и медленно выпустила изо рта, легонько царапая зубами. Данте резко со стоном выдохнул и застыл. Снова обхватив губами член, Тесс ощутила бешеную пульсацию его крови. На какое-то ослепительно краткое безумное мгновение ей захотелось ощутить на языке этот горячий алый сок.

Сквозь тонированное стекло спортивного автомобиля освещенная луной река казалась черной выщепленной лентой. На заасфальтированной площадке, некогда служившей парковкой при бумажной фабрике, закрытой лет двадцать назад, не было ни одной машины. Бен решил, что именно здесь его прикончат, и сидевший за рулем мужчина, вооруженный до зубов и напряженно-молчаливый, как скала, не собирался его в этом разубеждать.

Когда машина наконец остановилась, Бен приготовился сопротивляться, крайне жалея, что еще в квартире лишился своей пушки. Хотя он не верил, что пистолет мог сколько-нибудь увеличить его шансы. Этот парень за рулем в отличие от черноволосого напарника, от которого так и веяло смертельной угрозой, был темной лошадкой. Внешне он сохранял ледяное спокойствие, но внутри у него явно бушевал гнев, и это заставляло Бена серьезно опасаться за свою жизнь.

— Что происходит? Зачем мы сюда приехали? Мы кого-то ждем? — Он так и сыпал вопросами, не заботясь, что ведет себя как обделавшийся трус. — Разве твой напарник не приказал тебе доставить меня в бункер?

Мистер Хладнокровие молчал.

— Не знаю, что это за место... — Бен огляделся по сторонам, — но бункера здесь нет.

Водитель шумно выдохнул и повернулся к Бену, сверля его ледяным взглядом убийцы. Бен поежился, физически ощущая на себе силу его с трудом сдерживаемой ярости.

— Нам с тобой нужно серьезно поговорить.

— А после разговора я останусь в живых?

Парень не ответил, он опустил голову и из внутреннего кармана куртки достал какую-то бумагу. «Фотография», — определил Бен по отблеску в тусклом свете приборной панели.

— Ты его видел?

Бен посмотрел на фотографию — приличного вида молодой парень с взъерошенными светло-каштановыми волосами и широкой, открытой улыбкой. Одет в толстовку с эмблемой Гарвардского университета, большой палец одной руки поднят вверх, во второй держит какой-то документ на фирменном бланке.

— Ну, знаешь его? — прорычал водитель.

Бен пришел в замешательство. Он действительно видел этого парня, за последние дни тот несколько покупал у него «малину». Но стоит ли говорить об этом? Даст это ему шанс выжить или, наоборот, его разорвут на месте? Бен медленно покачал головой и уклончиво пожал плечами.

Он глазом не успел моргнуть, как ему сжали челюсть с такой силой, что показалось — она сейчас треснет. Движение было молниеносным, как атака королевской кобры.

— Смотри внимательно, — приказал Мистер Хладнокровие, тыча фотографией Бену в лицо.

— Ну ладно, ладно, — пробормотал Бен, чувствуя во рту вкус крови от прикушенной щеки. — Хорошо. Вот черт!

Рука разжалась, и он закашлялся, растирая челюсть.

— Ты его видел?

— Ну видел, его зовут Кэмерон, что ли.

— Кэмден, — поправил парень ледяным тоном. — Когда ты его видел в последний раз?

Бен покачал головой, стараясь вспомнить:

— Не так давно. На этой неделе. Он тусовался в клубе в Норт-Энде. Кажется, в «Ла Нотте».

— Ты продавал ему свое дерьмо? — медленно, с каким-то странным шипением, словно у него что-то было во рту, спросил водитель.

Бен осторожно повернул голову и посмотрел на него. Глаза у парня горели безумным огнем, зрачки превратились в узкие щелки. Бена затрясло от непонятного мистического ужаса.

Творилось что-то неладное.

— Ты продавал ему «малину», грязный ублюдок?

Бен с трудом сглотнул и лихорадочно закивал:

— Да, кажется, парень покупал пару раз. Он услышал злобное рычание, в полумраке мелькнули острые белые зубы, и его в порыве бешеной ярости ударили головой о боковое стекло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Она его убивала.

Каждое движение языка, каждое скольжение губ вдоль эрегированного члена, прикосновения острых зубов сводили Данте с ума. Он склонился над Тесс, вцепившись в края тумбочки, глаза плотно закрыты, лицо искажено.

Бедра сами начали двигаться. Вбирая член все глубже и глубже, Тесс тихо застонала, чувствительная головка мгновенно откликнулась на волнующую вибрацию.

Данте не хотел, чтобы Тесс видела, в кого он превратился, испытывая крайнее сексуальное возбуждение. Клыки удлинились, их с трудом удавалось скрывать за стиснутыми губами, под опущенными веками глаза горели огнем голода и страсти.

Данте чувствовал ответную страсть Тесс, сладостный аромат ее желаний, действовавший на него сильнее любого афродизиака. И еще — в ее ласках явно ощущалось любопытство, которое слегка обескураживало Данте.

Каждое ее нежное покусывание выражало явный голод, природу которого она сама, по-видимому, не понимала. Неужели она прокусит его кожу и попробует его кровь?

Господи, подумать только, что она может...

Данте поразило то, как сильно ему хотелось, чтобы ее маленькие человеческие зубки впились в его плоть. Он зарычал, когда Тесс отпустила член и легонько прикусила его живот. Желание дать ей свою кровь едва не одержало верх над здравым смыслом, внушавшим беречь Тесс от кровной связи, которая соединит их до конца жизни.

— Нет, — с хриплым шипением сквозь клыки выдохнул Данте.

Дрожащими руками он обхватил Тесс, приподнял ее ягодицы, снял шелковые трусики и придвинул женщину себе. Головка члена поблескивала от ласк Тесс и его собственного возбуждения, граничащего с болью. Данте не мог быть деликатным и вошел в нее резко и глубоко.

Тесс шумно выдохнула и выгнулась у него в руках, пальцы впились ему в плечи, а он, не останавливаясь, двигался, ощущая приближение оргазма. Данте чувствовал, что Тесс тоже готова кончить, она плотно сжимала его член своим горячим лоном.

— О господи, Данте...

И в следующее мгновение она, стиснув его руками и ногами, откинулась назад в сладких содроганиях. Данте тут же кончил сам. Волны жара накатывали одна за другой, а он продолжал двигаться, словно желая продлить оргазм.

Наконец Данте открыл глаза и увидел свое отражение в зеркале над раковиной — в янтарном пламени глаз узкие щелки зрачков, резко очерченные скулы, удлинившиеся клыки, поблескивающие при каждом тяжелом выдохе. Вот его истинное лицо.

— Это было... что-то невероятное, — пробормотала Тесс, целуя его влажную грудь.

Данте прижал ее к себе, не вынимая члена. Он снова бросил взгляд в зеркало — требовалось еще несколько минут, чтобы обрести человеческий облик, и тогда он сможет предстать перед Тесс, не вызывая у нее ужаса.

Он не хотел пугать ее. Господи, если бы она увидела его сейчас, если бы узнала, как он повел себя в ту первую ночь, чем отплатил за ее сострадание, она возненавидела бы его. И была бы права.

Ему хотелось сесть с ней рядом и рассказать то, что она с его помощью забыла. А потом начать все с чистого листа, если получится.

Данте представлял, в какую бурю выльется этот разговор, и не хотел заводить его сейчас, пока его вновь оживающий член все еще находился в ней.

Прерывая размышления Данте, в дверях раздалось рычание. Тихое, но злобное.

Тесс отстранилась от него и повернула голову.

— Гарвард! Что это с тобой? — смущенно засмеялась она, очарование момента было нарушено. — Хм, кажется, мы оскорбили чувства твоей собаки.

Тесс высвободилась из рук Данте и, сняв с крючка у двери махровый халат, набросила его на себя, затем нагнулась и взяла терьера на руки. Он тут же бросился жадно лизать ей лицо. Сквозь пряди еще влажных волос Данте наблюдал за ними, радуясь, что к нему возвращается привычный облик.

— Гарвард быстро пошел на поправку. — Данте догадывался, что такое чудесное выздоровление произошло не только благодаря действию лекарств.

— Он настоящий борец, — ответила Тесс. — Думаю, скоро Гарвард будет совершенно здоров.

Напрасно Данте боялся, что она заметит изменения в его внешности, казалось, Тесс старалась не смотреть на него, словно ей тоже было что скрывать.

— Удивительно, как быстро Гарвард преобразился, я бы назвал это чудом. — Данте внимательно наблюдал, как Тесс реагирует на его слова. — Как и чем ты его лечила, Тесс?

Это был простой вопрос, и она могла привести любое объяснение, но, вместо ответа, Тесс застыла в дверях ванной, и Данте почувствовал, как ее мгновенно охватила паника.

— Тесс, разве так сложно ответить? — настаивал Данте.

— Нет, — поспешно выпалила Тесс и метнула в него затравленный взгляд. — Мне нужно... я должна...

Не выпуская собаку из рук, Тесс закрыла ладонью рот и, не сказав больше ни слова, вылетела из ванной.

Тесс вбежала в гостиную, опустила Гарварда на диван, а сама принялась ходить по комнате, чувствуя себя пойманной в ловушку. Господи, она действительно собиралась признаться Данте, что сделала, чтобы спасти собаку от смерти. Ей хотелось рассказать ему об уникальных способностях, ставших ее проклятием, открыть ему все, но она боялась.

— Тесс? — Данте пришел следом за ней в гостиную, обмотав вокруг бедер полотенце. — Что случилось?

— Ничего. — Тесс помотала головой и с трудом выдавила улыбку. — Правда ничего. Ты хочешь чего-нибудь? Если ты голоден, у меня есть курица. Я могу...

— Я хочу, чтобы ты со мной поговорила. — Он взял ее за плечи, вынуждая остановиться. — Скажи мне, что с тобой происходит. Что тебя мучит?

— Ничего. — Тесс снова помотала головой. Она столько лет хранила свою тайну, скрывала этот позор. — Я просто... Ты не поймешь. Я не думаю, что ты сможешь...

— А ты попробуй.

Ей хотелось куда-нибудь спрятаться от его пронизательного взгляда, но это было невозможно. Данте протягивал ей руку, и она отчаянно желала за нее ухватиться. Тесс так нуждалась в надежной опоре.

— Я поклялась, что больше никогда этого не сделаю, но я...

«Господи, неужели я собираюсь рассказать ему о самом отвратительном поступке, который совершила в своей жизни?»

Столько лет она тщательно оберегала эту тайну. Только двое знали о ней — ее отчим и мать, но они умерли... Это было ее прошлое, которое осталось далеко позади.

И не надо его ворошить.

— Тесс. — Данте усадил ее на диван рядом с Гарвардом, который тут же забрался к ней на колени, радостно виляя хвостом. Данте опустил рядом, погладил ее по щеке. Его рука была теплой, а прикосновение — нежным, и Тесс расслабилась. — Ты можешь рассказать мне все, со мной тебе ничего не угрожает, обещаю.

Ей так хотелось верить в это, что слезы потекли по щекам.

— Данте, я...

Тесс замолчала. Она перевела взгляд туда, где края полотенца, обмотанного вокруг бедер Данте, расходились, обнажая рану на правой ноге. Тесс посмотрела ему в глаза и положила руку на порез. Сосредоточившись, она направила всю энергию в ладонь и держала ее так, пока не почувствовала, что процесс исцеления начался.

Края раны постепенно стянулись и срослись так, словно ничего и не было. Тесс отняла руку и прижала ее к груди, ладонь покалывало.

— Господи! — Голос Данте прозвучал низко, черные брови сошлись на переносице.

Тесс внимательно посмотрела на него, не зная, что сказать, как объяснить то, что она сделала. Она напряглась и с ужасом ждала реакции Данте, не понимая, как истолковать его спокойствие.

Он провел рукой по гладкой коже в том самом месте, где несколько минут назад был глубокий порез, и взглянул ей в глаза:

— Тесс, ты и в клинике так работаешь?

— Нет, — поспешно ответила она и энергично замотала головой. Неуверенность, которую Тесс только что испытывала, переросла в страх. Она боялась того, что мог подумать о ней Данте. — Никогда. Ну... только с Гарвардом, это было единственный раз.

— А людей ты лечишь таким способом?

— Нет, я не...

— Никогда не пробовала воздействовать на другого человека через свои руки?

Тесс встала, ее охватила паника, она вспомнила тот последний раз — последний, злосчастный раз.

— Мои руки — это мое проклятие. Мне бы очень хотелось, чтобы у меня вообще не было этой способности.

— Это не проклятие, Тесс. Это дар. Редкий дар. Господи, когда я думаю о том, что ты могла бы делать...

— Нет! — выкрикнула Тесс, не дав ему договорить. Она попятилась, увидев, что Данте поднимается с дивана. Он смотрел на нее с удивлением и беспокойством. — Я не должна была этого делать. Не должна была показывать тебе свои способности.

— Но ты показала, и теперь ты должна поверить, что я все пойму правильно. Почему ты так боишься, Тесс? Ты боишься меня или своего дара?

— Не называй это даром! — Тесс обхватила себя руками, воспоминания захлестнули ее. — Ты не знаешь... не знаешь, что сделали мои руки.

— Расскажи.

Данте медленно приближался к ней, он надвигался, словно скала, заполняя собой все пространство гостиной. Тесс думала, что захочет убежать и спрятаться, как делала последние девять лет, но неожиданно у нее возникло иное, более сильное желание — броситься в объятия Данте и все ему рассказать, выплеснуть мучивший ее ужас и очиститься.

Она глубоко вдохнула, чувствуя, как рыдания подступают к горлу.

— Все хорошо, — тихо и нежно сказал Данте и привлек ее к себе. — Иди ко мне. Все хорошо.

Она прижалась к нему, ощущая, как под ногами разверзается бездна. Тесс знала, что падение будет болезненным, и собиралась с силами. Данте не торопил ее, он просто крепко держал Тесс в своих объятиях, вселяя уверенность и покой.

И наконец она заговорила. Слова давались с трудом и были горькими на вкус.

— Когда мне было четырнадцать лет, мой отец погиб в автомобильной аварии в Чикаго. Через год моя мать снова вышла замуж за мужчину, с которым познакомилась в нашей церкви. У него был процветающий бизнес, дом на берегу озера. Он казался дружелюбным и щедрым, все его любили, и даже я, хотя и очень тосковала по своему отцу.

Моя мать пила, насколько я помню — сильно. Я думала, она бросит, когда мы переедем в дом отчима, но она продержалась недолго. Отчима совершенно не волновало, что она алкоголичка. У него бар всегда был заполнен, даже после ее самых тяжелых запоев. И я начала понимать, что ему удобно, когда она пьяная валяется на диване и не знает, чем он занимается.

Тесс почувствовала, как Данте напрягся. Его мышцы сделались более твердыми и завибрировали, словно он хотел окружить ее стеной и закрыть от беды.

— Тесс, он... приставал к тебе?

Она с трудом сглотнула и кивнула, упираясь лбом ему в грудь:

— Вначале почти целый год он вел себя очень осторожно, просто обнимал меня слишком крепко и держал слишком долго, смотрел на меня так, что мне становилось неловко. Он пытался

расположить меня к себе подарками, устраивал вечеринки для моих друзей. Но я не любила бывать дома, и как только мне исполнилось шестнадцать, делала все, чтобы появляться там как можно реже. Я проводила время с друзьями, на лето уезжала в лагерь — словом, старалась находиться где угодно, только не дома. Но рано или поздно мне приходилось возвращаться. Все ухудшилось перед моим семнадцатилетием. Отчим стал грубо обращаться с нами — со мной и с моей матерью,— говорить нам всякие гадости. А потом, ночью...

Смелость оставила Тесс. В голове у нее звучала брань, истерические вопли, грохот, звон разбившегося стекла. Она до сих пор слышала тихий скрип двери в ту ночь, когда отчим прервал ее тревожный сон. В его тяжелом дыхании смешались запах ликера и сигаретного дыма. Мясистая ладонь была потной и солоноватой на вкус, когда он зажал Тесс рот, чтобы она не кричала.

— Был мой день рождения, — онемевшими губами прошептала Тесс,— Он пришел ко мне в комнату около полуночи и сказал, что хочет поцеловать меня в честь моего дня рождения.

— Мерзкий сукин сын, — злобно прорычал Данте, нежно глядя ее по голове. — Господи... Тесс... в тот вечер на набережной я попытался сделать то же самое...

— Нет, не то же самое. Просто это напомнило мне... но это было не то же самое.

— Мне очень жаль. Тебе столько пришлось пережить.

— Не надо меня жалеть, — сказала Тесс, не желая принимать его сочувствие, пока не рассказала ему самого страшного. — Когда отчим вошел ко мне в комнату и завалился на мою постель, я сопротивлялась: пиналась, била его руками, но он был сильнее, давил на меня своим весом. В какой-то момент он резко вдохнул, словно его пронзила боль, и замер, и я наконец смогла спихнуть его с кровати. Он даже не сопротивлялся. Лицо у него сделалось бордовым, потом синим... Сердечный приступ. Отчим умирал прямо на полу моей комнаты.

Тесс замолчала, Данте не нарушал тишину. Возможно, он догадывался, какой финал будет у этой истории. Тесс не могла остановиться теперь. Она тяжело вздохнула и продолжила:

— В этот момент в комнату вошла моя мать. Пьяная, как всегда. Она увидела отчима лежащим на полу, и у нее началась истерика. Мать пришла в ярость. В ее глазах я была во всем виновата. Она кричала и требовала, чтобы я его спасла.

— Она знала, что ты можешь лечить руками? — тихо спросил Данте, помогая Тесс справиться с волнением.

— Да, знала. Я лечила ее синяки и переломы. Она кричала и обвиняла меня в том, что у отчима случился сердечный приступ. Думаю, мать винила меня во всех несчастьях своей жизни.

— Тесс, ты ни в чем не виновата. Ты же знаешь это.

— Да, сейчас я это знаю. Но в тот момент я была так напугана. Я не хотела причинять ей боль и делать еще более несчастной. Она требовала, и я спасла его. Я запустила его сердце и устранила блокаду. Он ничего этого не знал, а мы ему не говорили. А через три дня я поняла, какую ошибку совершила.

Тесс закрыла глаза и перенеслась на девять лет назад. Собираясь заняться лепкой, она вошла в сарай в поисках стеки. Подставила стремянку к стеллажу надеясь разыскать инструмент на верхней полке, случайно задела маленькую деревянную коробку и столкнула ее локтем на пол.

Из коробки высыпались фотографии, много фотографий. Снимки детей разного возраста, разной степени оголенности, на многих были видны трогавшие их в процессе съемки руки фотографа. Тесс сразу же узнала эти гадкие мясистые руки.

Данте почувствовал, как она содрогнулась.

— Я была не единственной жертвой отчима. Я обнаружила, что он издевался над детьми на протяжении многих лет, возможно, десятилетий. Он оказался настоящим чудовищем, и я вернула его к жизни, чтобы он продолжал творить свои грязные дела.

— Господи. — Данте, не выпуская Тесс из рук, слегка отстранился и с сочувствием посмотрел ей в глаза. — Ты не должна винить себя за это. Ты же не знала, Тесс.

— Раз я совершила ошибку, я должна была ее исправить, — сказала она.

Данте нахмурился, и Тесс сухо рассмеялась:

— Я должна была забрать у него то, что дала ему.

— Забрать?

Она кивнула:

— В ту же ночь я оставила дверь своей комнаты открытой. Я ждала его, знала, что он придет, я сама попросила его об этом. И он, как только мать уснула, прокрался ко мне в комнату. Я пригласила его лечь со мной. Господи, это было самой трудной частью моего плана — притвориться, что меня не тошнит от одного его вида. Он растянулся на постели рядом со мной, и я попросила его закрыть глаза, сказала, что хочу отблагодарить его за поцелуй в мой день рождения. Я велела ему не подглядывать, а он так воцарился на мне, что охотно согласился.

Я уселась на него сверху и положила ладони ему на грудь. Вся моя ненависть сконцентрировалась на кончиках пальцев и, словно электрический разряд, пронзила его. Он открыл глаза, в них застыли ужас и растерянность, он понял, что я собираюсь с ним сделать. Но было уже слишком поздно. Его тело содрогнулось, и сердце мгновенно остановилось. Я продолжала держать ладони у него на груди и ощущала, как жизненные силы покидают его. Я ждала еще минут двадцать, хотела убедиться, что все кончено.

Тесс не осознавала, что слезы текут по ее щекам, пока Данте не вытер их рукой. Она покачала головой, горло сдавило, и ей было трудно говорить.

— В ту же ночь я уехала из дома. Перебралась к друзьям в Новую Англию, жила у них, пока не окончила школу и не смогла начать самостоятельную жизнь.

— А твоя мать?

Тесс пожала плечами:

— Мы с ней больше не общались. Она не пыталась разыскать меня, и честно говоря, я была этому рада. А несколько лет назад она умерла, как я понимаю, от цирроза печени. Все это время я хотела забыть ту ночь и то, что я сделала.

Данте снова прижал ее к себе, и Тесс не сопротивлялась, растворяясь в тепле, исходившем от его тела, освобождаясь от кошмара прошлого. Рассказать было непросто, но сейчас она чувствовала невероятное облегчение.

Господи, она так устала нести этот груз, прятаться и винить себя.

— Я пообещала себе никогда больше не пользоваться своими способностями. Это мое проклятие. Теперь ты меня понимаешь?

Тесс не сдерживала слез. В объятиях Данте она чувствовала себя защищенной. Его тихие слова успокаивали ее.

— Ты не сделала ничего плохого, Тесс. Такие ублюдки не должны жить на свете. Твоими руками вершилось правосудие, и ты не должна винить себя за это.

— Ты не считаешь меня чудовищем? Не думаешь, что я ничем не лучше его, если смогла так хладнокровно убить?

— Нет. — Данте взял ее за подбородок и посмотрел в лицо. — Тесс, я считаю тебя смелой. Ангелом мести.

— Я ненормальная.

— Нет, Тесс, неправда. — Данте наклонился и нежно поцеловал ее. — Ты восхитительная.

— Я трусливая. Ты верно заметил, я всегда убегаю. Это правда. Я так боялась и так долго убегала. Даже не знаю, смогу ли я когда-нибудь остановиться.

— Беги ко мне, — сказал Данте, не сводя с нее напряженного взгляда. — Я знаю о страхе все. Он и меня мучит. Помнишь тот приступ, что случился со мной у тебя в клинике? Он не имеет никакого отношения к болезни.

— А что же тогда это было?

— Смерть, — холодно ответил Данте. — Сколько я себя помню, меня всегда преследовало это видение — последние минуты моей жизни. Я вижу и ощущаю, как умираю, как будто это происходит на самом деле. Я переживаю свою смерть, я знаю, как это произойдет. Это моя судьба.

— Судьба? Откуда ты можешь это знать?

Данте криво усмехнулся:

— Моя мать предвидела смерть моего отца и свою задолго до того, как это случилось. Ее предсказания сбылись. Она знала, но ничего не могла изменить. Всю жизнь я пытаюсь убежать от собственной смерти, и так будет до самого конца. Я отказываюсь от всего, что могло бы замедлить мой бег, заставить меня по-настоящему захотеть жить. Я никогда не разрешал себе испытывать чувства к кому бы то ни было.

— Да, испытывать чувства опасно, — произнесла Тесс. Она не вполне представляла, какую боль носил в себе Данте, но ощущала, что у них много общего. Оба одиноки, оба привыкли плыть по течению. — Я не хочу привязываться к тебе, Данте.

— Господи, Тесс, я тоже не хочу привязываться к тебе.

Не отводя взгляда, он наклонился и поцеловал ее, нежно и почтительно, словно благодарил за что-то. Данте разрушил стену, за которой она пряталась много лет, и вот теперь Тесс стояла перед ним совершенно незащищенная. Она ответила на поцелуй, мечтая о продолжении. Одиночество заморозило Тесс, и теперь ей требовалось все тепло, которое Данте мог дать.

— Отнеси меня в постель, — прошептала она, касаясь губами его губ. — Пожалуйста, Данте...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чейз возвращался домой через черный ход, не хотел, чтобы его видели таким разъяренным и забрызганным кровью. Элиза была наверху. Он слышал ее тихий голос, она о чем-то беседовала с Подругами по Крови в гостиной на втором этаже.

Чейз уловил ее аромат. Острое желание, смешанное с клокотавшим в нем гневом, действовало как сильнейший наркотик, все ощущения обострились.

Злобно зарывчав, Чейз направился к своим апартаментам. Ногой захлопнул за собой дверь, резко дернул молнию на куртке, испачканной человеческой кровью, стянул ее с себя и швырнул на пол. За курткой последовала рубашка.

Глупо было набрасываться на наркодилера, но ему требовалось выместить на ком-то свою злобу. Чейз посмотрел на свои разбитые в кровь руки. Он вел себя как дикий зверь. Неужели это был он? Чейз всегда гордился своими твердыми принципами, никогда не позволял эмоциям взять верх над логиком. Как оказалось, он ошибался на свой счет, достаточно было одного только импульса, чтобы послать все эти принципы к черту.

Он не убил Салливана, хотя набросился на него именно с этой целью. Чейз клыками впился ему в горло, нисколько не заботясь о том, что выдает свою вампирскую сущность. Однако в конце концов ему удалось совладать с дикой яростью, и он отпустил человека. Возможно, ради безопасности Рода следовало стереть его воспоминания, но Чейз хотел, чтобы Салливан знал, что его ждет, если он нарушит их договор.

Чейз понимал, что своим поступком обманул доверие Данте и Ордена, но в сложившейся ситуации он не видел иного решения. Ему нужно было, чтобы Салливан оставался в городе, а не отсиживался в бункере. Наркодилер должен будет помочь ему найти Кэмдена. Испытав на себе гнев вампира, этот подонок собственной кровью поклялся, что сделает это.

Чейз осознавал, что теперь ему придется вести поиски в одиночку. Орден не только не станет больше оказывать ему поддержку, но и выставит счет. Что ж, он готов ответить за все. Он зашел слишком далеко, чтобы беспокоиться о последствиях. Чейз уже поплатился своей карьерой, которую с таким трудом выстраивал, — из Агентства его уволили. Сегодня ночью он поступился честью. Но он готов отдать все, лишь бы выполнить свою миссию.

Включив свет в ванной, Чейз посмотрел на свое отражение в зеркале. Лицо потное, в крови, глаза горят желтым пламенем, зрачки сузились в щелки от злобы и голода. Дермаглифы на его обнаженной груди и плечах меняли цвет от бледно-алого до золотистого — Чейзу нужна была кровь. Той небольшой порции, что он взял из горла Салливана, оказалось недостаточно. Горьковатый привкус все еще ощущался во рту, требовалось перебить его чем-то более приятным. Более тонким вкусом вереска и розы.

Чейз чувствовал, как этот аромат приближался к его апартаментам, а он стоял перед зеркалом и смотрел на отраженное в нем чудовище.

В дверь неуверенно постучали, и Чейз вздрогнул, как от выстрела.

— Стерлинг? Ты вернулся?

Он не ответил. Не мог. Язык прилип к нёбу, челюсти плотно сжаты, на губах презрительная усмешка. Ему пришлось собрать все силы, чтобы мысленным приказом не открыть Элизе дверь.

Если он, находясь в таком взвинченном состоянии, позволит ей войти, то вряд ли сумеет удержаться и не сжать ее в объятиях, не вонзить ноющие от вожделения клыки ей в горло. Не войти в нее. Всего несколько секунд, и его падение будет окончательным. В одну ночь он может оказаться на дне пропасти.

Чейз перевел взгляд на лампочку и усилием воли погасил свет. В темноте было легче хранить молчание, которое, казалось, тянулось целую вечность. Глаза продолжали гореть янтарным пламенем, клыки болезненно давили на десны.

— Стерлинг, ты дома? — снова донесся голос Элизы.

Слух Чейза был так напряжен, что даже сквозь дверь и расстояние он уловил, как Элиза вздохнула. Чейз настолько хорошо знал ее, что явственно видел, как, прислушиваясь, она сдвинула брови и наконец решила, что он еще не вернулся.

Чейз стоял молча и ждал, пока стихнут ее удаляющиеся шаги. Элиза ушла, исчез ее аромат, и только тогда Чейз позволил себе выдохнуть — жалобный вой с такой силой вырвался из его горла, что зеркало перед ним покачнулось.

Выплескивая всю свою муку и горечь, Чейз выл до тех пор, пока зеркало не сорвалось со стены, разбившись на тысячи осколков.

Данте провел рукой по гладкому плечу спящей Тесс. Он лежал рядом с ней и просто слушал ее дыхание. В спальне было темно и тихо — заворачивающий покой как после сильного шторма.

Ощущение комфорта и удовлетворенности было ему совершенно незнакомо.

Незнакомо, но... приятно.

Прикосновение к Тесс пробудило в Данте желание, но он не хотел тревожить ее сон. Он принес ее в постель, и они занимались любовью медленно и нежно, он позволил Тесс проявить инициативу и получить от него все, что она хотела. И сейчас, несмотря на возбуждение, он желал просто быть с ней рядом, пока не забрезжит рассвет.

Для него, не привыкшего отказывать себе в удовольствиях, это было откровением.

Но и вся ночь явилась одним большим откровением.

Практически каждая Подруга по Крови обладала какими-нибудь сверхъестественными способностями, которые передавались ее потомству. Генетической аномалией было уже одно то, что эти женщины могли принять семя вампира и выносить гибридного ребенка. Кровь вампира, поступавшая в их кровеносную систему, позволяла остановить процесс старения.

Мать Данте обладала даром предвидеть несчастья. У Подруги Гидеона, Саванны, была способность к психометрии, она умела считывать историю любого предмета, более того — историю его владельца. Габриэлле, подруге Лукана, недавно появившейся в бункере Ордена, интуиция помогала безошибочно находить места обитания вампиров, ее разум оказался невосприимчивым к гипнотическому воздействию представителей Рода, даже самые могущественные из них не могли навязать ей свою волю.

Тесс умела лечить руками. И как выяснилось, не только людей, но и вампиров — у Данте от раны на ноге не осталось и следа. Для Рода ее способность была бесценной. Тесс могла принести столько пользы...

Данте не стал развивать эту мысль. Несмотря на то, что случилось сегодня, он по-прежнему себе не принадлежал и был обязан служить Роду. Данте хотел помочь Тесс избавиться от тягостного прошлого, но просить ее отречься от собственной жизни, которую она с таким трудом выстраивала, казалось ему бесчестным. Даже более бесчестным, нежели взять ее кровь, как он сделал в ту первую ночь, связав их неразрывными узами.

Данте лежал рядом с Тесс, гладил ее теплое тело, вдыхал сладкий аромат корицы и вопреки всему хотел только одного — увести ее с собой в бункер, где она будет в безопасности.

Подальше от типов, подобных ее отчиму, который отравил ей жизнь. Тесс считала, что, убив его, превратилась в такое же чудовище, каким был он, но у Данте ее поступок вызывал лишь уважение. Она уничтожила подонка, спасла себя и, возможно, еще многих детей и подростков.

В глазах Данте семнадцатилетняя девушка поступила как настоящий воин, и ему, с его древними представлениями о чести и справедливости, хотелось закричать так, чтобы весь город проснулся и узнал: это его женщина!

«Она моя», — самодовольно подумал Данте.

Слегка наклонившись, он поцеловал ее в плечо, и в этот самый момент на кухне зазвонил телефон. Данте мысленным приказом заглушил звонок, чтобы тот не разбудил Тесс. Она зашевелилась и в полусне пробормотала его имя.

— Я здесь, — тихо произнес Данте. — Спи, ангел, я здесь.

Тесс прижалась к нему и снова погрузилась в сон. Данте прикинул, сколько у него осталось времени до рассвета. «Не много», — подумал он, удивляясь, что не испытывает никакого сожаления, что случайно связал себя кровью с этой женщиной.

Отношения с ней приобрели особый характер, они затронули его сердце.

— Черт! Тесс! Сними трубку!

Голос Бена дрожал и срывался, его все еще трясло от пережитого страха.

— Черт! Ну давай же, ответь.

Бен стоял в обшарпанной телефонной будке в одном из самых захудалых районов города, и окропленной рукой сжимал треснутую трубку. Другой рукой он прикрывал рану на шее. Лицо распухло от побоев, на голове вздулась шишка размером с яйцо.

Бен не мог поверить, что остался жив. Учитывая обрушившуюся на него ярость, казалось, ему несдобровать. Бен очень удивился, когда парень — да человек ли он вообще? — открыл дверцу машины и велел ему убираться. Этот психопат сунул ему в руки фотографию юноши, которого разыскивал, и сказал, что, если этот, как его... Кэмерон... Кэмден погибнет, виноват будет только он — Бен.

И теперь Бен обязан помочь ему вернуть этого Кэмдена домой целым и невредимым. Отныне его жизнь зависела от юноши на фотографии. Бену хотелось сбежать подальше из Бостона и навсегда забыть само слово «малина», но он знал, что напавший на него парень непременно найдет его. Он так и сказал — разыщет, куда бы он ни скрылся, и Бен не хотел во второй раз испытать на собственной шкуре его ярость.

— Вот черт! — выругался он, когда в квартире Тесс включился автоответчик.

Он вляпался в историю — за одну ночь по уши увяз в дерьме — и чувствовал себя обязанным предупредить Тесс о том черноволом парне, с которым видел ее на днях. Если его напарник настоящий психопат, то сам он наверняка ничуть не лучше.

«Господи, Тесс».

Выслушав приветствие и дождавшись сигнала, Бен поспешно рассказал обо всем, что с ним случилось: о том, как у дома его поджидали двое парней, как один из них зверски избил его, и о том, что второго он накануне видел с Тесс. Бен говорил, что опасается за ее жизнь.

Он выпалил все это на одном дыхании, срываясь а истерический крик. Когда Бен закончил и повесил трубку, он едва мог дышать. Прислонившись к разрисованной граффити телефонной будке, он сполз вниз и закрыл глаза, пытаясь хоть немного успокоиться.

Эмоции захлестнули его: отчаяние, страх, чувство вины, беспомощность, паника. Он хотел бы вернуться на несколько месяцев назад и стереть все, что случилось, все, что он натворил. Если бы только он мог все исправить. Возможно, тогда Тесс осталась бы с ним? Этого Бен не знал. Да и какая, к черту, разница, если он все равно не мог повернуть время вспять.

Сейчас ему следовало беспокоиться лишь о том, как бы выжить.

Бен глубоко вздохнул и заставил себя подняться. Он вышел из будки и, с трудом переставляя ноги, поплелся по темному переулку. Какой-то бродяга отпрянул, испугавшись его вида, когда он переходил дорогу, направляясь к главной улице. Бен вытащил из кармана фотографию юноши, которого ему приказано было найти.

Разглядывая снимок, забрызганный кровью, он не услышал приближающейся машины. Взвизгнули тормоза, и она застыла прямо перед ним. Одновременно открылись дверцы, и трое громил вылезли из автомобиля.

— Куда направляетесь, мистер Салливан?

Бен дернулся, намереваясь сбежать, но не успел сделать и двух шагов, как его схватили и потащили к машине. Он видел, как выпавшая из рук фотография упала на асфальт, ее тут же придавил огромный ботинок.

— Наконец-то мы тебя нашли. — Голос громилы звучал как-то странно, — Когда ты не явился на встречу, Хозяина это очень расстроило. Он будет рад услышать, что ты едешь к нему.

Бен попытался вырваться, но безрезультатно. Его запихнули в багажник и закрыли, оставив в полной темноте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Краски раннего ноябрьского утра казались Тесс необычайно яркими, морозный воздух приятно бодрил, пока она выгуливала Гарварда. Тесс с легкостью взбежала по ступенькам лестницы. Тайна, которую она так долго хранила в себе, больше не тяготила ее.

И все благодаря Данте. «Нужно будет сказать ему огромное спасибо», — подумала Тесс, ее сердце радостно колотилось в груди, тело приятно болело после ночи любви.

Тесс была страшно разочарована, проснувшись и не обнаружив Данте рядом. Но оставленная на тумбочке записка успокоила ее. Открыв дверь квартиры и сняв с Гарварда поводок, Тесс достала из кармана спортивных брюк сложенный листок бумаги.

Отправившись на кухню выпить кофе, она в десятый раз перечитала записку, при этом улыбка не сходила с ее лица.

«Не хотел тебя будить, но мне надо было идти. Поужинаем сегодня вместе? Хочу показать тебе, где я живу. Я тебе позвоню. Спи, ангел. Твой Д.»

Он подписался «твой».

Мой.

У Тесс проснулись собственнические инстинкты, о она тут же принялась убеждать себя, что это слово ничего не значит, глупо искать скрытый смысл в простой подписи, воображать, что их с Данте действительно связывают некие узы. Однако здравый смысл оказался бессилён.

Положив записку на стол, Тесс посмотрела на крутившегося у ее ног Гарварда. Терьер вилял хвостом и выпрашивал завтрак.

— Гарвард, а ты что по этому поводу думаешь? Я попалась? Думаешь, я влюбилась?

«Господи, неужели, я действительно влюбилась?»

Неделю назад она даже не подозревала о его существовании. Разве чувство могло так быстро вспыхнуть и так сильно захватить ее? Оказывается, могло. Она влюбилась в Данте. Как иначе объяснить, что сердце начинает трепетать в груди при одной только мысли о нем?

Гарвард громко тьякнул, отвлекая ее от сладких грез.

— Ты прав, — сказала Тесс, глядя на его лохматую мордашку. — Твой завтрак и мой кофе. Уже иду.

Она насыпала в кофеварку кофе, налила воду и нажала кнопку, затем принесла собачью миску и достала из шкафа сухой корм. Проходя мимо телефона, Тесс заметила, что индикатор мигает.

— Вот твоя еда, малыш. — Она насыпала корм в миску и поставила ее на пол. — *Bon appétit*¹⁰.

Тесс была абсолютно уверена, что это Данте звонил, пока она гуляла с Гарвардом. Тесс нажала на кнопку воспроизведения и не могла дождаться, когда автоответчик закончит докладывать, что у нее одно сообщение.

«Тесс! Господи, ну почему ты не снимаешь эту чертову трубку?!»

«Бен», — сразу узнала Тесс. Разочарование мгновенно сменилось беспокойством — голос у Бена был какой-то странный. Она никогда не слышала, чтобы он говорил так взволнованно и так сбивчиво. Он тяжело дышал, выкрикивал отдельные слова. Бен был не просто напуган, он был охвачен паникой. Тесс сама похолодела от ужаса, когда дослушала его до конца.

«...должен тебя предупредить. Парень, с которым ты встречаешься, не тот, за кого себя выдает. Сегодня вечером они ворвались ко мне в квартиру — он с дружкой. Думал, они меня убьют, Тесс! Но сейчас я боюсь за тебя. Держись от него подальше. Он полное дерьмо... я знаю, это прозвучит странно, но тот парень, что был с ним... мне кажется, о господи, я должен это сказать... мне кажется, он не человек. Может, они оба не люди вовсе. Тот, другой... он увез меня на машине... надо было номер запомнить, но все произошло так быстро... Черт, он привез меня к реке и там напал на меня. Тесс, у него такие большие зубы. Настоящие клыки. И глаза горели огнем! Он не человек, Тесс! Они оба...»

Тесс попятилась от телефона. Слова Бена напугали ее.

«Этот подонок укусил меня. Ударил головой о стекло, а потом отделал кулаками так, что я чуть сознание не потерял... он прокусил мне шею! Господи, у меня до сих пор кровь идет. Мне нужно в больницу...»

Тесс отступила в гостиную, будто расстояние могло уменьшить тот ужас, который наводили на нее голос Бена и то, что он говорил. Она не знала, что думать.

Как Данте — пусть даже косвенно — мог быть связан с нападением на Бена? Действительно, вчера вечером он приехал к ней вооруженный до зубов, с раной на бедре и сказал, что преследовал наркодилера. Это мог быть Бен. Тесс пришлось признать это. По-видимому, он взялся за старое.

Но Бен рассказывал нечто невероятное — о людях, которые превращаются в монстров с огромными клыками. Просто фильм ужасов какой-то. В голове не укладывается. В жизни такого не может быть.

Или может?

Тесс осознала, что стоит перед своей вчерашней незавершенной работой — она лепила голову Данте и, кажется, испортила очертания губ.

Тесс ощутила покалывание в пальцах и потянулась к тряпке, закрывавшей работу. Смятение и непонятный страх овладели ею. Тесс сдернула ткань, и у нее перехватило дыхание, когда она увидела, что вылепили ее руки. Лицо Данте приобрело какое-то зловещее выражение: презрительная усмешка превратилась в звериный оскал.

¹⁰ Приятного аппетита (*фр.*).

Непонятно почему Тесс надела его клыками.

«Я боюсь. По-настоящему боюсь, Тесс, за нас обоих,— кричал автоответчик голосом Бена.
— Тесс, держись от этих парней подальше».

Взяв по клинку в каждую руку, Данте вращал *malebranche* на невероятной скорости, металл угрожающе поблескивал в флуоресцентном свете тренировочного зала. С диким ревом воин метал оружие в мишень, лезвия вонзались в манекен на несколько дюймов. Данте выдергивал их и швырял снова, ему нужна была имитация жаркого боя. Ему казалось, посиди он с минуту без движения — и точно кого-нибудь убьет.

Первым в этом списке значился Стерлинг Чейз, агент из Темной Гавани. За ним следовал Бен Салливан. Черт, избавиться бы от них одним махом.

Гнев кипел в Данте с момента его возвращения в бункер, когда он узнал, что Чейз не только не привез наркодилера, но даже не появился сам. Лукан и остальные воины верили, что ему что-то помешало, но Данте нутром чувствовал, что агент по каким-то личным причинам не доставил Салливана в бункер.

Ни мобильный Чейза, ни телефон его квартиры в Темной Гавани не отвечали, на электронные письма он тоже не реагировал. Дальнейшие выяснения, к сожалению, пришлось отложить до захода солнца.

«Еще целых десять часов!» — подумал Данте, в который раз метнув клинок в мишень.

Ожидание отягощалось тем, что он не мог связаться с Тесс. Утром Данте позвонил ей домой, но она, вероятно, уже успела уйти на работу. Он надеялся, что с ней все в порядке. Если допустить, что Чейз не убил Салливана, то он разгуливает по городу и может запросто встретиться с Тесс. Данте не верил, что бывший бойфренд способен сделать Тесс что-нибудь плохое, но лучше не рисковать.

Нужно привезти ее сюда и рассказать, что происходит, кто он такой на самом деле и в какую войну ее вовлек.

Данте собирался сделать это сегодня вечером. Он подготовил почву — оставил ей записку, но сейчас испытывал какое-то странное растущее беспокойство. Он рвался к Тесс, чтобы расставить все точки над «i» немедленно, но был вынужден дожидаться вечера.

Данте взревел и снова метнул клинок в мишень. Он услышал, как за спиной раздвинулись стеклянные двери, но, доведенный до бешенства ожиданием, нисколько не заботился о зрителях. Его клинки продолжали летать с умопомрачительной скоростью, раздирая ни в чем не повинный манекен. Данте тяжело дышал, пот выступил на лбу и обнаженной груди. Наконец он остановился, поражаясь силе собственной ярости. Манекен был в весьма плачевном состоянии, на полу валялись жалкие ошметки.

— Отличная работа, — заметил Лукан. — Манекен тебе чем-то досадил? Или ты разогреваешься перед ночным патрулированием?

Данте выругался и крутанул *malebranche*, прежде чем отправить их в ножны на поясе. Он повернулся к главе Ордена, который стоял, прислонившись плечом к шкафу с оружием, и суровым взглядом внимательно изучал Данте.

— У нас есть новости, — сообщил Лукан, и по его тону было совершенно ясно, что новости не из приятных. — Гидеон только что взломал базу данных правоохранительного Агентства Темной Гавани Оказывается, Стерлинг Чейз у них больше не числится, уволен месяц назад после двадцати пяти лет безупречной службы.

— Уволен?

Лукан кивнул:

— За нарушение субординации и несоблюдение должностных инструкций.

Данте, вытираясь полотенцем, презрительно усмехнулся.

— Стерлинг оказался фальшивым? Черт, я с первой минуты чувствовал, что с этим парнем что-то не так. Все это время он водил нас за нос. Но зачем? Что ему было нужно?

Лукан пожал плечами:

— Возможно, хотел, чтобы мы вывели его на наркодилера. И вчера он не привез его в бункер. Где гарантии, что Чейз не убил его? Попахивает личной мстью.

— Возможно, я обязательно это выясню. — Данте кашлянул, неожиданно почувствовав неловкость в присутствии П1, который давно был его братом по оружию, более того — другом. — Знаешь, Лукан, я и сам кое-чего недоговаривал. Помнишь ту ночь, когда я попал в переделку на берегу и едва не погиб? Спасаясь, я через черный ход забрался в ветеринарную клинику, там оказалась женщина, она работала допоздна. Мне срочно требовалась кровь, иначе конец. Кроме этой женщины никого поблизости не было.

Лукан нахмурился:

— Ты ее убил?

— Нет, что ты. Я, конечно, был на пределе, но не до такой степени. Хотя... когда я понял, что сделал, было уже слишком поздно. Я увидел на ее руке знак...

— Господи, Данте! — Лукан пронзил его взглядом. — Это была Подруга по Крови?

— Да. Ее зовут Тесс.

— Она знает? Что ты ей сказал?

Данте покачал головой:

— Она пока ничего не знает. В ту ночь я стер ее воспоминания, но все это время я... э-э... встречался с ней. Лукан, я должен все ей рассказать. Она заслуживает того, чтобы знать правду. Даже если после этого она возненавидит меня.

Лукан прищурился:

— Ты испытываешь к ней чувства?

— Господи, да. — Собственный ответ ошеломил Данте. — Поверить не могу, что это случилось со мной. Честно говоря, я не знаю, что со всем этим делать. Я не готов связать себя кровными узами и создать пару. Я не подхожу для этой роли.

— Ты думаешь, я подхожу? — криво усмехнулся Лукан.

Всего несколько месяцев назад Лукан так же мучился, влюбившись в женщину с отметиной Подруги по Крови. Данте не знал, как Лукан сумел завоевать Габриэллу, но немного завидовал их счастью, которое должно было продлиться много веков. А Данте впереди ждала только смерть, неотступно преследовавшая его уже две сотни лет.

Мысль о том, что в роковой момент Тесс может оказаться рядом, сводила его с ума.

— Я не знаю, что из этого выйдет, но мне нужно все ей рассказать. Я хочу сегодня ночью привезти ее сюда, надеюсь, это поможет ей понять все правильно. — Данте провел рукой по взмокшим волосам. — Черт, может быть, это смешно, но я должен быть уверен, что, если я захочу завести... — он чуть не сказал «семью», — в общем, что Орден меня поддержит.

Лукан улыбнулся и кивнул:

— Будь уверен, — он похлопал Данте по плечу, — и знай, что я очень хочу увидеть женщину, которая заставила смущаться и робеть самого бесстрашного воина из всех, кого я встречал.

Данте рассмеялся:

— Она замечательная, Лукан. Черт возьми, она просто великолепна.

— Вечером вместе с Тиганом доставите Чейза сюда. Целым и невредимым. Ты меня понял? А потом поезжай к своей подруге улаживать дела.

— Чейз не проблема. А вот со вторым заданием... Что-нибудь посоветуешь, Лукан?

— Конечно. — На мрачном лице Лукана появилась сдержанная улыбка. — Надень наколенники, вдруг придется долго стоять на коленях.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Тесс целый день принимала пациентов, радуясь напряженной работе, которая помогала отвлечься от напугавшего ее сообщения Бена. Однако совсем забыть об этом ей не удавалось. Бен попал в какую-то неприятную историю, он ранен, и, похоже, серьезно.

И он куда-то исчез.

Тесс несколько раз звонила ему домой и на мобильный, наводила справки в больницах... Бен как сквозь землю провалился. Если бы она знала адрес его родителей, то непременно связалась бы и с ними, хотя шансы найти Бена там были невелики. Оставалось одно — после работы зайти к нему и попытаться выяснить что-нибудь на месте. Надежды мало, но других вариантов нет.

— Нора, у пациента из второй клетки нужно взять комбинированный анализ крови и мочи, — сказала Тесс, выходя из смотровой. — Не могла бы ты это сделать, пока я посмотрю рентгеновские снимки колли, у которой воспаление суставов.

— Сделаю.

— Спасибо.

Тесс взяла снимки, и в это время мобильный в кармане медицинской куртки завибрировал. Она поспешно достала его, решив, что звонит Бен. Номер не определился.

«О господи!»

Тесс мгновенно догадалась, кто это. Все утро она с нетерпением ждала звонка Данте и в то же время боялась его. Пока она собиралась на работу, он звонил ей домой. Тесс не ответила. Тогда она была еще не готова с ним говорить, равно как и сейчас.

Тесс прошла в кабинет, закрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной, ощущая прохладу металла. Телефон вибрировал в руке, Тесс закрыла глаза и нажала на кнопку ответа:

— Да.

— Привет, ангел.

От низкого, чувственного голоса Данте по телу побежала горячая волна. Тесс не хотела поддаваться ее Расслабляющему действию.

— Все в порядке? — спросил Данте, не дождавшись от нее никакого ответа. В его голосе слышались нотки тревоги. — Ты со мной или связь оборвалась?

Тесс вздохнула, не зная, что ему ответить на это.

— Тесс? Что случилось?

Но Тесс могла только дышать в трубку. Она совершенно не представляла, с чего начать разговор и куда он может привести. Странное сообщение Бена породило в ее голове массу вопросов.

Конечно, она не верила, что по улицам Бостона разгуливают клыкастые монстры. Но вместе с тем не могла отрицать и того, что в мире существуют явления, не поддающиеся рациональному объяснению.

— Тесс, — нарушил затянувшееся молчание Данте, — ты же знаешь, что мне можно сказать все.

— Правда? — Наконец Тесс смогла произнести хоть что-то. — Данте, я сейчас ничего не знаю наверняка. В моей голове полный сумбур.

Данте что-то прорычал по-итальянски.

— Что случилось? Тебя кто-то обидел? Господи, если он посмел что-то тебе сделать...

Тесс усмехнулась:

— По крайней мере одно мое сомнение ты уже развеял. Ты ведь говоришь про Бена? Это он тот наркотореклер, за которым ты вчера охотился?

Данте на секунду заколебался:

— Ты сегодня видела его, Тесс?

— Нет, Данте, я его не видела.

— Но ты говорила с ним. Когда?

— Он оставил сообщение ночью, очевидно, когда мы... — Тесс тряхнула головой, не желая вспоминать, как безмятежно и сладко было в объятиях Данте. Сейчас ее била нервная дрожь. — Ты спал со мной только для того, чтобы я вывела тебя на Бена?

— Господи, нет, конечно. Все значительно сложнее...

— Насколько? Ты все это время играл со мной? Или игра началась еще в тот вечер, когда ты пришел в клинику со своей собакой и мы... Господи, я поняла — Гарвард не твоя собака. Ты подобрал на улице первого попавшегося пса и использовал его как наживку, на которую я должна была клюнуть?

— Тесс, пожалуйста... Я хотел все тебе объяснить...

— Ну давай объясняй. Я тебя внимательно слушаю.

— Не сейчас, — проворчал Данте. — Я не хочу делать это по телефону.

Тесс чувствовала его растущее напряжение. Она отчетливо представляла себе, как он нетерпеливо расхаживает, сдвинув брови и время от времени проводя рукой по волосам.

— Послушай, тебе нужно держаться подальше от Бена. Он ввязался в очень опасное дело. Я не хочу, чтобы ты к нему приближалась. Ты меня поняла?

— Просто смешно. То же самое Бен сказал мне о тебе. Он еще много чего сказал. Например, что твой друг напал на него.

— Что?

— Данте, он сказал, что его укусили. Ты можешь мне это как-то объяснить? Он сказал, что парень, с которым ты ворвался в его квартиру, вез его в машине, а потом напал на него и прокусил ему горло.

— Сукин сын.

— Неужели это правда? — ужаснулась Тесс. Данте даже не стал убеждать ее в том, что такого не может быть. — Ты знаешь, где сейчас Бен? Он куда-то исчез. Вы что-то с ним сделали? Я должна его увидеть.

— Нет! Тесс, я не знаю, где он. Пообещай мне, что будешь держаться от него подальше.

Тесс чувствовала себя растерянной, испуганной и беспомощной.

— Данте, что происходит? Чем ты занимаешься?

— Тесс, послушай, я хочу, чтобы ты поехала туда, где безопасно. Прямо сейчас. В гостиницу, в какое-нибудь общественное место, куда угодно, где много людей. Отправляйся туда и жди меня, вечером я тебя заберу.

Тесс натянуто рассмеялась:

— Данте, я работаю. Но в любом случае я бы никуда не поехала, чтобы там дожидаться тебя. Сначала я хочу узнать, что происходит.

— Тесс, я расскажу тебе, обещаю. Я и так собирался это сделать.

— Отлично. У меня сегодня много пациентов, но через пару часов я смогу выкроить время на обед. Если хочешь все мне рассказать, приезжай в клинику.

— Черт возьми, Тесс, я не могу приехать к тебе сейчас. Я просто... не могу. Только вечером. Верь мне.

— Верить тебе, — прошептала Тесс, закрывая глаза и запрокидывая голову. — Почему-то сейчас у меня это не получается, Данте. Мне нужно идти. До свидания.

Тесс закрыла телефон и отключила звонок. Она больше не хотела разговаривать. Ни с кем.

Подойдя к столу, чтобы положить телефон, Тесс зацепилась взглядом за предмет, который не давал ей покоя с самого утра. Это была флэшка. Тесс обнаружила ее прикрепленной под столом в смотровой, в той самой, из которой вчера вышел Бен, так напугав ее. Он объяснил свой ранний визит желанием починить стол.

Тесс ему не поверила, в последние дни он многое скрывал от нее. Теперь она знала, зачем он приходил. Но это не объясняло всего остального.

Данте в дикой ярости посмотрел на замолчавший телефон и швырнул его об стену. Ударившись, телефон разлетелся на кусочки. Данте испытал секундное облегчение, но это не могло унять его злость — злость на самого себя.

Данте снова принялся ходить по комнате, как делал, пока разговаривал с Тесс. Ему требовалось движение, требовалось держать мышцы в тонусе, а разум в напряжении.

За несколько последних дней все так запуталось. Никогда раньше Данте не сожалел, что родился вампиром. Но сейчас его кровь бурлила от негодования, что он не может выйти на поверхность. Принадлежность к Роду лишала его возможности немедленно объясниться с Тесс. Только темнота могла выпустить его на свободу, в тот мир, где жила она.

Данте казалось, что ожидание сведет его с ума.

Почти так и случилось.

Когда за несколько минут до заката Данте вошел в тренировочный зал за Тиганом, все его тело горело, по спине бегали мурашки, кровь гудела в ушах. Он был возбужден и рвался в бой.

— Ты готов, Тиган?

П1, заряжая «беретту», поднял на него взгляд и холодно усмехнулся:

— На старте.

По лабиринту коридоров они направились к лифту, который должен был доставить их в гараж.

Как только двери лифта закрылись, Данте почувствовал едкий запах дыма. Он взглянул на Тигана, но, казалось, воин ничего не замечал, его зеленые глаза, не моргая, смотрели вперед.

Лифт начал бесшумно подниматься. Языки пламени плясали перед Данте, обдавая жаром, готовые в любую секунду поглотить его. Конечно же, он знал, что это за пламя. Целый день видение смерти преследовало его, но Данте удавалось отогнать кошмар прочь — сегодня как никогда ему нужно было полностью контролировать ситуацию.

Лифт почти поднялся на поверхность, когда видение обрушилось на Данте, словно удар, и он в изнеможении припал на колени.

— Черт, — донесся голос Тигана, подхватившего товарища под локоть. — Что с тобой?

Данте не мог выговорить ни слова. Все заволочло черным дымом, сквозь который прорывались языки пламени. В глухом рокоте и шипении огня Данте слышал чей-то голос, ему что-то говорили, тихо, похоже, с издевкой — слов он не мог различить. Такого прежде не было в его кошмаре, который, казалось, Данте изучил до малейших деталей.

Он потряс головой, разгоняя туман, стараясь сохранить ясность сознания. Перед глазами мелькнуло лицо Тигана. Вероятно, Данте выглядел так плохо, что даже П1, славившийся непревзойденным хладнокровием, отступил и с шипением отдернул руку. Сквозь боль Данте видел, как блеснули кончики клыков Тигана, рыжеватые брови сошлись на переносице.

— Дышать... не могу... — выдавил Данте. С каждым глотком воздуха в легкие проникал едкий дым, — Умираю...

Тиган впился в него острым взглядом. В его зеленых глазах не было сострадания, но они излучали силу, которая требовалась Данте, чтобы не упасть в бездну.

— Держись, — приказал Тиган. — Это видение. В реальности ничего этого нет. По крайней мере, сейчас. Сосредоточься, войди в самый центр видения, осознай все детали и возвращайся.

Данте знал, что Тиган прав, и позволил дыму вновь окутать себя. Он открылся боли и страху, сквозь них двигаясь к истине.

Тяжело дыша, чувствуя, как адское пламя обжигает кожу, Данте сосредоточился на событиях видения.

Огонь отступил, густые клубы дыма постепенно рассеивались, полупрозрачными змейками поднимаясь к потолку. Данте смог дышать, но страх, что это последние минуты его жизни, не исчез, по-прежнему тисками сжимая горло.

...В комнате кто-то был. Судя по запаху — мужчина. Данте лежал ничком на чем-то холодном и гладком, в то время как захвативший его в плен мужчина стягивал ему руки за спиной телефонным шнуром. Данте мог бы с легкостью разорвать путы, но сил почему-то не было. Закончив с руками, мужчина связал ему ноги и за талию примотал к холодной металлической поверхности.

Откуда-то донесся грохот. Данте слышал душераздирающие крики и чувствовал запах крови и смерти.

И вдруг над самым его ухом раздался издевательски-насмешливый голос:

— Знаешь, я думал, мне будет трудно тебя убить. Но благодаря тебе все упростилось.

Неизвестный самодовольно рассмеялся. Он зашел с той стороны, где с металлического стола свисала голова Данте. Показались ноги в джинсах, они согнулись в коленях, и стал виден

торс мужчины. Рука грубо схватила Данте за волосы и подняла голову вверх. Моментальный рывок, и видение начало рассеиваться, но этого короткого мгновения хватило, чтобы узнать убийцу.

— Бен Салливан, — произнес Данте, словно выплевывая набившийся в рот пепел.

Освободившись от видения, он заставил себя сесть, вытер выступивший на лбу пот. Тиган смотрел на него с суровым одобрением.

— Сукин сын, это наркодилер, Бен Салливан. Этот человек должен меня убить.

Тиган мрачно кивнул:

— Если мы не убьем его раньше.

Данте поднялся на ноги и, опираясь рукой о бетонную стену рядом с лифтом, перевел дыхание. В нем закипала ярость, он готов был растерзать этого Салливана, а вместе с ним и агента Чейза, которого преследуя личные цели, выпустил этого подонка на свободу.

— Пойдем, — глухо прорычал Данте.

Не дожидаясь ответа Тигана, он направился к машине, поигрывая *malebranche*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Бену казалось, что он целую вечность сидит в какой-то темной комнате без окон. Он ждал встречи с тем, кого называли Хозяином, — безмянным, безликим человеком, который щедро финансировал производство и сбыт «малины». Время тянулось медленно, возможно, прошло уже больше суток. За Бенем никто не приходил, но он знал, что обязательно придут. Подсознательно Бен понимал, что после встречи с Хозяином вряд ли останется в живых.

Бен поднялся с бетонного пола и подошел к закрытой металлической двери. Голова гудела, разбитый нос и прокушенную шею покрывала запекающаяся кровь, боль жгла огнем. Бен приложил ухо к двери, прислушиваясь к приближающемуся звуку тяжелых шагов, сопровождаемому позвякиванием цепей и оружия.

Бен отпрянул от двери и забился в темный угол своей камеры. В замочной скважине с лязгом повернулся ключ, дверь распахнулась, и вошли двое — те самые громилы, что притащили его сюда.

— Хозяин хочет тебя видеть, — проворчал один из них.

Громилы подхватили Бена под руки, хорошенько встряхнули и толкнули к двери так, что он вылетел прямо в коридор. Бен считал, что находится на каком-то складе, если судить по камере, в которой он отсидел столько часов. Но когда его поволокли вверх по лестнице, он понял, что оказался в богатом особняке девятнадцатого века. Полированное дерево элегантно поблескивало в тусклом свете большой хрустальной люстры, под грязными ботинками Бена лежал роскошный персидский ковер изысканного восточного рисунка и сложного сочетания темно-красного, фиолетового и золотого.

На мгновение тревоги Бена рассеялись, он поверил, что все обойдется. Да, он попал в передрагу, но тут нет никакой ледящей кровь пыточной камеры, чего он так боялся.

Впереди сквозь открытые двери виднелась еще более роскошная комната. Бена ввели в большую гостиную и в самом центре вынудили остановиться. Мебель, ковры, картины — все свидетельствовало о немалом богатстве. Многовековым богатстве, какое быстро не скопишь.

В окружении всей этой роскоши за резным столом красного дерева, словно мрачный король, сидел мужчина в дорогом черном костюме и темных очках.

У Бена мгновенно вспотели ладони. Безупречного кроя пиджак отлично сидел на крепком, широкоплечем незнакомце. Тугой ворот белой рубашки был расстегнут, но в этом виделось скорее нетерпение, нежели аристократическая небрежность. В гостиной тяжелой тучей висела угроза, все надежды Бена рас таяли.

Он нервно кашлянул, прочищая пересохшее горло.

— Я... э-э... я рад наконец познакомиться с вами... — произнес он, злясь на себя за предательскую дрожь в голосе. — Нам нужно поговорить... э-э... о «малине»...

— Да, нужно. — Низкий голос поразил Бена спокойствием, но даже сквозь темные линзы очков он чувствовал ярость устремленного на него взгляда. — Мистер Салливан, кажется, за последнее время вы досадили не только мне. Я вижу у вас на шее ужасную рану.

— На меня напали, какой-то сукин сын вцепился мне в горло.

Хозяин заворчал, выражая нежелание слушать подробности этой истории.

— Кто бы мог это сделать? — равнодушно спросил он.

— Вампир, — выпалил Бен, понимая, насколько абсурден его ответ. Но то, что случилось с ним на пустынном берегу реки, было лишь верхушкой смертельно опасного айсберга. — Именно об этом мне и надо с вами поговорить. Когда я уже сообщал вам по телефону, произошло нечто ужасное, с «малиной» что-то не так. Она оказывает на людей нехорошее Действие. Превращает их в каких-то кровожадных психов.

— Разумеется. Именно для этого она и предназначена.

— Что? — Бен задохнулся от изумления. — Что такое вы говорите? Это я создал формулу «малины». Я точно знаю ее свойства. Это всего лишь слабенький амфетамин...

— Для людей — да. — Темноволосый мужчина медленно поднялся и не спеша обошел широкий стол. — Но на других, как вы правильно заметили, она оказывает иное действие. — Произнося это, он смотрел в сторону открытой двери, у которой застыли двое огромных вооруженных телохранителей.

Бен невольно обернулся — всклокоченные волосы, горящие странным желтым огнем злобные глаза под тяжелыми бровями. В неровном свете свечей Бену показалось, что из-под верхней губы мелькнули белые кончики клыков. Нервная дрожь пробежала по его телу, он поспешно перевел взгляд на Хозяина.

— К сожалению, кое-что в нашем сотрудничестве мне не нравится, мистер Салливан. После того звонка несколько моих помощников приехали в вашу лабораторию и проверили все файлы у вас в компьютере. Представьте, насколько я был удивлен и разочарован, когда они доложили мне, что не нашли формулу «малины». Как вы это объясните?

Бен стоял под прицелом взгляда, направленного на него сквозь темные линзы очков.

— Я не храню формулу в лаборатории. Надежнее держать ее при себе.

— Вы должны отдать ее мне. — Хозяин произнес фразу с явным нажимом, хотя его излучавшее невероятную силу тело оставалось неподвижным. — Сейчас.

— У меня нет ее с собой. Это чистая правда.

— Где она?

У Бена язык прилип к нёбу. Формула была его единственным козырем. Кроме того, он не хотел выводить этих головорезов на Тесс. Конечно, он не собирался хранить формулу в ее клинике вечно, только пока не разберется со свалившейся на него проблемой. Но дело осложнилось, и исправлять ошибку было слишком поздно. И хотя сейчас Бен думал только о том, как бы остаться в живых, подставлять ради этого Тесс он не мог.

— Я могу ее привезти, — сказал Бен. — Но вы должны отпустить меня. Давайте договоримся как джентльмены. Наше сотрудничество на этом закончится, каждый пойдет своей дорогой. И забудем, что мы когда-то были знакомы.

Натянутая усмешка появилась на лице Хозяина.

— Не пытайся вести со мною переговоры. Ты стоишь значительно ниже меня... человек.

Бен тяжело сглотнул. Ему хотелось верить, что перед ним — сумасшедший, вообразивший себя вампиром. Чокнутый с толстым кошельком и слабым умом. Но Бен помнил того парня в клубе, обезумевшего от «малины». Все это было на самом деле. Да и горло ему прокусили по настоящему.

Бена охватила паника.

— Послушайте, я не знаю, кто вы и что здесь происходит. Честно говоря, и знать не желаю. Я просто хочу убраться отсюда по-хорошему.

— Отлично, тогда не стоит тянуть время. Я жду формулу.

— Я же вам сказал, у меня ее нет.

— Тогда, мистер Салливан, вам придется ее восстановить. — Хозяин сделал знак телохранителям. — Я распорядился привезти сюда вашу лабораторию, так что у вас будет все необходимое, включая подопытного, на котором вы сможете опробовать порошок. Мои помощники отведут вас.

— Подождите! — закричал Бен, когда его потащили прочь из гостиной. — Вы не понимаете, формула... она сложная. Я ее всю не помню. Чтобы воссоздать ее, потребуется несколько дней...

— В вашем распоряжении два часа, мистер Салливан.

Сильные руки сжали Бена, как клещами, и поволокли по лестнице вниз, в какую-то черную бездну

Перед выходом Чейз в последний раз проверил оружие. Один пистолет был заряжен обычными патронами, второй, с титановыми пулями, ему дали воины, он предназначался для поражения Отверженных. Чейз надеялся, что до этого дело не дойдет, но если придется спасать племянника из лап зараженных Кровожадностью вампиров, он не моргнув глазом пустит пистолет в ход.

Чейз снял с вешалки у дверей черный бушлат, вышел в коридор и чуть не столкнулся с Элизой.

— Стерлинг, привет. Ты меня избегаешь? Мне очень нужно с тобой поговорить. — Взгляд ее лавандовых глаз скользнул по нему, она нахмурилась, заметив, как серьезно он вооружен — кинжалы в ножнах, пистолеты. Чейз почувствовал ее тревогу: к присущему только ей аромату примешивался запах страха. — Столько оружия. Неужели снаружи так опасно?

— Не беспокойся, — ответил Чейз. — Просто молись, чтобы Кэмден поскорее вернулся домой. А я позабочусь об остальном.

Элиза теребила конец алого вдовьева пояса.

— Именно об этом я и хотела с тобой поговорить, Стерлинг. Мы с женщинами долго обсуждали, как помочь нашим пропавшим сыновьям, и подумали, что стоит объединить усилия. Мы бы днем осматривали причалы, заброшенные туннели метро — все те места, где наши сыновья могли укрыться от солнечных лучей, и...

— Ни в коем случае.

Чейз не хотел так резко обрывать ее, но у него кровь стыла в жилах при одной мысли, что Элиза покинет надежную Темную Гавань и будет проводить дни в самых опасных районах города, где до захода солнца ее не сможет защитить ни он, ни кто другой из Рода. И хотя Отверженные по той же причине не будут представлять для нее угрозу, она может запросто наткнуться на Миньона.

— Прости, но об этом не может быть и речи.

Ее глаза удивленно расширились, но в следующее мгновение она опустила взгляд и вежливо кивнула, хотя Чейз видел, что под маской покорности скрывается гнев. Поскольку Чейз являлся ее родственником, пусть и по мужу, Род давал ему право запрещать ей покидать Темную Гавань в дневное время. Древний закон, установленный около тысячи лет назад, когда Темные Гавани только начали образовываться. Чейз никогда не пользовался этим правом и сейчас чувствовал себя полным дерьмом, но он не мог оставаться безучастным, когда ее жизнь подвергалась опасности.

— Ты думаешь, мой брат одобрил бы эту идею? — спросил Чейз, отлично зная, что Квентин не позволил бы Элизе рисковать жизнью даже ради спасения собственного сына. — Ты гораздо больше поможешь Кэмдену, если останешься здесь и я буду уверен, что тебе ничего не угрожает.

Элиза подняла голову, и в ее прекрасных глазах сверкнуло столько решимости, сколько Чейз никогда не видел.

— Пропал не только Кэмден. Разве ты сможешь спасти всех, Стерлинг? Смогут ли воины Ордена их спасти? — Элиза вздохнула. — Никто не спас Джонаса Редмонда. Ты знаешь, что он погиб? Его мать чувствует, что его нет в живых. Наши сыновья исчезают, умирают каждую ночь, а что мы? Должны сидеть здесь сложа руки и ждать плохих новостей?

Чейз напрягся:

— Мне надо идти, Элиза. Ты знаешь мое мнение по этому вопросу. Оно не изменится, прости.

Чейз двинулся по коридору, на ходу натягивая бушлат. Он чувствовал, что Элиза идет следом, слышал легкий шорох ее юбки у себя за спиной, но не остановился. Распахнув дверь, он вытащил из кармана ключи и отключил сигнализацию припаркованного у тротуара серебристого «лексуса». Машина мигнула фарами и жалобно пискнула, заблокированная черным «ренджровером». Несмотря на тонированные стекла, Чейз сразу догадался, кто внутри, он физически ощущал холодную ярость Данте.

Воин был не один. Его сопровождал неприступный, как скала, Тиган. Они вышли из машины, направляясь прямо к Чейзу. Их лица были непроницаемо спокойны, но оба вампира излучали тяжелую молчаливую угрозу.

Элиза вскрикнула:

— Стерлинг!..

— Иди домой,— велел Чейз, не отрывая взгляда от воинов. — Возвращайся к себе, Элиза, все в порядке.

— Стерлинг, что происходит? Что им нужно?

— Черт возьми, делай то, что я говорю! Иди домой. Все будет хорошо.

— Я в этом не так уверен, Гарвард, — сказал Данте. С каждым его шагом, висевшие на поясе клинки устрашающе поблескивали в лунном свете. — Все обернулось совсем нехорошо. И кстати, по твоей вине. Ты вчера куда-то пропал. Что-то случилось? Может быть, ты просто меня не понял? Я велел отвезти наркодилера в бункер. А тебе послышалось — отпустить этого ублюдка на все четыре стороны?

— Нет. Я тебя понял.

— Тогда в чем дело, Гарвард? — Данте едва уловимым движением выхватил *malebranche*, сталь просвистела в воздухе.

Пока Данте говорил, Чейз успел заметить белые кончики его клыков. Желтый огонь глаз прожигал его насквозь.

— Отвечай, и поторопись, я не дрогну — умрешь на глазах у этой женщины.

— Стерлинг! — закричала Элиза. — Оставьте его!

Чейз резко обернулся и увидел, что она сошла со ступенек крыльца. Элиза успела сделать всего несколько шагов, как рядом с ней возник Тиган. Он обхватил ее за талию и крепко сжал, не давая сдвинуться с места.

Ярость мгновенно вспыхнула в Чейзе. Обнажились клыки, зрачки сузились в щелки. Он взревел, готовый броситься на обоих воинов разом только потому, что один из них посмел прикоснуться к Элизе.

— Отпусти ее! Черт, она здесь ни при чем!

Чейз толкнул Данте в грудь, но тот даже не пошевелился.

— По крайней мере, Гарвард, теперь ты весь — внимание.

Чейз почувствовал, как его ноги оторвались от земли и тело под напором Данте отлетело назад, с силой ударившись о кирпичную стену.

Огромные клыки Данте застыли на уровне лица Чейза, янтарное пламя глаз обжигало.

— Где Бен Салливан? Что за игру ты ведешь?

Чейз повернул голову и посмотрел на Элизу, сожалея, что она невольно стала свидетельницей жестокой сцены. Он хотел уберечь ее от этого. По ее щекам текли слезы, в глазах застыл страх, она стояла беспомощно прижатая к облаченному в черную кожу и вооруженному до зубов Тигану.

— Я вынужден был его отпустить. У меня не было выбора.

— Неверный ответ, — прорычал Данте, прижимая лезвие к его горлу.

— Отсидживающийся в бункере наркодилер был для меня бесполезен. Он нужен мне в городе, он должен помочь мне найти... моего племянника. Я отпустил его, чтобы он отыскал Кэмдена, сына моего брата.

Данте криво усмехнулся, но давление лезвия ослабил.

— А как же с остальными пропавшими? Со всеми теми, кого Салливан кормил «малиной»?

— Меня волнует только Кэмден. Из-за него я пришел к вам.

— Сукин сын, ты обманул нас! — прошипел Данте.

Чейз посмотрел в его яростно горящие глаза:

— Разве Орден согласился бы помочь мне, если бы я попросил найти одного-единственного пропавшего юношу?

Данте тихо и зло выругался.

— Как знать.

Чейз и сам уже не был так уверен в этом. Он успел убедиться, что, несмотря на жестокость воинов, превратившую их в таинственную и страшную силу, они не были лишены чести. Воины могли действовать как безжалостные убийцы, если того требовали обстоятельства, но Чейз подозревал, что в глубине души каждый из них был достойнее его самого во много крат.

Данте резко убрал *malebranche*, развернулся и направился к «ренджроверу». Тиган отпустил Элизу и пристальным, неморгающим взглядом наблюдал, как она, испуганно отпрянув, растирала талию и плечи после его железной хватки.

— Садись в машину, Гарвард, — приказал Данте, кивнув на открытую заднюю дверцу. Его взгляд ясно давал понять, что этот приказ не обсуждается. — Ты едешь в бункер. Возможно, ты сумеешь убедить Лукана, что заслуживаешь права остаться в живых.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Холодный пот струился по спине Бена, когда он завершил воссоздание формулы «малины». Он не обманывал, когда говорил, что не помнит формулу целиком. Бен старался изо всех сил, чтобы восстановить ее в такое нереально короткое время. За полчаса до назначенного срока он получил небольшую порцию красного вещества. Его действие нужно было испытать на парне в испачканных джинсах и толстовке с эмблемой Гарвардского университета. Он сидел привязанный к офисному креслу на колесах, голова свисала на грудь.

Когда Бен приблизился к нему, дверь, по обеим сторонам которой дежурили телохранители, открылась и в импровизированную лабораторию вошел Хозяин.

— У меня не было возможности отделить жидкость, — сказал Бен, извиняясь за получившуюся у него вместо порошка густую пасту. Он отчаянно надеялся, что восстановил формулу без ошибок. — Парень, кажется, не в форме. Он проглотить-то сможет?

Ему никто не ответил, повисла леденящая кровь пауза.

Бен нервно выдохнул и встал на колени перед креслом. Парень приподнял тяжелые веки, посмотрел на него безразличным взглядом из-под свисавших на лоб волос и снова закрыл глаза. Бен вгляделся в болезненно искаженное лицо некогда, вероятно, симпатичного парня...

О черт.

Бен знал его. Встречал в клубах... Это был один из его постоянных покупателей. Улыбающееся лицо этого парня он видел на фотографии вчера ночью. Как там его — Кэмерон? Кэмден? Кажется, Кэмден. Его приказал найти тот психопат с клыками, иначе грозился убить. Но та угроза не шла ни в какое сравнение с опасностью, нависшей над Беном сейчас.

— Не будем затягивать дело, мистер Салливан.

Бен поднес чайную ложку с красной кашицей ко рту парня. Как только ложка коснулась его губ, он жадно проглотил все, что в ней было. На мгновение показалось, что Кэмден ожил. Он ноздрями втянул воздух в предвкушении новой дозы. Бену стало не по себе, он неожиданно почувствовал вину.

Он ждал, когда «малина» подействует.

Но ничего не происходило.

Бен дал парню вторую ложку кашицы, затем третью — никакого эффекта. Черт! Он допустил ошибку в формуле.

— Мне нужно еще время, — пробормотал Бен, когда парень со стоном уронил голову на грудь. — Кое-что надо перепроверить.

Бен выпрямился, повернулся и обнаружил, что Хозяин стоит прямо перед ним. Бен даже не услышал его шагов и теперь наткнулся на собственное отражение в темных линзах его очков. Вид жалкий: загнанный зверек, трясущийся перед хищником.

— Никаких результатов, мистер Салливан. Мое терпение закончилось.

— Вы сказали — два часа,— попробовал возразить Бен. — У меня в запасе есть еще тридцать минут...

— Не надо со мной торговаться. — Губы Хозяина растянулись в презрительной усмешке, обнажая острые кончики клыков. — Твое время вышло.

— О господи!

Бен в ужасе отскочил и налетел на кресло, в котором сидел парень. Откатившись вместе с ним назад, Бен кое-как поднялся на четвереньки, и тут чьи-то сильные и грубые руки подхватили его, словно он был невесомым, и отшвырнули к стене. Бен ударился затылком, так что искры из глаз посыпались и мешком рухнул на пол. Коснувшись головы, он почувствовал липкую кровь.

Бен затуманенным взглядом окинул комнату, и сердце сжалось от дурного предчувствия. Телохранители смотрели на него янтарно-огненными глазами, рассеченными узкими полосами зрачков. Один из них зашипел, обнажая огромные клыки.

Даже Кэмден, по-прежнему сидевший привязанным к креслу, оживился. Его глаза сверкали сквозь свисавшие на лицо волосы, из-под верхней губы выглядывали острые клыки.

Но все эти монстры не пугали Бена так, как тот, кто заправлял здесь всем. Неторопливым шагом он приблизился к Бену. Начищенные до блеска черные ботинки бесшумно ступали по бетонному полу. Хозяин поднял руку, и Бен оторвался от пола и оказался стоящим на ногах, словно он был жалкой марионеткой, которую потянули за ниточки.

— Пожалуйста, — выдохнул Бен, — не знаю, что вы задумали, но прошу вас, не надо. Я отдам вам формулу «малины». Клянусь, я сделаю все, что вы хотите!

— Конечно, мистер Салливан, вы сделаете.

Движение было молниеносным. Бен ощутил, как острые клыки впились ему в горло. В нос ударил запах собственной крови, послышалось чмоканье. Бен задергался, пытаясь вырваться. Но силы покидали его с каждым зловещим глотком. Он обмяк, чувствуя, как вместе с кровью из него уходит жизнь, сознание затуманивалось, воля медленно угасала. Он умирал, проваливаясь во тьму.

— Вперед, Гарвард, прости, не знаю твоего настоящего имени.

Тесс с терьером на поводке переходила улицу. Закрыв клинику в шесть вечера, она решила отправиться в Южный Бостон, где жил Бен, — последняя попытка найти его, прежде чем заявлять в полицию. Если Бен вновь взялся за торговлю наркотиками, то он заслуживал, чтобы его арестовали. Но Тесс искренне о нем беспокоилась и хотела поговорить с ним, пока дело не зашло слишком далеко.

Район Бена не особенно подходил для прогулок, тем более в вечернее время. Но Тесс не боялась: здесь жили большинство ее клиентов, все они хорошие, работающие люди. По иронии судьбы единственный человек, которого стоило опасаться в закоулках среди двухквартирных домов и обшарпанных трехэтажек, был торговец наркотиками, занимавший квартиру 3-В, в доме, перед подъездом которого стояла Тесс.

Из окна на первом этаже, где работал телевизор, на тротуар ложился размытый четырехугольник бледно-голубого света. Тесс подняла голову и посмотрела на окна Бена в надежде увидеть там какие-либо признаки присутствия хозяина. Опущенные жалюзи плотно закрывали балконную дверь и окно спальни. Никакого проблеска света, ни малейшего движения.

Или нет? Что это?..

Тесс показалось, что жалюзи на окне закачались будто их невзначай задели, проходя мимо.

Бен? Если он дома, то наверняка никого не хочет видеть, включая ее. Он не ответил ни на ее звонки ни на электронное письмо.

А если его нет дома? Вдруг к нему в квартиру проник посторонний? Например, кто-то из его опасных компаньонов. Что, если они все перевернули вверх дном в поисках флэшки, которая сейчас лежит у Тесс в кармане куртки?

Тесс попятилась, неприятный холодок пробежал по спине. Она намотала на руку поводок, молча оттягивая Гарварда от засохших кустов, тянущихся вдоль тротуара.

И снова уже явственно Тесс увидела, что жалюзи зашевелились. Створка балконной двери на третьем этаже начала открываться. Кто-то выходил, но это был не Бен, а высокий широкоплечий незнакомец.

— О черт! — прошептала Тесс, наклонившись и взяв Гарварда на руки. Нужно было немедленно уходить отсюда.

Побежав по тротуару, Тесс робко оглянулась. Незнакомец стоял на балконе и смотрел в темноту. Его глаза были невероятно яркими, они словно горели огнем...

— О господи!

Тесс перебежала улицу и снова оглянулась. На балконе появились еще двое, а тот, первый, перелез через перила и спрыгнул вниз, бесшумно, по-кошачьи, приземлился прямо на газон и понесся невероятно быстро. Тесс казалось, что по сравнению с ним она не бежит, а с трудом переставляет ноги.

Прижав Гарварда к себе, она выскочила на тротуар между припаркованными машинами и еще раз оглянулась — преследователя не было. Секундное облегчение, но, когда Тесс повернула голову, он стоял прямо перед ней. Невозможно! Она не слышала его топота, не видела, как он ее обогнал.

Чуть склонив набок большую голову, он смотрел на нее, как собака, втягивая носом воздух, словно принюхиваясь. Он, вернее, некое существо, напоминающее человека, тихо рассмеялось.

Тесс попятилась, ноги одеревенели. От удивления она вытаращила глаза. Этого не может быть. Это какая-то дурацкая шутка.

— Нет! — воскликнула Тесс, не веря своим глазам.

Существо двинулось к ней. У Тесс лихорадочно заколотилось сердце, она развернулась и застыла...

Еще двое ужасного вида громил прошли между машинами, окружая ее.

— Привет, милашка. — Голос незнакомца прозвучал грубо и зло.

В бледном свете уличного фонаря Тесс увидела его рот — клыкастую пасть.

Выпустив из рук Гарварда, Тесс истошно закричала.

— Поверни здесь налево, — сказал Тигану расположившийся рядом Данте. Чейз сидел сзади, ожидая наказания, и это ожидание Данте решил немного растянуть. — Давай проедем через Южный Бостон.

Тиган мрачно кивнул и на перекрестке свернул налево.

— Думаешь, этот парень дома?

— Не знаю. Сейчас увидим.

Данте потер грудь, ощущая какой-то неприятный холодок, ему стало трудно дышать. Это походило на предчувствие, словно что-то задело его жизненно важные точки, и вся нервная система забила тревогу. Данте нажал на кнопку, стекло опустилось, он вдохнул свежий ночной воздух.

— Все в порядке? — спросил Тиган. — Снова то же самое?

— Нет, — Данте помотал головой, продолжая смотреть в окно. Прочь уплывали дома деловой части города, впереди маячил старый район — Южный Бостон. — Нет, это что-то другое.

Холод расплзся по всему телу, ладони вмиг стали влажными, внутренности скрутило.

«Что за черт?!»

Он понял: это — страх. Нет, ужас. Но не его, а кого-то другого.

«О господи!»

— Останови машину!

Это страх Тесс. Ее кровь, что текла в его жилах, стыла от ужаса. Она в опасности. Смертельной опасности.

— Тиган, останови это чертово корыто!

Тиган резко ударил по тормозам, выворачивая руль вправо, машина уткнулась в бордюр тротуара. От дома Салливана их отделяло всего лишь несколько кварталов, но пока они пробираются по узким улочкам с односторонним движением, пройдет слишком много времени. Данте рывком открыл дверцу и выскочил из машины. Втянул носом воздух, надеясь уловить запах Тесс.

Есть!

Он сосредоточился на сладковатом аромате концы, вплетенном в тысячи других запахов ночи. Данте почувствовал запах крови Тесс. Он становился все острее и гуще.

Данте похолодел.

Где-то рядом Тесс истекала кровью.

Тиган, держась одной рукой за руль, наклонился в сторону открытой дверцы.

— Данте, ты решил прогуляться? Что за черт?

— Нет времени объяснять, — бросил Данте и захлопнул дверцу. — Я пешком. Вы подъезжайте.

— Я помню дорогу, — подал голос Чейз, через открытое окно встретившись с Данте взглядом. — Иди. Мы следом.

Данте кивнул, мельком глянув на суровые лица спутников, развернулся и побежал.

Он пересекал дворы, перепрыгивал через заборы, пролетал узкие переулки со скоростью, на которую способен только вампир. Встречные прохожие не успевали разглядеть его, ощущая лишь порыв холодного ноябрьского ветра. В голове Данте пульсировала только одна мысль — Тесс.

Посередине улочки, ведущей к дому Салливана, он увидел терьера, которого Тесс прикосновением рук спасла от смерти. Собака испуганно металась по тротуару, волоча за собой поводок.

Дурной знак, но Данте чувствовал, что Тесс где-то рядом.

Он молил небеса о помощи.

— Тесс! — закричал он, надеясь, что она услышит его.

Надеясь, что он не опоздал.

Данте свернул за угол трехэтажки, перепрыгнул через игрушки и велосипеды, оставленные во внутреннем дворе дома. В ноздри бил запах крови Тесс ее кровь судорожно стучала в висках.

— Тесс!

Данте почувствовал ее, словно высветил внутренним светом, услышал ворчание и чмокание Отверженных.

«О господи, нет!»

На тротуаре через дорогу от дома Салливана лежала сумочка Тесс, расстегнутая, выпотрошенная, содержимое валялось рядом. Данте повернул направо в узкий проход между двумя домами, в конце прохода виднелся сарай, незапертая дверь покачивалась на петлях.

Тесс была там. Он знал это. Данте напрягся и замедлил шаг.

Он уже готов был ворваться внутрь и растерзать тварей голыми руками, когда почувствовал за спиной движение. Отверженный вышел из тени и бросился на него. Падая, Данте перевернулся, выхватил *malebranche* и располосовал лицо Отверженного. Тот душераздирающе завопил, отскочил и забился в конвульсиях, его отравленная титановым лезвием кровь закипела, растворяя тело. Данте еще раз перевернулся и встал на ноги.

В щель между домами он увидел подъехавший «ренджровер». Машина резко остановилась, в следующую минуту Тиган и Чейз с оружием в руках уже бежали к нему. Из темноты вышел еще один Отверженный, но, встретив ледяной взгляд Тигана, предпочел повернуть в противоположную сторону. Метнувшись, словно большая кошка, Тиган пустился вдогонку.

Чейз, должно быть, заметил серьезную опасность в квартире Салливана, потому что с пистолетом в руке поспешил туда.

Все это Данте видел боковым зрением, рывком распахивая дверь сарая, из которого доносилось жадное чмокание. Этот звук был ему хорошо знаком — так вампиры пили кровь, но то, что это была кровь Тесс, накалило его ярость до предела.

Двое Отверженных прижимали Тесс к полу, один припал к ее запястью, другой — к шее. Тесс лежала неподвижно, настолько неподвижно, что у Данте сердце оборвалось. Но он почувствовал, что она жива. Он ощущал слабую пульсацию ее крови в своем теле. Еще минута, и эти твари выпьют ее досуха.

Данте взревел так, что задрожали стены сарая, гнев бушевал в нем адским пламенем. Отверженный оторвался от запястья Тесс и зашипел, на его губах и клыках адела кровь. Он высоко подпрыгнул, отлетел в угол и завис под потолком, как паук.

Данте метнул *malebranche*, лезвие когтем впилося в горло Отверженного, он с воплем упал на пол сарая. В следующее мгновение всю свою ненависть Данте направил на самого рослого кровососа, который, словно хищник, защищающий свою добычу, кружил над неподвижным телом Тесс. Скаля клыки, он не сводил с Данте дикого, злобного взгляда.

Было видно, что он совсем недавно заразился Кровожадностью, которая превратила его в бешеного зверя. Возможно, это был один из пропавших юношей Темной Гавани. Сейчас это уже не имело значения, любой Отверженный заслуживал смерти, особенно этот, посягнувший на драгоценную кровь Тесс — на ее жизнь, которая едва теплилась в теле и могла в любую минуту угаснуть.

Медлить нельзя.

Боль Тесс огнем разливалась по жилам Данте, заставляя его собственную кровь кипеть неистовой жаждой боя. Он зашипел, обнажая клыки, и с диким ревом бросился на Отверженного. Данте хотел сначала разорвать его в клочья, чтобы утолить свою ярость, а затем уже вонзить в него смертоносный клинок. Но нужно было торопиться — жизнь Тесс висела на волоске.

Одной рукой сжав подбородок Отверженного, другой Данте нанес удар, сломав кровососу челюсть. Тот завопил, Данте выхватил клинок и вогнал ему в грудь, затем отбросил от себя начавший плавиться труп и подскочил к Тесс.

— Господи, — прошептал он, опускаясь на колени. Он слышал ее тихое, прерывистое дыхание, едва уловимое. Запястье Тесс было сильно разорвано, но рана на шее выглядела еще ужаснее, лицо казалось белее снега. Данте взял ее безжизненную руку — пугающе холодную, — поднес к губам и поцеловал. — Тесс... держись, детка. Опасность позади.

Данте осторожно поднял ее и вынес из сарая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Чейз переступил через труп пожилого мужчины, который лежал у двери квартиры на первом этаже. Дверь была открыта, из гостиной доносился звук работающего телевизора. Не трудно было догадаться, что человек стал жертвой Отверженных. По крайней мере один из них все еще находился в доме. Чейз начал бесшумно подниматься по лестнице к квартире Салливана, на каждом шагу останавливаясь и прислушиваясь. Обеими руками он сжимал «беретту», удерживая ее возле правого плеча и направив дуло вверх. Чтобы разрядить обойму, ему хватило

бы нескольких секунд. Стоило Отверженному появиться, его ждала неминуемая смерть от титановых пуль.

Поднявшись на площадку третьего этажа, Чейз остановился, вглядываясь в щель приоткрытой двери квартиры. Там все было перевернуто. Отверженные что-то искали, разумеется не самого хозяина. Не мог же он прятаться в ящиках компьютерного стола и дискетницах, которые были разбросаны по полу. Заметив тень, Чейз прижался к стене. Из кухни с ножом в руке вышел Отверженный и принялся распарывать и потрошить подушки кресла.

Носком ботинка Чейз открыл дверь пошире и, осторожно проскользнув внутрь, наставил «беретту» на Отверженного. Тот был настолько увлечен своим делом, что не чувствовал угрозы. «Беретта» застыла в нескольких дюймах от его затылка.

Чейз мог выстрелить и должен был. Опыт профессионального агента и логика требовали нажать па курок и всадить пулю в голову Отверженного, но что-то удерживало его.

Чейз бегло осмотрел врага: высокий, атлетическое телосложение, грязная толстовка, джинсы, давно немые растрепанные волосы... и во всем облике что-то незрелое, почти детское. Отверженный выглядел как типичный наркоман. От него исходил солоноватый запах крови и пота — запах вампира зараженного Кровожадностью.

Но было в нем что-то знакомое.

— Господи, — выдохнул Чейз. — Кэмден?

Отверженный замер, его плечи напряглись, голова начала медленно поворачиваться. Он заворчал, с шипением обнажая клыки и шумно втягивая ноздрями воздух. Чейз не видел его глаз, но чувствовал их огненный жар.

— Кэм, это я, твой дядя. Положи нож, мальчик.

Даже если Кэмден услышал и понял его слова, то никак на это не отреагировал и нож из рук не выпустил. Он начал медленно, осторожно разворачиваться, как зверь, осознавший, что его загнали в угол.

— Все в порядке, — сказал Чейз. — Тебе ничего не угрожает. Я здесь, чтобы помочь тебе.

Чейз сам не вполне верил в то, что говорил. И хотя он опустил пистолет, но палец продолжал держать на спусковом крючке, и каждый мускул его тела дрожал от напряжения. Тревога отвратительным холодком пробежала по спине, словно ворвавшийся в открытую дверь осенний ветер. Чейз тоже чувствовал себя загнанным в угол, он не знал, чего ждать от племянника, не знал, как поступить.

— Кэмден, твоя мама очень волнуется. Она хочет, чтобы ты вернулся домой. Ради нее возвращайся, мальчик.

Целую вечность Чейз ждал, пока единственный сын его брата повернется к нему, но оказался не готов к тому, что предстало его взгляду. Он постарался не выказать отвращения, хотя к горлу подступил комок при виде забрызганного кровью, искаженного злобой лица Кэмдена. Всего несколько дней назад это был милый юноша, который весело смеялся в кругу друзей и подавал большие надежды.

От того юноши не осталось и следа, перед Чейзом стоял дикий зверь, в одежде со следами кровавого пиршества, устроенного на первом этаже, в руке он сжимал большой кухонный нож,

готовый в любую секунду нанести удар. Его неподвижные зрачки превратились в черные росчерки, рассекавшие янтарно-желтый огонь глаз.

— Кэм, пожалуйста, скажи, что ты меня слышишь и понимаешь.

Ладони у Чейза вспотели, правая рука, сжимавшая «беретту», непроизвольно начала подниматься. Отверженный заворчал, присел, словно приготовился к прыжку, злобный взгляд забегал — он принимал решение. Чейз не мог понять, к чему склоняется Кэмден — убежать или наброситься, рука с пистолетом поднималась все выше и выше, палец на спусковом крючке подрагивал.

— Черт, все не так. Все плохо.

Тяжело вздохнув, он вытянул руку вверх и выстрелил в потолок. От резкого звука Кэмден встрепенулся, он метнулся мимо Чейза к открытой двери балкона, перемахнул через перила и растворился в темноте.

У Чейза подкашивались ноги. Он испытывал облегчение и сожаление одновременно. Он нашел племянника, но позволил Отверженному остаться в живых.

Когда Чейз наконец поднял голову, его взгляд наткнулся на Тигана, который стоял в дверном проеме и смотрел на него пристально, словно читая мысли. Возможно, вампир не видел, как Чейз отпустил Отверженного, но он знал. Знал все.

— Я не мог, — пробормотал Чейз, опустив глаза на пистолет. — Он мой племянник. Я просто не мог.

Тиган молчал, сверля его взглядом.

— Пора идти, — спокойно сказал он. — Женщина в тяжелом состоянии. Данте вместе с ней ждет в машине.

Чейз кивнул и вслед за Тиганом покинул квартиру Салливана.

В крови Данте все еще бурлили страх и ярость. Он расположился на заднем сиденье, устроив Тесс у себя на коленях и закутав ее в свою куртку. Он разорвал рубашку и перевязал рану у нее на запястье и особенно ужасную на шее.

Тесс лежала тихо и была почти невесомой. Данте смотрел на ее красивое лицо — слава богу, Отверженные не изуродовали его, хотя они любили таким образом развлекаться со своими жертвами. Великое счастье, что эти дикие звери не изнасиловали Тесс. Но Отверженные выпили ее кровь — много крови. Опоздай Данте всего на несколько минут, и они осушили бы ее полностью.

Данте передернуло от этой ужасной мысли. Тесс была без сознания, глаза закрыты, лицо белое, тело холодное. Он знал только один способ помочь ей. Ей нужна была кровь. Но не человеческая, как любой другой женщине, а кровь вампира.

Данте уже совершил часть ритуала в ту ночь, когда взял ее кровь, чтобы спасти свою жизнь. Теперь без ее согласия он вынужден скрепить узы. В противном случае Тесс умрет у него на руках.

Этого Данте не мог допустить, даже если она возненавидит его за то, что он связал их навеки. Разумеется, он не идеальный спутник для нее, она заслуживает большего, чем он способен ей дать.

— Черт возьми, Тесс, прости. У меня нет выбора.

Острым клыком он распорол себе запястье, кровь тонкой струйкой потекла по обнаженной руке. Он поднес ее ко рту Тесс, краем уха уловив поспешные шаги, приближающиеся к «ренджроверу».

Передние дверцы открылись, Тиган и Чейз сели в машину. Тиган обернулся, его взгляд застыл на правой руке Тесс, безвольно свисавшей из-под куртки Данте. Именно на этой руке была метка — чаша полумесяца и падающая в нее капля. Воин прищурился и посмотрел на Данте — вопросительно и предостерегающе:

— Она Подруга по Крови.

— Я знаю, кто она, — ответил Данте. Он даже не пытался скрыть волнение в голосе. — Давай, Тиган, гони в бункер. Время уходит.

Тиган завел мотор, машина тронулась. Данте приложил руку к приоткрытым губам Тесс и наблюдал, как струйка крови стекает ей в рот.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Тесс чувствовала, что умирает, тело налилось свинцовой тяжестью и в то же время стало невесомым и парило где-то между миром боли и миром вечного покоя. Тьма затягивала Тесс, но ей не было страшно. Ее окутывало успокаивающее тепло, словно крылья могучего ангела обернулись вокруг нее и удерживали на поверхности, не позволяя погрузиться в бездну небытия.

Она отдавалась во власть тепла, она так нуждалась в этой опоре.

Откуда-то доносился гул негромких, встревоженных голосов, слов Тесс не могла разобрать. Что-то под ней непрерывно двигалось, обмякшее тело слегка вибрировало. Ее куда-то везут? Безмерная усталость мешала думать, сладостное тепло увлекло ее, обволакивало и зачаровывало.

Ей хотелось спать. Все отпустить и уснуть навсегда...

Что-то горячее капнуло ей на губы, шелковистой струйкой медленно потекло в рот, соблазнительный аромат защекотал ноздри. На губы упала еще одна капля — теплая, влажная, пьянящая, как вино, язык шевельнулся, пытаясь уловить вкус.

Рот приоткрылся и наполнился горячей жидкостью. Тесс застонала, не понимая, что это, но ей это было нужно — она знала. Первый глоток прокатился по горлу огромной волной, и рот наполнился снова. Тесс чувствовала, что умирает от жажды. Возможно, так оно и было. Она понимала только одно: ей необходима эта жидкость, и, казалось, она никогда ею не насытится.

Тесс сглотнула живительный эликсир. Тихий, глубокий голос произнес ее имя. Она узнала его. Узнала аромат, который окутывал ее и струился в рот.

Он спасал ее — мрачный ангел, чьи сильные руки обнимали ее сейчас.

Данте.

В этом странном путешествии между мирами Данте был с ней, она чувствовала это всем своим существом.

Тесс продолжала плыть, удерживаясь на поверхности бурлящего моря мрака. Густые и теплые темные воды медленно вздыбились, чтобы поглотить ее. И Данте позволил ей в них погрузиться, не выпуская из своих крепких и нежных рук. Она растворилась в этих водах и пила их, ощущая, как они наполняют ее тело, просачиваются в каждую клеточку.

Наступил покой, и сознание Тесс переместилось в иной мир, окрашенный в темно-алый, малиновый и бордовый.

Казалось, до бункера они ехали целую вечность, хотя Тиган установил несколько рекордов скоростной езды по оживленным и извилистым улицам Бостона. Как только «ренджровер» замер на своем месте в гараже, Данте осторожно вышел из машины с Тесс на руках.

От пережитого шока и большой потери крови она была очень слабой, то приходила в сознание, то снова теряла его, но в Данте теплилась надежда, что она выживет. По дороге Тесс сглотнула несколько капель его крови. В бункере, в безопасности, она сможет взять столько, сколько понадобится.

Черт, чтобы спасти ее, он готов отдать все, до последней капли.

И это не игра в благородство, он действительно готов умереть за нее. Данте отчаянно хотел, чтобы Тесс выжила. Кровные узы, которые связали их навечно, вызывали в нем естественное желание защищать ее, но было и еще что-то. Что-то более глубокое и сильное, о чем он раньше даже не подозревал.

Он любил ее.

Это новое, незнакомое чувство потрясло Данте своей мощью. С Тесс на руках он направился к лифту, Тиган и Чейз шли следом. Кто-то из них нажал на кнопку, и лифт начал спускаться на глубину трехсот футов. Под землей они были отрезаны и защищены от всего мира.

Когда двери лифта открылись, их уже встречали Лукан и Гидеон. Оба воина с суровыми лицами стояли в коридоре в полном боевом снаряжении. Несомненно, воины забеспокоились, когда камеры слежения зафиксировали мчащийся на безумной скорости «ренджровер».

Лукан чертыхнулся, взглянул на Данте и на женщину, которую тот держал на руках.

— Что случилось? — спросил он.

— Пропустите... — Данте вышел из лифта, стараясь не потревожить Тесс. — Ей нужно тепло. Она потеряла очень много крови...

— Я вижу. Черт возьми, в какую передрагу вы там наверху попали?

— Отверженные, — ответил за всех Чейз. — Они что-то искали в квартире наркодилера. Эта женщина, вероятно, каким-то образом попала им на глаза. Может быть, помешала им чем-то. Они напали на нее. У женщины раны на запястье и шее.

Данте кивнул, подтверждая слова Чейза, сам он от волнения не мог говорить.

— Господи! — Лукан мрачно посмотрел на Данте. — Это та Подруга по Крови, о которой ты мне говорил? Это Тесс?

— Да, — кивнул Данте, глядя на бледное лицо Тесс. Тревога сжимала его сердце. — Опоздай я на несколько секунд, и все было бы кончено...

— Проклятые кровососы! — прошипел Гидеон, проводя рукой по волосам. — Я приготовлю ей комнату в лазарете.

— Нет! — неожиданно для себя резко выкрикнул Данте, останавливая Гидеона. — Она моя. Она останется со мной.

Глаза Гидеона расширились, но он ничего не сказал, остальные тоже промолчали.

Данте по лабиринту коридоров устремился к своим апартаментам. Он прошел в спальню и осторожно опустил Тесс на кровать. Он не зажигал яркий свет, говорил тихо и нежно, чтобы ничем не потревожить ее.

Мысленным приказом Данте включил воду в ванной и начал снимать повязки с Тесс. Слава богу, кровотечение прекратилось. На белой гладкой коже раны выглядели ужасно, но худшее было позади.

При виде страшных следов, оставленных Отверженными на теле Тесс, Данте пожалел, что не обладает даром исцелять с помощью прикосновений. Ему не хотелось, чтобы Тесс, придя в себя, увидела Ужасные раны. Но он не умел творить чудеса. Его кровь излечит ее изнутри, наполнит сверхъестественной жизненной силой, незнакомой ей ранее. А потом, если она согласится принимать кровь своего партнера регулярно, то обретет несвойственную людям способность не стареть и жить вечно. Со временем и шрамы исчезнут. Но не так быстро, как ему хотелось бы. Данте вновь охватила ярость, он жалел, что не смог растерзать обидчиков Тесс жестоко и мучительно.

Ярость жгла его изнутри, как кислота. Данте подавил ее, сейчас все его силы нужны были Тесс. Он осторожно снял с нее жакет, испачканный кровью, ворот и рукав тонкого шерстяного свитера тоже были в крови.

Данте не решился снимать его через голову, чтобы не тревожить рану на шее. Он вынул из ножен кинжал и распорол свитер. Обнажилось бледно-кремовое тело и персикового цвета кружевной лифчик.

При взгляде на женственные формы Тесс Данте почувствовал страстное желание, но усилием воли сумел подавить его.

Сейчас Тесс была в безопасности — большего он не мог желать.

Данте положил кинжал на тумбочку и, за рукава стянув свитер, бросил его на пол у кровати, где лежал жакет. В спальне было тепло, но тело Тесс продолжало оставаться холодным. Данте укрыл ее черным шелковым одеялом и пошел в ванную за влажной губкой и полотенцем, чтобы обтереть Тесс. Когда он выходил из ванной, раздался тихий стук в дверь, слишком тихий для воина.

— Данте? — послышался голос Саванны, еще более тихий, чем стук. Она вошла в комнату с медикаментами в руках. Ее темные глаза были полны сострадания. Следом за ней показалась рыжеволосая подруга Лукана, Габриэлла, она держала мягкий, теплый халат. — Мы узнали, что случилось, и решили принести вещи, которые могут понадобиться.

— Спасибо.

Женщины положили все на кровать, Данте отметил это краем глаза, его внимание было сосредоточено на Тесс. Он смывал засохшую кровь с ее запястья, прикладывая губку с максимальной осторожностью, на которую только способны были его грубые руки, привыкшие к оружию.

— Как она? — спросила стоявшая у него за спиной Габриэлла. — Лукан сказал, что ты напоил ее собственной кровью, чтобы спасти.

Данте кивнул, но героем себя не чувствовал.

— Она возненавидит меня за это, когда узнает, что это значит. Тесс не подозревает, что она Подруга по Крови. Ей неизвестно, кто я.

Данте удивился, почувствовав на своем плече маленькую женскую руку.

— Ты должен все ей рассказать, Данте. Не откладывай. Не бойся довериться ей, она оценит твою искренность, даже если не сразу сможет принять то, что ты ей сообщишь.

— Да, она должна знать правду, — согласился Данте.

Он был благодарен Габриэлле за участие и разумный совет. Она делилась собственным опытом. Всего несколько месяцев назад она сама узнала от Лукана ошеломляющую правду. И хотя сейчас они были неразлучны и оба светились любовью, им пришлось пройти нелегкий путь к счастью. Никто из воинов не знал подробностей, но Данте мог догадаться, чего это стоило им обоим, учитывая замкнутость Лукана и его тяжелый характер.

Саванна подошла ближе и сказала:

— После того как промоешь раны, смажь их вот этой мазью. Вместе с твоей кровью она ускорит заживление, и шрамы будут менее заметны.

— Хорошо. — Данте взял протянутый пузырек мази домашнего приготовления и поставил его на тумбочку у кровати. — Спасибо. Спасибо за участие.

Женщины понимающе улыбнулись ему.

— Не думаю, что ей это пригодится. — Саванна нагнулась, чтобы собрать с пола одежду Тесс. Едва ее пальцы коснулись одежды, как лицо исказилось, Саванна вздрогнула и закрыла глаза. Ее дыхание на мгновение замерло, затем она выдохнула резко и прерывисто. — Господи, бедняжка. Как жестоко. Ты знаешь, что она была на волосок от смерти?

Данте кивнул:

— Знаю.

— Они почти выпили ее, когда ты... — Саванна замолчала. — Ты спас ее, и это — главное, — закончила она, пытаясь скрыть волнение, которое вызвали у нее подробности

нападения на Тесс — она только что считала их с одежды. — Данте, если тебе что-нибудь понадобится, скажи нам. Мы с Габриэлкой сделаем все, чтобы помочь тебе.

Данте кивнул, продолжая вытирать кровь с тела Тесс. Он слышал, как женщины ушли и оставили его наедине с Подругой по Крови. Он не знал, как долго обмывал ее раны, возможно, несколько часов. Наконец Данте закончил и, устроив ее поудобнее, сам вытянулся рядом. Он лежал и смотрел на Тесс, искренне надеясь, что очень скоро она откроет глаза.

Мысли кружились в голове. Он думал о том, что скажет, когда Тесс придет в себя. Он скажет, что хочет, чтобы она всегда была в безопасности и чувствовала себя счастливой. Чтобы она жила вечно. С ним или без него — это как она сама решит. Он будет заботиться о ней, пока сможет, если... вернее, пока смерть не настигнет его. Но и потом Тесс останется под защитой Рода.

Господи, он что, действительно думает о будущем?

Строит какие-то планы?

Это ошеломило Данте: на протяжении столетий жил одним днем, для него не существовало «завтра», он привык к мысли, что в любую минуту может погибнуть, и потому никогда не думал о будущем. И вдруг одна-единственная женщина все перевернула в его жизни. Нет, конечно, он продолжал верить, что смерть подстерегает его где-то рядом, — видение не обманывало его, как не обманывало и его мать, — но неожиданно у него появилось сомнение.

Тесс пробудила в нем желание жить, каждую минуту проводить с ней. Скоро она придет в себя, и он расскажет ей о своих чувствах, о том, что она значит для него, и о кровных узах, которые связывают их.

Сколько времени нужно для того, чтобы его кровь поступила в каждую клеточку ее тела и начался процесс восстановления? И какое количество крови необходимо? По дороге в бункер Тесс проглотила всего несколько капель. Возможно, ей требуется больше.

Данте взял с тумбочки кинжал, сделал надрез на запястье и приложил свежую рану к губам Тесс, но она оставалась безучастной, струйка крови стекала мимо рта на подбородок. Данте громко выругался.

— Ну давай же, ангел, пей. — Он погладил Тесс по холодной щеке, убрал со лба прядь волос. — Пожалуйста, живи, Тесс... пей и живи.

У приоткрытой двери спальни кто-то смущенно кашлянул.

— Прости, дверь... э-э... была открыта.

Чейз. Черт его дери. Меньше всего Данте хотел видеть именно его. Воин был слишком занят Тесс — и своими чувствами, — чтобы отвлекаться на посторонних, тем более если этим посторонним был бывший агент. Данте полагал, что, получив хорошую взбучку от Лукана, этот ублюдок давно уже убрался в Темную Гавань. Или Лукан оставил Данте привилегию вздрючить агента?

— Убирайся, — прорычал Данте.

— Она пьет?

Данте усмехнулся:

— Ты что, Гарвард, не понял, что я тебе сказал? Мне не нужны зрители. И тебя я не хочу видеть.

Он снова прижал руку к губам Тесс, чуть раздвинув их пальцами в надежде, что несколько капель попадут ей в рот и она их проглотит. Но Тесс не проглотила. У Данте защипало глаза.

— Черт, — пробормотал он и вытер мокрую щеку о плечо. Его охватили растерянность и отчаяние.

Данте услышал за спиной шаги, Чейз подошел к кровати и протянул руку:

— Приподними ей голову, вот...

— Не прикасайся к ней!

Данте не узнал собственный голос — столько в нем было злости. Он повернул голову и встретился взглядом с Чейзом, в одно мгновение его клыки удлинились, а глаза вспыхнули янтарным огнем. Данте готов был защищать Тесс, и даже смерть не могла остановить его, и Чейз это понял.

Он отступил, примирительно поднимая руки:

— Прости, я не собирался тревожить ее. Я только хотел помочь. И извиниться.

— Не стоит. — Данте повернулся к Тесс, он чувствовал себя несчастным и очень хотел остаться один. — Мне от тебя ничего не нужно, Гарвард. Просто убирайся.

Надолго воцарилась тишина. Данте надеялся, что агент наконец-то ушел. Но нет.

— Данте, я понимаю, что ты чувствуешь.

— Неужели?

— Да, я думаю, теперь я понимаю значительно больше, чем раньше.

— Я рад за тебя. Чертовски рад, бывший агент Чейз. Отметь это в своем рапорте, может быть, твои друзья в Темной Гавани дадут тебе медаль в качестве признания твоих доблестных заслуг. Гарвард наконец-то чему-то научился.

Вампир сухо, но не злобно рассмеялся.

— Черт, я все понимаю. Я вам солгал. Я преследовал собственные, эгоистичные цели. Признаю, я был неправ. И я хочу, чтобы вы об этом знали, особенно ты, Данте. Я сожалею о том, что сделал.

Сердце Данте учащенно билось от страха за жизнь Тесс и от злости на Чейза, но он не набросился на агента, как ему того хотелось. Он слышал в его голосе раскаяние и смирение, что самому Данте было незнакомо, пока в его жизни не появилась Тесс.

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Сказать честно? Я вижу, как ты искренне заботишься об этой женщине. Волнуешься и боишься ее потерять. И делаешь все, чтобы спасти ее.

— Я убью за нее, — тихо произнес Данте. — Я умру за нее.

— Да, я знаю. Возможно, поэтому ты поймешь, что в такой ситуации можно схитрить, солгать, изменить своим принципам, сделать все, что угодно, пойти на любой риск.

Слушая признания Чейза, Данте нахмурился, презрение к агенту исчезло, и он обернулся, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Ты сказал, что у тебя нет женщины, нет семьи, нет никаких обязательств ни перед кем, кроме вдовы твоего брата...

Чейз слабо улыбнулся. На его лице отразилось все — и горечь, и страсть.

— Ее зовут Элиза, сегодня вечером ты видел ее у входа в Темную Гавань, когда вы с Тиганом приехали за мной.

Конечно, он должен был догадаться. У Данте возникли смутные подозрения, когда он увидел, с какой свирепостью Чейз отреагировал на действия Тигана. Как только возникла угроза женщине, он в мгновение ока лишился своей холодной сдержанности. У него был такой вид, словно он готов оторвать Тигану голову за одно только прикосновение к Элизе. Такое чувство собственности мало походило на обычную одностороннюю привязанность. Но судя по лицу Чейза, его чувства оставались без ответа.

— В любом случае, — снова заговорил агент, — я просто хотел... чтобы ты знал: я сожалею о своем поступке. Я готов помочь тебе и Ордену всем, чем могу. Если я понадобится, вы знаете, где меня найти.

— Чейз, — окликнул Данте направившегося к двери агента, — извинения приняты. Я тоже не всегда был справедлив к тебе. Несмотря на различия между нами, знай: я уважаю тебя. Уволив тебя, агентство потеряло хорошего сотрудника.

Чейз кивнул и криво усмехнулся.

Данте кашлянул, прочищая горло:

— А что касается помощи...

— Скажи, что надо.

— Тесс гуляла с собакой, когда на нее напали Отверженные. Обычная маленькая собачонка, ничего особенного, но Тесс ее очень любит. В некотором роде это мой подарок. Я видел ее в квартале от дома Салливана, у нее ошейник с поводком.

— К чему ты клонишь? Я должен найти эту собаку и привезти сюда?

— Ты ведь сам предложил помощь?

— Предложил, — усмехнулся Чейз. — Хорошо, я найду собаку.

Данте вытащил из кармана ключ от «порше» и передал его Чейзу. Агент снова направился к выходу.

— Между прочим, пес откликается на кличку Гарвард, — бросил ему вслед Данте.

— Гарвард, — медленно повторил Чейз и ухмыльнулся. — Не думаю, что это простое совпадение.

Данте пожал плечами:

— Согласись, приятно являться основателем собачьей родословной.

— Черт возьми, с первой минуты нашего знакомства ты не пропустил ни одной возможности вставить шпильку.

— Но по крайней мере, я добрый. Не дай бог тебе подойти слишком близко к мишени, в которую метит Нико, — можешь навсегда распрощаться со своим мужским достоинством.

— Засранец, — беззлобно пробормотал Чейз, — привезу тебе твоего заморыша, будь уверен. Больше ничего не хочешь мне сказать? А то я горю желанием по квитаться с тобой.

— Есть еще кое-что важное, — уже серьезно произнес Данте, задумавшись о Тесс. — Но об этом потом, когда вернешься. Договорились?

Чейз кивнул, уловив перемену в настроении Данте:

— Конечно.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Когда Чейз вышел из апартаментов Данте, в коридоре его ждал Гидеон.

— Ну как там? — спросил он.

— Она все еще без сознания, но в надежных руках. Данте готов на все, чтобы вернуть ее к жизни. А если воин решил что-то сделать, он обязательно это сделает.

— Это верно, — рассмеялся Гидеон. — Послушай, сегодня вечером я через спутник заснял кое-какую деятельность Отверженных. — Он включил портативный видеоплеер. — Большинство из них — парни из Темной Гавани. Взгляни, может быть, ты кого-нибудь узнаешь.

— Хорошо.

Чейз сосредоточил внимание на маленьком экране. Появилось изображение: ночь, промышленная окраина города, какое-то ветхое здание, из неприметной двери выходят четверо. По походке и телосложению Чейз сразу определил — вампиры. Но человек, которого они преследовали, даже не догадывался об этом.

Сжав зубы, Чейз смотрел, как юные вампиры из Темной Гавани быстро настигли человека. Атака была молниеносной и свирепой, они вели себя как кровожадные хищники, каковыми и являлись. Вампиры Рода никогда не совершают подобных нападений, так охотятся и убивают только Отверженные.

— Можешь остановить? — спросил он Гидеона, не желая больше видеть отвратительные кадры кровавого пиршества и не в состоянии сам отвести взгляд.

— Узнал кого-нибудь?

— Да, — ответил Чейз. Его обдало ледяным холодом, когда на экране крупным планом появилось злобное лицо Кэмдена. Во второй раз за ночь видеть лицо племянника и понимать, что

его не вернуть, было невыносимо. — Это юноши из Темной Гавани Бостона. Если хочешь, могу назвать их имена. Одного из них зовут Кэмден, он сын моего родного брата.

— О черт! — вырвалось у Гидеона. — Один из этих Отверженных твой племянник?

— Он стал употреблять «малину». Две недели назад ушел из дому и исчез. Я обратился за помощью к Ордену с единственной целью найти его и вернуть домой, но не успел.

Гидеон помрачнел:

— Ты же знаешь, все юноши на этом видео — Отверженные. Они неизлечимы, Чейз. Гиблое дело.

— Я знаю. Я видел Кэмдена сегодня вечером, когда мы с Данте и Тиганом приехали в квартиру наркодилера. Как только я взглянул ему в глаза, сразу понял, кто он. Эти кадры лишнее тому подтверждение.

Гидеон щелкал кнопками плеера.

— Наша политика в отношении Отверженных совершенно однозначна. Мы вынуждены так поступать. Прости, Чейз, но если во время патрулирования мы встретим кого-нибудь из них, тебе известно, что мы сделаем.

Чейз кивнул. Он знал, что никакие обстоятельства не могут повлиять на позицию Ордена, и после нескольких ночей патрулирования с Данте понимал, что эта позиция абсолютно оправданна и верна. Кэмден потерян, и теперь остается только ждать, когда Кровожадность приведет его к логическому концу: он погибнет либо в схватке с воинами, либо в результате собственных безрассудных действий.

— Я должен отправиться наверх и кое-что сделать для Данте, — сказал Чейз. — Вернусь через час и расскажу все, что знаю, чтобы помочь тебе вычислить этих Отверженных.

— Спасибо. — Гидеон похлопал его по плечу. — Жаль, что все так вышло. Я о твоём племяннике. В этой проклятой войне все мы кого-то теряем. И ничего с этим не поделаешь.

— Согласен, увидимся позже, — сказал Чейз и направился к лифту, который должен был доставить его в гараж.

Пока лифт поднимался на поверхность, Чейз думал об Элизе. Он все рассказал воинам, но Элиза до сих пор оставалась в тягостном неведении. Но она должна знать правду. Ее нужно подготовить к тому, что случилось с ее сыном и чем все это закончится. Чейз не сможет вернуть его домой. Теперь никто и ничто его не вернет. Правда убьет Элизу. Но лучше правда, чем мучительная неизвестность.

Чейз вышел из лифта и достал из кармана мобильный. Направляясь к «порше» Данте, он набрал номер Элизы. Она ответила почти мгновенно, в ее голосе прозвучали волнение и надежда.

— Алло? Стерлинг? С тобой все в порядке? Ты нашел его?

Чейз остановился и выругался про себя. Он молчал и не знал, что ответить. Не мог подобрать слов.

— Я... э-э... да, Элиза, Кэмдена видели сегодня ночью.

— О господи. — В трубке раздался всхлип, затем повисла пауза. — Стерлинг... он... прошу, скажи мне, что он жив.

Черт. Он не собирался говорить с ней на эту тему по телефону. Он намеревался предупредить, что едет и хочет кое-что сообщить, но Элиза не могла оставаться спокойной. Она отчаянно желала знать правду, и Чейз больше не в состоянии был ее скрывать.

— Элиза, новости не очень хорошие. — В трубке стояла неприятная, оглушительная тишина. Чейз начал излагать факты: — Кэма засекли сегодня ночью в группе Отверженных. Я сам видел его в доме наркоторгера, который занимался производством и распространением «малины». Элиза, Кэм в плохом состоянии. Он... господи, у меня язык не поворачивается сказать тебе это. Слишком поздно... Он заразился Кровожадностью и стал Отверженным.

— Нет, — после долгой паузы произнесла Элиза. — Я тебе не верю. Ты ошибаешься.

— К сожалению, я не ошибаюсь. Хотя очень хотел бы. Я видел его собственными глазами, а потом воины показали мне запись, съемка велась через спутник. Он вместе с другими юношами из Темной Гавани, которые тоже превратились в Отверженных, напал на человека прямо на улице.

— Я хочу видеть эту запись.

— Нет. Поверь, лучше тебе не...

— Стерлинг, послушай меня. Кэмден — мой сын. Он все, что у меня осталось. Если он сделал то, о чем ты говоришь, если он превратился в зверя и у тебя есть доказательства, я имею право увидеть это.

Чейз барабанил пальцами по капоту черного «порше», понимая, что воины не одобряют, если он привезет постороннюю женщину в бункер Ордена.

— Стерлинг? Ты меня слышишь?

— Да, слышу.

— Если тебе дорога память о брате, если ты хоть немного обо мне заботаешься, позволь мне увидеть сына.

— Хорошо, — сдался Чейз, успокаивая себя тем, что если он и согласился оказать ей столь сомнительную услугу, то, по крайней мере, будет рядом и сумеет подхватить ее, когда она упадет в обморок — У меня кое-какие дела на поверхности, потом я заеду за тобой в Темную Гавань, буду примерно через час.

— Хорошо, я жду.

Невероятно приятное тепло вернулось, Тесс ощутила его прилив сквозь окутывавший ее мрак. Все ее существо потянулось к этому теплу, его чудесному аромату и вкусу, который наполнял ее огнем. Сознание затуманивалось, оставались лишь тонкие ниточки света, словно ее тело медленно оттаивало, его клетки постепенно оживали после долгого холодного сна.

— Пей, — уговаривал ее тихий низкий голос.

И она послушно и жадно пила, тепло проникало внутрь, и начиналось пробуждение, оно зарождалось в кончиках пальцев рук и ног и электрическими разрядами пронизывало все тело.

— Молодец, Тесс, сделай еще глоток. Пей, ангел.

Она пила и не могла остановиться, даже если бы захотела. Казалось, с каждым глотком ее жажда только усиливается, словно в ее недра поступало горючее, которое поддерживало разгорающийся огонь. Тесс чувствовала себя младенцем, припавшим к материнской груди, — слабым и беззащитным, нуждающимся в единственно доступной ему пище, от которой зависит сама жизнь.

И ей давали эту пищу. Она приблизилась к самой границе, за которой — смерть, возможно, даже пересекла эту границу, но тепло, этот темный эликсир, вернул ее назад.

— Еще, — прохрипел ее голос. По крайней мере, ей казалось, что она произнесла это слово. Голос был какой-то далекий и слабый. — Еще...

Тесс содрогнулась, когда тепло вдруг исчезло «Нет!» — в панике подумала она. Он покинул ее. Ее ангел-спаситель покинул ее, вместе с ним она лишилась эликсира жизни. Тесс слабо застонала, из последних сил протягивая непослушные руки.

— Данте...

— Я здесь. Я с тобой.

Страх отпустил, когда она ощутила рядом с собой что-то большое и теплое. Она почувствовала сильную руку, приподнявшую ее голову. Теперь голос звучал ближе. Тесс ощутила губами упругую шею и еще что-то влажное и теплое.

— Иди сюда, Тесс, пей мою кровь. Возьми столько, сколько тебе нужно.

Пить его кровь? Часть ее затуманенного сознания слабо отвергала это невероятное, недопустимое предложение, но та его часть, которая беспомощно барахталась во мраке, с отчаянием ухватилась за этот шанс. Губы Тесс зашевелились, принимая то, что Данте предлагал ей.

Она сделала большой, жадный глоток, наполняясь живительной силой.

О черт!

Как только Тесс припала к его шее, все тело Данте напряглось подобно туго натянутой тетиве лука. Жадные движения ее губ, соблазнительные прикосновения языка, судорожные глотки — все это вызвало у него мгновенную и очень сильную эрекцию. Данте никогда не испытывал ничего подобного. Впервые жизни он давал свою кровь. Данте всегда брал — ради насыщения или ради удовольствия, но никогда прежде не имел дела с Подругой по Крови.

С женщиной, которая волновала его так, как Тесс.

И то, что она пила его кровь, повинуюсь инстинкту, потому что сейчас только это могло вернуть ее к жизни, действовало на него крайне возбуждающе.

Невероятно, но это оказалось самой эротичной лаской, буквально сводящей его с ума. Со стоном Данте вцепился в шелковые простыни.

Руки Тесс, державшиеся за его плечи, начали судорожно сжиматься в такт глоткам, и мышцы его тела непроизвольно откликнулись. Данте чувствовал, как с каждой минутой к Тесс возвращается жизнь. Ее дыхание стало глубже и ровнее.

Нараставшая в ней энергия действовала на Данте как афродизиак. От него потребовались огромные усилия, чтобы не сжать ее в объятиях и не удовлетворить собственные потребности.

— Пей, Тесс, — подбадривал Данте, ощущая, как под напором жажды и страсти удлинились его клыки. — Не останавливайся. Это все тебе. Только тебе.

Она придвинулась к нему ближе, ее упругие груди прижимались к его груди, ее бедра... Господи, они, повинаясь инстинкту, волнообразно двигались в такт глоткам. Данте перевернулся на спину и лежал насколько мог неподвижно, сердце колотилось, он закрыл глаза, отдавшись изощренному, мучительному наслаждению.

Данте не отличался сдержанностью и самообладанием, но ради Тесс мог терпеть эту муку хоть всю ночь. И он получал от этого удовольствие, хотя собственная неутоленная страсть терзала и разрывала его на части.

Он лежал, впитывая каждое движение ее тела каждый тихий стон, который она издавала.

Так могло продолжаться бесконечно долго, если бы Тесс, не отрывая губ от шеи, не забралась на него. Ее волосы упали ему на грудь, тело, уже теплое, соблазнительно двигалось. Данте выгнулся, приподнимаясь.

Тесс ногами обхватила его бедра, как будто они обнаженные занимались любовью. Даже сквозь спортивные брюки Данте чувствовал жар ее тела. Ее трусики были мокрыми от возбуждения, ее аромат дурманил Данте.

— Господи, — выдохнул он, хватаясь руками за спинку кровати.

Тесс двигалась все быстрее, ее тупые человеческие зубы впивались ему в шею, а рот работал, всасывая кровь с невероятной жадностью. Данте чувствовал, что она приближается к оргазму. Они кончили почти одновременно. Данте казалось, что сладостные конвульсии будут длиться вечно, пока Тесс находится сверху, погруженная в глубокий фантастический сон.

Наконец Данте отпустил спинку кровати и обнял обмякшую Тесс. Ему хотелось войти в нее, ему это было необходимо, как воздух. Но сейчас она казалась такой хрупкой, что он не мог себе этого позволить. Теперь ее жизни ничто не угрожает, и все у них еще будет.

Обязательно будет.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Тесс медленно просыпалась, она вынырнула из темной глубины на поверхность, и волна несла ее к желанному берегу. Тесс вдохнула и почувствовала прохладный воздух, наполнивший легкие. С трудом разомкнула веки, отяжелевшие как после долгого сна.

— Привет, ангел, — где-то над ухом раздался знакомый низкий голос.

Тесс подняла взгляд и увидела Данте. Он с улыбкой смотрел на нее. Данте провел рукой по ее лбу, убирая с лица влажные пряди волос:

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — ответила Тесс, хотя ее ощущения были гораздо прекраснее. Она лежала на широкой кровати, застланной шелковыми простынями, в объятиях Данте. — Где мы?

— В безопасном месте — моей спальне. Здесь тебя никто не тронет и не сделает ничего плохого.

Тесс слушала заверения Данте с каким-то беспокойством, что-то смущало ее — неприятное, отдающее холодом. Страх. Сейчас она ничего и никого не боялась, но страх окутывал ее невидимым туманом, от которого по телу бежали колкие мурашки.

Совсем недавно она чего-то сильно испугалась, смертельно испугалась.

Тесс потрогала шею, прикосновение поразило, как удар молнии, ослепительная вспышка воспоминаний: безобразные лица с горящими янтарным огнем глазами, оскаленные пасти с огромными острыми клыками.

— На меня напали, — пробормотала Тесс, еще не вполне оценив картину, возникшую в памяти. — Они подошли ко мне на улице, окружили и... напали. Двое потащили меня, и они...

— Я знаю, — тихо сказал Данте, убирая ее руку с шеи. — Но теперь с тобой все в порядке. Все позади, и тебе нечего бояться.

В голове проносились смутные воспоминания. Она подошла к дому Бена, догадалась, что в его квартире кто-то есть, потом на балконе появились крепкие парни — если, конечно, это вообще были люди, — они спрыгнули на землю и погнались за ней. Их ужасные лица, сильные руки, схватившие ее... Незнакомцы притащили ее в какое-то темное место, где все и началось.

Тесс вспомнила охвативший ее в тот момент ужас. Один держал ее за руки, второй навалился всем своим мускулистым телом. Она подумала, что ее собираются изнасиловать, возможно, вначале избьют, но все оказалось гораздо ужаснее.

Они вцепились в нее зубами.

Как дикие звери, они прижали ее к полу заброшенного сарая, вонзили клыки: один в шею, другой в руку — и начали пить ее кровь.

Тесс была уверена, что умрет, но случилось чудо — появился Данте. Он убил монстров, она этого не видела, но чувствовала. Лежа на грязном полу, задыхаясь от запаха собственной крови, Тесс чувствовала присутствие Данте, его испепеляющую ярость, заполнившую все тесное пространство сарая.

— Ты... ты тоже был там, Данте. — Тесс приподнялась и села, ее тело было крепким и сильным, никакой боли, словно чудовища и не терзали ее вовсе. Голова казалась ясной, как будто Тесс только что пробудилась после глубокого, здорового сна. — Ты нашел меня там. Ты спас меня, Данте.

На его лице появилась неуверенная улыбка, словно ему сделалось неловко от ее благодарности. Но он обнял ее и нежно поцеловал в губы.

— Ты жива, и это — главное.

Тесс крепко обхватила его руками, странным образом чувствуя себя с ним одним целым. Их сердца бились в унисон, его тепло проникало в ее тело и согревало изнутри. Она чувствовала глубинную связь с ним, очень сильную, это были какие-то особые, ни с чем не сравнимые ощущения. Они ошеломили Тесс.

— Сейчас, когда ты проснулась, — прошептал Данте ей в самое ухо, — тебе нужно кое с кем встретиться. Он ждет тебя в гостиной.

Прежде чем она успела что-либо сказать, Данте отпустил ее, встал с кровати и направился в гостиную. Тесс проводила его взглядом, восхищаясь игрой крепких мышц и сексуальными татуировками на его плечах и спине, они завораживающе двигались с каждым его шагом. Данте скрылся за дверью, и оттуда кто-то жалобно заскулил. Тесс мгновенно узнала.

— Гарвард! — воскликнула она, когда Данте вернулся в спальню с терьером на руках. Собака восторженно виляла хвостом и рвалась к Тесс. — Ты и его спас?

Данте кивнул:

— Когда я искал тебя, я увидел его бегающим по улице. После того как я привез тебя сюда, я попросил разыскать этого потеряшку.

Данте опустил Гарварда на кровать, и тот мгновенно бросился облизывать Тесс руки и лицо. Она обхватила и прижала собаку к себе, радуясь, что Гарвард не пропал бесследно на улицах Южного Бостона.

— Спасибо, — улыбаясь, сказала Тесс. На ее глазах выступили слезы. — Я должна признаться, что по уши влюблена в это пушистое чудо.

— Ему повезло, — проворчал Данте. Он присел на край кровати, наблюдая за Гарвардом, выражавшим Тесс свою безмерную привязанность. Лицо Данте сделалось серьезным, а взгляд сосредоточенным. — Тесс... нам нужно поговорить. Я, сам того не желая, втянул тебя во все это. После того, что с тобой случилось, ты должна знать, почему это произошло.

Молча кивнув, Тесс отпустила Гарварда и недоуменно посмотрела на Данте. Отчасти она догадывалась, о чем пойдет разговор, — о сверхъестественном. Этой ночью привычные вещи вдруг предстали перед ней с совершенно неожиданной стороны.

— Кто это был, Данте? Те парни, что напали на меня. Они отличались от обычных людей. Кто они?

— Ты права, они не люди, это очень опасные существа, пораженные Кровожадностью. Мы называем их Отверженными.

— Пораженные Кровожадностью? — У Тесс все внутри перевернулось. Она посмотрела на свое разодранное запястье, рана начала затягиваться. — Господи, так они пили мою кровь? Поверить в это не могу. Ведь это делают только вампиры.

Данте молчал и не сводил с нее пристального, неморгающего взгляда.

— Но вампиров не существует, — твердо заявила Тесс. — В нашем мире их нет.

— Они существуют, Тесс, но только не в том облике, в котором люди привыкли их представлять. Это не мертвецы, по ночам встающие из гробов, а особый тип живых существ. Те, что напали на тебя, — худшие из них. Они лишились разума и потеряли способность управлять своими инстинктами. Они убивают без разбора и будут продолжать это делать, если их не остановить. Именно этим я и мои товарищи занимаемся, и место, где мы сейчас находимся, — наш бункер. Отсюда мы ведем наблюдение за Отверженными. Каждую ночь мы отправляемся в рейды и уничтожаем их, пока они не превратились в самую страшную чуму, с которой только сталкивались люди.

— Ну, продолжай! — Тесс снисходительно усмехнулась. Она, разумеется, не верила всей этой возмутительной глупости, но не находила ни одного разумного аргумента, чтобы возразить Данте, тем более что он говорил так серьезно и искренне. — Ты хочешь сказать, что вы — убийцы вампиров?

— Я — воин. Сейчас идет война, Тесс, и «малина» — мощное оружие в руках Отверженных.

— Малина? Что это?

— Наркотик, которым Бен Салливан торговал в течение нескольких месяцев. Этот наркотик усиливает жажду крови и отключает систему самоконтроля. Он создает убийц, которые на тебя напали.

— А Бен, он знал об этом? Поэтому вы приехали к нему той ночью?

Данте кивнул:

— Он сказал, что какие-то неизвестные люди договорились с ним о производстве и распространении этого наркотика. Но мы подозреваем, что это были Отверженные.

— А где сейчас Бен?

— Не знаю, но намерен это выяснить.

Данте сказал это так холодно и жестко, что Тесс начала беспокоиться за Бена.

— Те парни, Отверженные... которые... напали на меня, они что-то искали в квартире Бена.

— Да. Вероятно, искали его, хотя мы в этом не уверены.

— Кажется, я знаю, что они хотели там найти.

— Откуда? — Данте нахмурился.

— Где мой жакет? — Тесс окинула взглядом спальню, но своей одежды не увидела. На ее теле, укрытом простыней, было лишь нижнее белье. — В моей клинике, в одной из смотровых, Бен кое-что спрятал. Флэшку.

— Что на ней?

— Не знаю. Я не успела посмотреть. Она в кармане жакета...

— Черт. — Данте поднялся. — Я скоро вернусь. Ты побудешь одна несколько минут?

Тесс кивнула, она пыталась осмыслить все, что с ней случилось и что она услышала от Данте,— невероятное, неправдоподобное, что перевернуло ее представления о, казалось бы, хорошо знакомом ей мире.

— Данте?

— Да?

— Спасибо за то... что спас меня.

В его глазах цвета виски мелькнуло нечто, смягчившее суровые черты лица. Данте подошел к кровати, положил руку ей на затылок и развернул к себе. Его поцелуй был сладким и нежным.

— Веди себя хорошо, ангел, я скоро вернусь.

Элиза оперлась рукой о стену коридора, ноги у нее подкашивались. Другую руку она прижала к животу, пытаясь справиться с жестоким приступом тошноты.

Элиза вышла из технической лаборатории в состоянии шока, в смятении помчалась прочь по лабиринту коридоров и теперь совершенно не представляла, где находится. Но знала, что нужно побыстрее выбраться отсюда.

Однако как убежать от того, что она увидела?

Стерлинг предупреждал, что сделанная через спутник видеозапись малоприятна. И Элиза думала, что готова к этому. Но смотреть на то, как ее сын в компании Отверженных раздирает человека, оказалось выше ее сил. Этот чудовищный, леденящий душу кошмар будет преследовать ее до конца дней.

Прислонившись спиной к стене, Элиза медленно сползла на пол. Она не могла больше сдерживать рыдания. К боли примешивалось чувство вины. Она не смогла уберечь Кэмдена. Она слишком верила, что он добрый и сильный мальчик, и упустила из виду его природную слабость — склонность к тому омерзительному, что с ним приключилось.

Ее сын не может быть тем кровожадным чудовищем, которое она только что видела на экране компьютера. Он, должно быть, где-то прячется, и его еще можно спасти. Он по-прежнему добрый и веселый мальчик.

— С тобой все в порядке?

Низкий мужской голос заставил Элизу вздрогнуть, она подняла заплаканное лицо. Сквозь небрежно свисавшие пряди волос на нее смотрели зеленые глаза того самого вампира, который сегодня вечером держал ее железной хваткой, когда она пыталась помочь Стерлингу.

— Ты ранена? — спросил он Элизу, продолжавшую беспомощно сидеть на полу.

С непроницаемым лицом он подошел к ней. На нем были свободные джинсы и полностью расстегнутая белая рубашка, обнажавшая мускулистый торс. От низа живота до плеч тянулись восхитительные дермаглифы. По их сложному рисунку и интенсивному цвету легко было догадаться, что этот воин принадлежит к первому поколению Рода, а значит, является одним из

самых агрессивных и сильных вампиров расы. ПИ осталось совсем немного, и за долгие годы жизни в Темной Гавани Элиза впервые видела одного из них.

— Я — Тиган, — сказал вампир и протянул руку, чтобы помочь ей встать.

Элиза колебалась. Несколько часов назад эти крепкие руки держали ее за плечи и талию, и после она еще долго ощущала на себе жар его прикосновений, будто на теле остались легкие ожоги.

Ухватившись за стену, Элиза поднялась и вытерла мокрое от слез лицо.

— Элиза, — вежливо кивнула она. — Я невестка Стерлинга.

— Недавно овдовела? — спросил Тиган, чуть склонив голову набок и пронзительно глядя на нее, словно проникая в каждую клеточку тела.

— Пять лет назад, — ответила Элиза, теребя край алого пояса.

— Все еще скорбишь?

— Я до сих пор люблю его.

— Сочувствую, — сказал Тиган совершенно ровным тоном, с таким же бесстрастным лицом, как и прежде. — И сочувствую, что ты потеряла сына.

Элиза опустила глаза, она еще не была готова принимать соблезнования, по-прежнему надеясь, что Кэмдена можно вернуть.

— В этом нет твоей вины. Не ты сделала его таким. И ты не могла его остановить.

— Что? — ошеломленно пробормотала Элиза. Некоторые ПИ обладали даром читать мысли, но она не почувствовала со стороны Тигана никакого вторжения в свое сознание. Только очень слабые люди не замечали этого. — Откуда ты?..

Она догадалась раньше, чем успела закончить вопрос. Вот почему она почувствовала странное смятение в тот момент, когда он схватил ее. Вот почему после так долго ощущала жар его рук. Он прочел ее как книгу, раздел донага помимо ее воли.

— Прости, — сказал Тиган, — но это происходит непроизвольно, я не могу это контролировать.

Элиза слабо улыбнулась, преодолевая замешательство. Она отлично понимала, что значит жить с подобным проклятием. Она сама превратилась в узницу Темной Гавани, потому что за ее пределами не могла выносить обрушивавшийся шквал негативных людских мыслей.

Но, несмотря на схожую беду, она не почувствовала себя комфортнее в обществе этого воина. Мысли о Кэмдене, о том, что он делает на улицах города, превратившись в Отверженного, заставляли ее искать уединения.

— Мне нужно идти, — сказала Элиза, обращаясь скорее к самой себе, нежели к Тигану. — Я должна... мне нужно выбраться отсюда. Я больше не могу здесь оставаться.

— Ты хочешь вернуться домой?

Элиза пожала плечами, затем кивнула, совершенно не понимая, чего она на самом деле хочет.

— Куда угодно, лишь бы подальше, — прошептала она.

Моментально приблизившись, так что Элиза не ощутила даже колебаний воздуха, Тиган сказал:

— Я отвезу тебя.

— Нет, нет, я не это имела в виду...

Она повернула голову в сторону лаборатории, раздумывая, не следует ли разыскать Стерлинга. Элиза совершенно не была уверена, что ей стоит находиться в обществе этого воина, а уж тем более куда-либо ехать с ним.

— Ты боишься, что я укушу тебя, Элиза? — лениво спросил Тиган. Уголки его чувственных губ насмешливо изогнулись — первый признак наличия у него каких-либо эмоций.

— Уже поздно, — сказала она, пытаясь найти повод, чтобы вежливо отказаться. — Скоро рассвет.

Я не хочу, чтобы ты рисковал попасть под солнечные лучи.

— В таком случае я прибавлю скорость. — Улыбка Тигана не оставляла сомнений в том, что ему известно о ее желании отделаться от него и он не намерен уступать. — Пойдем отсюда.

Странно, но, когда он протянул руку, Элиза колебалась всего лишь секунду, прежде чем в ответ протянуть свою.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Данте ушел всего несколько минут назад, но Тесс уже охватило волнение. Ее мучило множество вопросов, по телу пробегала нервная дрожь.

Горячий душ в просторной ванной комнате помог ей немного успокоиться, приятно освежила и чистая одежда, которую Данте оставил для нее в спальне. Гарвард, свернувшись клубком на кровати, наблюдал, как она, натянув бежевые брюки и темно-коричневую рубашку, присела на край кровати, чтобы обуться.

Пятна крови и потертости на туфлях живо напомнили ей о нападении. Данте убедил ее в том, что это совершили некие существа, зараженные Кровожадностью.

Вампиры.

Нелепо и смешно сваливать все на фольклорных персонажей, здесь должно быть иное, логическое объяснение. Тесс не могла смириться с мыслью о существовании вампиров, но ее собственный опыт служил неопровержимым тому доказательством. Она своими глазами видела, как тот, что напал на нее первым, прыгнул с балкона третьего этажа и плавно, пружинисто, как кот, приземлился на асфальт. Они преследовали ее, передвигаясь бесшумно и быстро, словно призраки. Они вцепились в нее зубами, подобно бешеным псам, прокусили вены и пили кровь.

Настоящие вампиры, если верить словам Данте.

Но, слава богу, она спасена, она в доме Данте. Тесс окинула взглядом большую спальню, обставленную просто, даже с некоторым аскетизмом: темная мебель с четкими линиями — без декора и завитушек, чисто мужской вкус. Исключение составляла огромная, застланная черными шелковыми простынями кровать с пологом на четырех столбиках, занимавшая большую часть пространства.

В гостиной обстановка была схожая — удобная, без излишней вычурности, отражавшая характер хозяина. Достаточно уютно, но почему-то домом назвать это было трудно. Окна отсутствовали, вместо них — фотографии в рамках и картины современных художников. Данте назвал это место бункером, и Тесс захотелось узнать, что это означает.

Она вышла в прихожую, выложенную кафелем, а оттуда, исполненная живого любопытства, выглянула в коридор — белизна мрамора ослепила ее. Тесс посмотрела в одну сторону, затем в другую — пустой длинный туннель из полированного камня. На белом полу черным обсидианом были выложены какие-то символы, сплетенные в сложный геометрический узор, необычный и завораживающий. Некоторые символы совпадали с татуировками на теле Данте.

Тесс нагнулась, чтобы получше рассмотреть узор на полу. Она так увлеклась, что не видела, как Гарвард следом за ней вышел в коридор. Тесс заметила его только тогда, когда терьер засеменил вглубь белого туннеля.

— Гарвард, вернись! — позвала Тесс, но собака бежала вперед и вскоре скрылась за поворотом.

Черт.

Тесс секунду колебалась, взглядом оценивая пустой коридор, затем пустилась догонять пса. Она свернула за угол, потом еще раз. Как только Тесс наклонялась, чтобы схватить Гарварда, он ловко уворачивался и мчался дальше по лабиринту, словно играя с ней.

— Гарвард, маленький проказник, почему ты такой непослушный? Сейчас же остановись! — яростно прошипела Тесс, но бесполезно, пес словно не слышал ее.

Тесс начала сердиться на него. Она не была уверена, что ей стоит шататься по коридорам одной. Тесс не сомневалась, что повсюду расставлены видеокамеры, которые следят за каждым ее шагом.

На стенах отсутствовали какие-либо указатели, так что Тесс не знала, где находится и куда ей идти. То, что Данте назвал своим домом, скорее походило на оснащенное по последнему слову техники секретное агентство. И это вполне соответствовало рассказам Данте о войне с чудовищными кровососами.

Тесс последовала за Гарвардом, скрывшимся за очередным поворотом, и оказалась в еще одном белом туннеле. Наконец на пути пса возникло препятствие — коридор упирался в двустворчатые двери с квадратными вставками из матового стекла на уровне глаз.

Тесс осторожно приблизилась, стараясь не напугать собаку, кроме того, она не знала, что может скрываться за таинственными дверями. Вокруг не было ни души, куда ни глянь — белый мрамор. В воздухе витал легкий запах антисептика, источник находился где-то рядом. Тесс

слышала тихое электрическое попискивание медицинского оборудования и еще какой-то ритмичный металлический лязг, природу которого определить не могла.

«Наверное, здесь медицинское отделение», — решила Тесс. Все было очень стерильно, хотя никаких табличек с именами пациентов или суетящегося персонала Тесс не видела.

— Иди сюда, маленький негодник, — пробормотала она, наклоняясь за Гарвардом, обнюхивавшим двери.

Подхватив его одной рукой и прижимая к себе, другой Тесс толкнула створку двери и заглянула внутрь. Там царил уютный полумрак, по обеим сторонам коридора располагались закрытые двери. Тесс сделала несколько шагов внутрь.

Почти сразу она увидела источник электрического попискивания — на стене слева находилась цифровая панель, почти все индикаторы были темными, за исключением нескольких внизу. Панель напоминала аппарат ЭКГ, хотя такого Тесс никогда раньше не встречала. Из дальней комнаты доносился странный металлический лязг.

— Эй? Здесь есть кто-нибудь? — тихо позвала Тесс.

И сразу же все звуки стихли, включая те, что издавала настенная панель. Тесс бросила на нее взгляд как раз в тот момент, когда погасли и нижние индикаторы, будто кто-то в комнате отключил аппарат.

Тесс стало не по себе. Гарвард занервничал и заскулил, вырвался и побежал назад в коридор. Неприятное чувство охватило ее, и она поспешил вслед за псом, в тревоге оглядываясь на ряд закрытых дверей. Неожиданно Тесс ощутила порыв холодного ветра.

— Черт, — прошептала она, не на шутку испугавшись.

По-прежнему глядя назад, она протянула руку, чтобы толкнуть створку двери, и наткнулась на что-то теплое и неподвижное. Тесс испытала настоящий шок, когда, резко повернув голову, увидела изуродованное шрамами лицо и грудь стоявшего перед ней высокого широкоплечего мужчины.

Нет, это был не мужчина.

Монстр с огромными клыками и горящими глазами, похожий на тех, что напали на нее у дома Бена.

Вампир.

Воспоминания замелькали у нее перед глазами: пятна света от фонарей на асфальте, темный переулок, заброшенный сарай. Сильные руки хватают ее, валят на пол; острые клыки впиваются в тело; по-звериному урча и чмокая, из нее высасывают кровь. Она чувствует, что умирает.

Но неожиданно в памяти Тесс возникла другая сцена — склад в ее клинике, высокий черноволосый мужчина лежит на полу, истекая кровью. Он умирает от ран. Она протягивает к нему руку...

Нет, это не воспоминания... Этого никогда не происходило с ней. Разве могло такое случиться?

У Тесс не было возможности сложить эти обрывки в целостную картину. Вампир, загородивший выход, смотрел на нее горящими яростью глазами, белые клыки угрожающе поблескивали, они были достаточно большими, чтобы разодрать ее в клочья

Данте стоял в кабинете Гидеона и ждал новостей о флэшке, которую Саванна нашла в кармане жакета Тесс.

— Ги, думаешь, тебе удастся расшифровать, что там?

— Это что — шутка? — с преувеличенно сильным английским акцентом спросил Гидеон и покосился на Данте. Он вставил флэшку в гнездо, и его пальцы замелькали над клавиатурой. — Я взломал коды ФБР, ЦРУ и Разведывательного отдела Рода, а также прочие базы данных, какие только существуют в мире. А с этим справиться — плевое дело.

— Отлично. Потом сообщишь, что там. А мне нужно идти, я оставил Тесс одну...

— Не спеши, — остановил его Гидеон, — все почти готово, займет еще минут пять. На спор — сделаю за две минуты тридцать секунд.

Саванна в темно-синих джинсах и черном свитере, сидевшая на краю антикварного резного стола красного дерева, закатила глаза и улыбнулась:

— Ты знаешь, он любит производить впечатление.

— С ним нельзя спорить, он всегда выигрывает, — проворчал Данте.

— Можешь представить, каково мне, — рассмеялась Саванна.

— Жаль, что ты не умеешь считывать информацию с компьютерных штук одним прикосновением, тогда этого парня можно было бы послать подальше, — сказал Данте.

— Увы, — притворно тяжело вздохнула Саванна, — психометрия такими возможностями не обладает. По крайней мере, я — точно. Я могу сказать, во что Бен Салливан был одет и в каком настроении пребывал, когда переносил информацию на флэшку, могу описать комнату, где это происходило, но определить, что записано на флэшке, не могу. Приходится надеяться на Гидеона.

Данте пожал плечами:

— Стоит признать, что нам сильно повезло.

Сидевший за компьютером Гидеон в последний раз пробежал пальцами по клавиатуре, откинулся на спинку стула и заложил руки за голову.

— Готово. Одна минута сорок девять секунд, если быть абсолютно точным.

Данте подошел поближе и посмотрел на экран:

— Ну и что мы имеем?

— Графики, схемы, фармацевтические таблицы, — Гидеон щелкнул мышкой, открывая один из файлов. — Похоже на описание каких-то химических опытов. Никому не нужен рецепт «малины»?

— Господи, неужели?

— Уверен на все сто,— Гидеон нахмурился и открыл еще несколько файлов,— Но, знаешь, здесь сохранены две формулы. Какая из них настоящая, затрудняюсь сказать. Надо раздобыть все препараты и проверить.

Данте провел рукой по волосам и принялся ходить по комнате. Ему очень хотелось узнать как можно больше о формулах на флэшке Салливана, но в то же время Данте торопился вернуться в свои апартаменты. Он ощущал беспокойство Тесс. Кровные узы связали их так прочно, что они стали одним целым, и он чувствовал ее, как самого себя.

— Как она? — спросила Саванна, очевидно догадавшись о его состоянии.

— Лучше, — ответил Данте,— Она пришла в себя восстанавливается. Физически она в порядке. А что касается всего остального... Я попытался начать разговор, но он очень смутил ее.

Саванна кивнула:

— Не удивительно. Это ошеломит любого человека. Когда Гидеон все рассказывал мне, я смотрела на него как на безумца.

— Ты до сих пор считаешь меня безумцем, любимая. В этом секрет моего обаяния. — Гидеон, не отрываясь от клавиатуры, потянулся и сделал вид, что кусает ее за бедро.

Нежно оттолкнув его, Саванна встала и подошла к Данте, протаптывавшему тропинку в ковре:

— Может быть, Тесс голодна? У меня на кухне готовится завтрак для нас с Габриэлкой. Если хочешь, я могу что-нибудь приготовить и для Тесс, а ты отнесешь.

— Отлично! Спасибо, Саванна.

Господи, ему даже в голову не пришло, что Тесс может хотеть есть. Замечательным партнером он себя показал! Он и о себе-то не особенно заботился, а теперь еще надо было думать о Подруге по Крови с ее человеческими нуждами, о которых он не имел никакого представления. Еще вчера эта перспектива испугала бы его, а сейчас казалась даже приятной. Он хотел оберегать Тесс, сделать ее счастливой, баловать, как принцессу.

Впервые за долгую жизнь у Данте появилось чувство, что он наконец-то обрел настоящую цель. И хоть она не была связана со служением Роду, но являлась столь же возвышенной и праведной. Она делала его настоящим мужчиной.

Данте даже стало казаться, что эта кровная связь — любовь, которую он испытывал к Тесс, — сильна настолько, что может спасти его от настойчиво преследовавшей смерти. У него появилась надежда, что с Тесс он сумеет победить свое проклятие.

Но не успел Данте насладиться этой мыслью, как электрическим разрядом его пронзил отчаянный крик. Данте похолодел, хотя ни Саванна, ни Гидеон ничего не заметили и не почувствовали.

Новый разряд заставил его содрогнуться.

— О господи, Тесс!

— Данте, что случилось? — с тревогой спросила Саванна, остановившись на полпути к кухне.

— Тесс, — произнес Данте, полностью сосредоточиваясь на ней, пытаясь определить, где она находится. — Она где-то в бункере... кажется, в лазарете.

— Сейчас я найду ее через систему наблюдения. — Гидеон постучал по клавишам, и на мониторе появилось изображение. — Да, вот она, Ди. Она столкнулась с Рио, он загнал ее в угол...

Не дослушав Гидеона, Данте побежал по коридору. Ему не нужно было смотреть на экран, чтобы узнать, где сейчас Тесс и что ее напугало. Отлично ориентируясь в системе коридоров бункера, Данте выбрал самый короткий путь к медицинскому крылу и несясь со сверхъестественной вампирской скоростью.

Он услышал голос Рио еще до того, как оказался у дверей лазарета.

— Я задал тебе вопрос, женщина. Какого черта ты здесь шатаешься? Что тебе нужно?

— Отойди от нее! — закричал Данте, распахивая двери и надеясь, что ему не придется драться с Рио. — Отойди от нее немедленно.

— Данте! — задыхаясь, закричала Тесс. Она была бледна и дрожала всем телом.

Рио, упираясь руками в стену, удерживал ее в ловушке, исходившая от него злоба обжигала даже на расстоянии.

— Отпусти ее! — потребовал Данте.

— Данте, берегись, он убьет тебя!

— Не убьет, Тесс. Все в порядке. Не беспокойся.

— Этой женщине здесь не место, — прорычал Рио.

— Ты ошибаешься. Отойди от нее.

Рио повернул голову и посмотрел на Данте. В нем трудно было узнать прежнего Рио, трагедия изуродовала его и физически, и психически. Некогда красивое лицо испанца, с которого редко сходила соблазнительная улыбка, было обезображено ужасными шрамами. Изысканный юмор сменила безграничная ярость.

Данте, стараясь не замечать шрамов, смотрел ему прямо в глаза, они горели как у безумного, как у Отверженного, так что даже Данте стало не по себе.

— Я сказал, отойди, — прорычал он. — Это моя женщина. Ты слышишь, моя.

Во взгляде Рио мелькнуло понимание и раскаяние. Тяжело дыша, он убрал руки, освобождая Тесс путь.

— Тесс, все хорошо, иди ко мне, — позвал Данте.

Она прерывисто выдохнула, но не могла сдвинуться с места.

Данте протянул ей руку:

— Иди ко мне, ангел. Тебе ничего не угрожает. Все в порядке.

Собрав оставшиеся силы, Тесс проскользнула мимо Рио и схватила руку Данте. Он притянул ее к себе и радостно сжал в объятиях.

Рио привалился спиной к стене и сполз на пол. Данте немного расслабился, но Тесс продолжала дрожать, хотя Рио больше не представлял для нее опасности и сам нуждался в помощи.

— Побудь здесь, я помогу Рио добраться до постели...

— Ты с ума сошел? Данте, нам нужно бежать отсюда. Он нам обоим разорвет горло!

— Нет, этого не случится. — Не сводя глаз с Тесс, Данте подошел к Рио. — Он не тронет ни тебя, ни меня. Он просто не знал, кто ты. С ним случилось несчастье, в этом была виновата женщина, поэтому у него такая реакция. Поверь, он не чудовище.

Тесс смотрела на Данте как на сумасшедшего.

— Данте, у него клыки... и глаза горят! Он такой же, как и те, что напали на меня...

— Нет, он выглядит так, потому что его охватила ярость и он страдает от боли. Его зовут Рио, и он, как и я, воин Рода.

— Вампир, — срывающимся голосом произнесла Тесс — Он вампир...

Черт возьми, Данте не хотел, чтобы Тесс узнала правду таким образом. Видит бог, он собирался деликатно рассказать ей о мире, к которому принадлежит, объяснить, что ей не надо бояться и что она как Подруга по Крови, тоже часть этого мира.

И единственная женщина, которая ему нужна.

Но все открылось неожиданно, и сейчас Тесс смотрела на него расширенными от удивления и страха глазами, умоляя пролить свет на происходящее.

— Да, Тесс, — нехотя произнес Данте, — Рио вампир. И я тоже.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

У Тесс сердце оборвалось.

— Что? Что ты сказал?

Данте смотрел на нее слишком серьезно и слишком спокойно.

— Да, я — вампир и воин Рода.

— Господи, — простонала Тесс, на ее лице появилась гримаса ужаса и отвращения.

Она не хотела верить. Данте не был похож ни на тех чудовищ, что напали на нее, ни на монстра, который, скрючившись, словно от боли, лежал на полу. Но ровный, не вызывающий сомнений тон Данте убеждал ее в том, что это правда. Возможно, впервые со дня их знакомства он наконец-то был с ней абсолютно честен.

— Ты лгал мне все это время. Ты обманывал меня.

— Тесс, я хотел тебе сказать. Я пытался найти нужные слова, чтобы объяснить...

— Что ты чудовище? Что ты использовал меня... чтобы подобраться к Бену и вместе со своими кровожадными собратьями убить его?

— Мы не убиваем людей, клянусь. Но это не значит, что при необходимости я этого не сделаю. Действительно, вначале я хотел выяснить, связана ли ты с производством и распространением «малины» и можно ли через тебя получить нужную информацию. Я выполнял свой долг, Тесс. Но кроме этого, мне требовалось твое доверие, чтобы я мог защитить тебя.

— Мне не нужна твоя защита.

— Ошибаешься.

— Нет, — почти с ужасом произнесла Тесс. — Все, что мне нужно, — это быть как можно дальше от тебя.

— Тесс, сейчас самое безопасное для тебя место здесь, рядом со мной.

Он сделал шаг к ней, умоляюще протягивая руки, но она отступила.

— Не подходи ко мне!

— Я не сделаю тебе ничего плохого, обещаю.

Едва Тесс услышала эти слова, как перед ее глазами неожиданно возникла картина: она на складе клиники, на полу лежит раненый, истекающий кровью мужчина, который загадочным образом проник внутрь после уличной драки в ночь Хеллоуина. Теперь она узнала того незнакомца. Это был Данте.

На его лицо, забрызганное кровью и грязью, падали пряди мокрых волос. Его еле двигавшиеся губы произнесли именно эти слова: «Я не... сделаю тебе ничего плохого... обещаю...»

Тесс отчетливо вспомнила, как сильные руки схватили ее за плечи, как открылся рот Данте и обнажились большие белые клыки, они впились ей в горло.

— Я не знал тебя, — сказал Данте, словно читая ее мысли. — Я был серьезно ранен, почти без сил. Я взял у тебя только то, что мне было нужно, чтобы выжить. Ты не почувствовала боли. И я не понимал что натворил, пока не увидел метку на твоей руке...

— Ты... ты укусил меня. Господи, ты пил мою кровь? Но почему я только сейчас вспомнила об этом?

Суровое лицо Данте смягчилось, словно он почувствовал себя виноватым.

— Я стер твои воспоминания. Я не хотел этого делать, собирался сразу все тебе объяснить, но потерял контроль над ситуацией. Ты начала вырываться, а потом сделала мне укол. Когда я пришел в себя, занимался рассвет и времени на разговоры не оставалось. Я решил, что лучше тебе ничего не помнить. Кроме того, я увидел метку и понял, что совершил непоправимое.

Тесс прекрасно знала, о какой метке он говорит: капля, падающая в чашу полумесяца... Это родимое пятно всегда вызывало у нее любопытство, но она не понимала его значения.

— Очень немногие женщины имеют такую метку. Ты — Подруга по Крови. Если вампир попробует твою кровь или ты его, устанавливается связь, которую невозможно разорвать.

— И ты... ты привязал меня к себе?

И снова вспышка воспоминаний — кровь и мрак. Тесс пробуждалась из тяжелого забытья, ее рот наполняла бурлящая живительная сила. Она мучительно страдала от голода, и Данте позволил ей насытиться... своей кровью. Вначале из вены на запястье, затем на шее.

— Господи, — простонала Тесс. — Что ты сделал со мной?

— Я дал тебе свою кровь и спас тебе жизнь, точно так же, как до этого ты спасла меня.

— В обоих случаях ты не оставил мне выбора, — выдохнула Тесс. — Кем я теперь стала? Ты превратил меня в такое же чудовище, как ты сам?

— Нет, ничего подобного. Ты никогда не превратишься в вампира. Но если как моя Подруга по Крови будешь брать мою кровь, ты сможешь жить бесконечно долго. Возможно, даже дольше меня.

— Я в это не верю. Я отказываюсь в это верить!

Тесс резко развернулась и толкнула двери лазарета. Они словно застыли. Она толкнула сильнее. Никакого результата. Казалось, петли намертво заклинило.

— Выпусти меня отсюда, — потребовала Тесс, догадываясь, что это Данте удерживает их усилием воли. — Черт возьми, Данте, выпусти меня!

Как только двери поддались, Тесс пустилась бежать по коридору. Она не знала, куда бежит, ей это было не важно, лишь бы подальше от Данте. Подальше от мужчины, которого, казалось, она знала, единственного, которого она любила. Но он был чудовищем, он предал ее, причинил ей боль, как никто другой в жизни.

На ватных от страха ногах, задыхаясь от слез и злясь на себя за слепоту и глупость, Тесс бежала по коридору что было сил, зная, что Данте обязательно станет преследовать ее. А ей нужно как можно быстрее найти выход отсюда. Наконец она увидела лифт и вдавила кнопку, умоляя двери поскорее открыться. Казалось, секунды замерли, Тесс сгорала от нетерпения.

— Тесс. — Низкий голос Данте раздался прямо у нее над ухом, а ведь Тесс даже не услышала шагов.

Она вскрикнула и снова пустилась бежать по извилистому коридору. Впереди показался вход в какое-то помещение. «Может быть, там мне удастся спрятаться», — подумала Тесс. Она готова была ухватиться за любую возможность спастись от преследовавшего ее кошмара.

Внутри царил полумрак, у подобия алтаря горела одна-единственная высокая красная свеча, освещавшая каменные стены. В этом небольшом помещении, вероятно церкви, негде было спрятаться — только два ряда скамеек и каменный пьедестал. В глубине непроницаемым мраком зиял какой-то проход, Тесс не представляла, куда он мог вести. Но рассуждать не было времени, в дверном проеме появилось мускулистое тело Данте, он медленно приближался к ней.

— Тесс, давай поговорим. — Он на секунду замер, нахмурился и потер висок, словно его пронзила боль. Когда Данте заговорил снова, его голос звучал на целую октаву ниже и напоминал рычание. — Господи, неужели мы не можем просто... Давай спокойно все обсудим.

Тесс попятилась, приближаясь к выдолбленному в камне проходу.

— Черт возьми, Тесс, выслушай меня. Я люблю тебя.

— Не произноси этих слов. Довольно лжи.

— Я не лгу. Я хотел бы, чтобы это было неправдой, но это так...

Данте сделал еще один шаг и вдруг зашатался. Он опустился на ближайшую скамью, уронив голову на грудь. Его пальцы впились в дерево с такой силой, что Тесс показалось, будто оно сейчас рассыплется. Черты лица Данте заострились, кожа на скулах натянулась. Он глухо прорычал какое-то ругательство.

— Тесс... ты должна верить мне.

Но она на ощупь продолжала отступать к проему, пока не ощутила порыв сквозняка. Тесс повернулась — впереди была только тьма.

— Тесс...

Данте, вероятно, почувствовал ее движение, потому что, когда она оглянулась, он с трудом поднял голову и посмотрел на нее. В его глазах полыхал огонь, зрачки превратились в узкие щелки. Леденящий ужас охватил Тесс.

— Не уходи, — проскрипел Данте, казалось, ему трудно говорить из-за внезапно выросших острых клыков. — Я не причиню тебе вреда.

— Слишком поздно, Данте. Ты уже причинил, — прошептала Тесс, делая шаг в темноту.

Присмотревшись, она различила крутые каменные ступеньки, они вели куда-то вверх, откуда тянуло сквозняком. Иного пути не было, и Тесс начала медленно подниматься...

— Тесс!

Она не оглянулась. Боялась, что ей не хватит смелости покинуть его. Первые несколько ступенек Тесс преодолела с осторожностью, но затем пустилась бежать.

Рев Данте эхом отразился от каменных стен церкви, вызвав дрожь во всем теле Тесс, но она не остановилась. Она неслась по лестнице целую вечность, пока не оказалась у тяжелой железной двери. Тесс толкнула ее, дверь открылась без сопротивления.

Дневной свет ослепил Тесс. Прохладный ноябрьский ветер кружил опавшую листву. Позади дверь с грохотом захлопнулась. Тесс обхватила себя руками и побежала по лужайке прочь.

Данте со стоном упал на пол, не в силах противостоять натиску навалившегося на него кошмара. Видение смерти возникло неожиданно и лишило его сил в тот самый момент, когда ему нужно было остановить Тесс.

Ее уход только обострил приступ. Данте слышал, как хлопнула дверь, проблеск дневного света скользнул по лестнице. Даже если бы Данте сумел разорвать цепи опутавшего его видения, он не смог бы последовать за Тесс вверх — солнечные лучи спалили бы его.

И он окунулся в бездну кошмара, задыхаясь в клубах черного дыма.

...Провода дымовых пожарных датчиков безвольно свисали с потолка. Откуда-то донесся грохот, будто банда мародеров громила мебель. На полу белой комнаты, где находился Данте, валялись вывернутые ящики столов и выпотрошенные папки.

Переступая через них, он медленно пробирался к двери в глубине белой комнаты. О господи, он вдруг понял, где очутился.

Клиника Тесс.

Но где она сама?

Все тело у Данте болело, каждый шаг давался с трудом. Он протянул руку, чтобы открыть дверь, но она неожиданно распахнулась сама. Сквозь дым показалось знакомое лицо.

— О, кого я вижу, — сказал Бен Салливан, входя в комнату и растягивая в руках телефонный шнур. — Погибнуть в огне — какая страшная смерть. Поджаришься заживо, если не успеешь задохнуться от дыма.

Данте знал, что ему не нужно бояться, но при виде своего убийцы почувствовал парализующий страх, Бен на удивление сильно схватил его. Данте попытался вырваться, но тело было словно чужое и не слушалось. Он только разозлил Салливана, тот ударил его в челюсть и заломил ему руку.

Видение закружилось. В следующее мгновение Данте уже лежал на холодном металлическом столе лицом вниз. Бен Салливан телефонным шнуром стянул ему руки и ноги и за талию привязал к столу. Данте мог бы одним рывком разорвать все эти путы, но сил почему-то не хватало.

— Знаешь, я думал, мне будет трудно тебя убить, — над самым ухом произнес наркоторговец. — Но благодаря тебе все упростилось. — Эти же самые слова Данте слышал и в прошлый раз.

Бен обошел стол, схватил Данте за волосы и приподнял его голову. Взгляд Данте упал на циферблат настенных часов за спиной Бена — 11.39. Он старался запомнить как можно больше деталей. Данте не сомневался, что все они ему пригодятся, чтобы повернуть события в свою пользу, когда они будут происходить в реальности. Данте не знал, можно ли обмануть судьбу, но готов был попытаться.

— Так не должно было случиться, — сказал Бен Салливан, наклоняясь все ниже и ниже, так что Данте увидел пустые глаза Миньона. — В этом только твоя вина. Скажи спасибо, что я не отдал тебя в руки своего Хозяина.

С этими словами он отпустил волосы Данте, и он снова уткнулся лицом в холодный металл стола. Бен Салливан вышел из комнаты и запер дверь на ключ. Данте открыл глаза и в полированной поверхности стола увидел свое отражение.

Но это было не его лицо.

Это было лицо Тесс.

Не он, а она лежала, привязанная к столу в смотровой клиники, охваченной огнем.

Господи.

Все эти годы его преследовало видение смерти, но не его смерти. Он видел смерть своей Подруги по Крови, женщины, которую безумно любил.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Тесс вышла за ворота поместья, где находился бункер, в состоянии оцепенения. Без сумки, куртки и мобильного телефона она чувствовала себя совершенно беспомощной, у нее даже ключа от квартиры не было. С опущенной головой, абсолютно опустошенная, она подошла к телефону-автомату на углу, надеясь, что он работает. Услышав гудок, Тесс нажала «0» и стала ждать ответа оператора.

— Разговор за счет вызываемого абонента, — выдохнула она в трубку и продиктовала номер клиники. Там после нескольких гудков включился автоответчик.

Голос оператора сообщил:

— Простите, абонент не отвечает.

— Подождите, — закричала Тесс, забеспокоившись. — Попробуйте еще раз.

— Минуту.

Тесс с нетерпением ждала, но в клинике по-прежнему никто не снимал трубку.

— Простите, — произнес оператор.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Тесс. — Скажите, а который сейчас час?

— Десять тридцать.

Нора не уходила на обед раньше полудня, и ни разу не случалось, чтобы она не вышла на работу, так почему же никто не берет трубку? Должно быть, что-то произошло.

— Простите, а вы не могли бы набрать еще один номер?

— Да, пожалуйста.

Тесс назвала домашний телефон Норы, когда он не ответил — ее мобильный. Тоже ничего. Сердце у Тесс оборвалось. Что-то не так. Что-то случилось.

Тесс повесила трубку телефона-автомата и, охваченная дурными предчувствиями, побрела к ближайшей станции метро. У нее не было доллара двадцати пяти центов, чтобы доехать до Норт-Энда, но какая-то пожилая женщина с добрым лицом, вероятно проникшись сочувствием к ее виду, высыпала ей в ладонь целую пригоршню мелочи.

Поездка тянулась бесконечно долго, Тесс казалось, что взгляды пассажиров устремлены на нее, словно они знали — отныне она не такая, как все. Словно они чувствовали, что она изменилась и больше не принадлежит этому миру — миру людей.

«Возможно, так оно и есть», — подумала Тесс, вспомнив все, что рассказал ей Данте, и все, что случилось за последние несколько часов. «Дней», — поправила она себя, начиная отсчет с Хеллоуина, когда впервые увидела Данте.

Когда он впился клыками ей в горло и перевернул вверх дном ее привычный мир.

Хотя, возможно, она лукавила. Тесс не могла вспомнить, когда чувствовала себя уютно в этом мире. Она всегда была другой. Гнетущее прошлое и ее уникальные способности вынуждали ее сторониться людей. Тесс всегда ощущала себя чужой и никому не могла доверить свои тайны.

Пока в ее жизни не появился Данте.

Он на многое открыл ей глаза, пробудил в ней страсть, о существовании которой она не подозревала. Тесс осмелилась желать того, о чем раньше боялась даже мечтать. Он сумел понять ее. С ним она почувствовала себя защищенной и, что самое ужасное, любимой.

Но это основывалось на лжи. И сейчас, зная невероятную правду, она отдала бы все, чтобы ничего этого не было.

Вампиры и кровные узы, война, разгоревшаяся между монстрами, место которым в фильмах ужасов.

Но они существовали в реальности.

Были реальными, как и ее чувства к Данте, и потому его обман так больно ранил. Тесс любила его, и вместе с тем он вызывал у нее ужас, как никто и ничто на свете. Она влюбилась в опасного воина. Вампира.

Осознание этого давило на нее. Не поднимая головы, Тесс вышла из метро и направилась к дому. Утренние покупатели наводняли местные магазинчики и оживленно суетились вокруг уличных торговых лотков. Тесс прошла мимо группы туристов, с интересом изучавших урожай дынь и кабачков, ее била дрожь, но не от осеннего холода.

С каждым шагом, приближавшим ее к дому, ужас усиливался. Из подъезда выходил сосед — пожилой мужчина, имени которого она не знала, улыбнулся и придержал для нее дверь. Тесс поднялась на свой этаж и сразу поняла, что в квартире кто-то побывал. На дверном косяке у замка виднелась вмятина, словно дверь отжали фомкой, а затем вновь закрыли.

Тесс замерла, ее охватила паника. Она попятилась, готовая в любую минуту сорваться с места и пуститься бежать вниз по лестнице, и наткнулась на кого-то, стоящего прямо у нее за спиной. Сильная рука обхватила ее за талию, холодное острое лезвие прижалось к горлу.

— Доброе утро, доктор. Ну и долго же ты шлялась.

— Данте, ты это серьезно?

В тренировочном зале собрались все воины, включая Чейза, они молча наблюдали, как Данте снаряжался, готовясь к серьезному бою. И только Гидеон сделал попытку вразумить товарища.

— А вы думаете, я шучу? — Из оружейного шкафа Данте достал пистолет и сгреб пригоршню патронов. — Никогда в жизни я не был так серьезен.

— Господи, Ди, но сейчас десять часов утра. На небе уже давно светит солнце.

— Я знаю, что оно светит и чем это грозит.

Гидеон тихо чертыхнулся:

— Ты что, собираешься поджариться?

— Нет, если получится.

Родившийся в восемнадцатом столетии, по человеческим меркам Данте был более чем стар, но как вампир он считался довольно молодым. От Древних, с их гиперчувствительной к солнечному свету кожей, его отделяло несколько поколений. Он не мог долго оставаться на поверхности в дневное время, но несколько минут под лучами солнца вполне пережил бы.

Ради Тесс он готов был выйти на самое пекло, если бы это спасло ее от смерти, которая ей угрожала.

— Послушай, — Гидеон положил руку на плечо Данте, — возможно, ты не так уязвим, как П1, но все же ты вампир. Полчаса на солнце, и ты обгоришь.

— Я не достопримечательности собираюсь осматривать, — отрезал Данте тоном, пресекающим все дальнейшие попытки его вразумить, и достал еще один пистолет, — Я знаю, что делаю. И я должен это сделать.

Данте рассказал товарищам о своем видении, страх до сих пор разрывал его сердце на части. Он не мог простить себе, что не остановил Тесс, позволил ей покинуть бункер и выйти на поверхность без его защиты. Возможно, в эту самую минуту ей угрожает опасность, а он вынужден прятаться под землей, потому что вампиры необычайно чувствительны к солнечному свету.

— А ты уверен, что одиннадцать тридцать девять — это утро, а не вечер? — спросил Гидеон. — Возможно, ты ошибся и сейчас подвергаешь себя напрасному риску...

— А если я прав и ошибкой будет промедление? Я не могу упустить единственный шанс. — Данте покачал головой. Он звонил Тесс и на ее домашний номер, и в клинику, но безрезультатно. И жгучая боль в груди подсказывала, что она не отвечала не из каприза или обиды, а по другой, более серьезной причине. И без всякого дара предвидения Данте знал: его Подруга по Крови в опасности. — Какого черта сидеть здесь и ждать темноты? Разве ты, Гидеон, стал бы ждать, зная, что Саванне требуется помощь? Стал бы гадать, идти или не идти? А ты, Лукан, если бы Габриэлла была там, наверху, одна?

Воины молчали, каждый знал, что вампир, связанный узами крови, ради своей возлюбленной, не раздумывая, пойдет в огонь.

Лукан подошел к Данте и протянул руку:

— Достойное решение.

Данте крепко пожал руку П1, могущественного вампира, главы Ордена воинов — своего друга.

— Спасибо. Если быть до конца честным, я делаю это в первую очередь ради себя. Тесс нужна мне. Она стала для меня всем.

Лукан понимающе кивнул:

— Тогда иди за ней. Удачи тебе, брат. Когда вы с Тесс вернетесь в бункер, мы проведем ритуал вашего кровного соединения.

Данте пристально посмотрел в величественно-спокойные глаза Лукана и кивнул:

— Именно это я хотел обсудить с тобой, со всеми вами. — Данте обвел воинов взглядом. — Если я останусь в живых и спасу Тесс, если она согласится принять меня в качестве своего спутника, я намерен переселиться с ней в одну из Темных Гаваней.

Воцарилось молчание, вампиры изучающе смотрели на Данте.

Тот кашлянул, прочищая горло, он понимал, что его слова явились неожиданностью для собратьев, с которыми он плечом к плечу сражался более ста лет.

— Она перенесла так много страданий еще до того, как я втянул ее в нашу войну. Она заслуживает счастья. Черт возьми, она заслуживает большего, чем я могу ей дать. И сейчас я хочу только одного — чтобы она была в безопасности.

— Ради нее ты покинешь Орден? — спросил Нико, самый молодой вампир, который в своем рвении служить Роду превзошел даже Данте.

— Если будет нужно, ради нее я даже перестану дышать, — ответил Данте, сам удивляясь глубине и силе своих чувств. Он посмотрел на Чейза, за ним с прошлой ночи числился долг. — У тебя остались какие-нибудь связи в Агентстве Темной Гавани, сможешь дать мне рекомендацию?

Чейз усмехнулся и пожал плечами:

— Возможно. — Он подошел к оружейному шкафу и достал «зиг-зауэр». — Но прежде мы должны вернуть твою подругу в бункер, чтобы она подтвердила, что хочет соединиться с тобой навечно.

— Мы? — удивился Данте, наблюдая, как бывший агент продолжает вооружаться.

— Да, мы. Я иду с тобой.

— Что?..

— Я тоже, — подхватил Нико, подошел к шкафу и начал выбирать оружие. Он усмехнулся и кивнул в сторону Лукана, Гидеона и Тигана. — Вы же не оставите меня здесь с этими неженками.

— Но я не прошу вас идти со мной.

— Нас и не надо просить, — ответил Нико. — Нравится тебе это или нет, Ди, но мы с Чейзом идем с тобой. Кто-то должен прикрывать твою задницу, одному тебе не справиться.

Смущенный и благодарный, Данте чертыхнулся: он не ожидал такой поддержки со стороны товарищей.

— Ну что ж, тогда навверх, — сказал Данте.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Прижимая нож к горлу Тесс, так что она не могла позвать на помощь, Бен выволок ее на улицу и затолкал в поджидавшую у обочины машину. От него дурно пахло: к кислому запаху крови и пота примешивалась сладковатая вонь гниения. Одежда на нем была мятой и грязной, некогда золотистые волосы неопрятными сальными прядями свисали на лоб. Когда Бен заталкивал Тесс на заднее сиденье машины, она успела поймать его взгляд — такой пустой и холодный, что у нее мурашки побежали по телу.

Бен был не один.

Впереди сидели двое мужчин с такими же пустыми, холодными глазами.

— Где она? — спросил Бен, захлопнув за собой дверцу машины. — Я оставил у тебя в клинике одну вещичку. Но теперь ее там нет. Где она?

Разумеется, Бен говорил о флэшке, которая сейчас находилась в бункере. После всего, что Данте ей рассказал, Тесс не могла ему полностью доверять, но Бену она доверяла еще меньше. Глядя в его безжизненные глаза, она покачала головой:

— Я не понимаю, о чем ты.

— Врешь, доктор.

Тесс не готова была получить удар кулаком в скулу. Вскрикнув от боли и страха, она забилась в угол.

— Возможно, в клинике ты заговоришь по-другому, — сказал Бен.

Он кивнул водителю, и машина сорвалась с места. Перед глазами Тесс все плыло, пока машина мчалась из Норд-Энда в Восточный Бостон, где находилась ее клиника. У черного хода рядом с фургоном Бена стоял старенький «жук» Норы.

— О господи, — пробормотала Тесс. У нее сердце замерло при виде машины своей помощницы. — Что ты сделал с Норой, Бен? Ты не...

— Выходи, доктор, — словно не слыша ее, приказал Бен, открыв дверцу и махнув ножом.

Тесс послушно вылезла из машины и в сопровождении Бена и его угрожающего вида компаньонов направилась к черному ходу. Они миновали склад, затем помещение с клетками для пациентов, и Бен втолкнул ее в приемную. Здесь все было перевернуто вверх дном, мебель разгромлена, содержимое шкафов валялось на полу — папки, карты пациентов, лекарства, шприцы... За стойкой лежала Нора. Тесс в ужасе вскрикнула.

На звук ее голоса Нора приподняла голову. Ее руки и ноги стягивал телефонный шнур, рот затыкал скомканный кусок марли. Лицо Норы было бледным, глаза красными и опухшими от слез, похоже, она пролежала здесь долго. Но, слава богу, она жива. У Тесс отлегло от сердца.

— Господи, Нора, прости, — срывающимся голосом произнесла Тесс. — Я помогу тебе выбраться отсюда.

Стоявший рядом Бен неприятно рассмеялся:

— Рад это слышать, доктор. Сейчас судьба Норы в твоих руках.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты немедленно отдашь нам флэшку. А если будешь отнекиваться, я на твоих глазах перережу этой милашке горло.

Нора, вытаращив глаза, что-то беспомощно замычала и задергалась, пытаясь освободиться, но безуспешно. Один из компаньонов Бена подошел к ней и рывком поставил на ноги, затем, железной хваткой держа ее за локоть, подтащил к Тесс. Девушка дрожала всем телом и умоляюще смотрела на Тесс.

— Бен, пожалуйста, отпусти ее.

— Отдай мне флэшку, и я ее отпущу.

Нора в отчаянии застонала. Тесс посмотрела ей в глаза и с ужасом осознала, что Бен и его компаньоны способны на все. Не моргнув глазом они убьют и Нору, и Тесс, если не получат того, что требуют. Но Тесс не могла отдать им флэшку, потому что флэшки у нее не было.

— Бен, пожалуйста, отпусти Нору. Вместо нее я стану твоей заложницей. Это я взяла флэшку. Нора об этом вообще ничего не знает...

— Скажи, куда ты дела флэшку, и, возможно, я отпущу ее. Договорились, доктор?

— У меня ее нет, — пробормотала Тесс. — Я нашла ее прикрепленной под столом, но сейчас у меня ее нет.

Бен уставился на Тесс неподвижным взглядом, на его скулах заходили желваки.

— Что ты с ней сделала?

— Отпусти Нору, — уклонилась от ответа Тесс, — и я все тебе расскажу.

Бен криво усмехнулся, посмотрел на зажатый в руке нож, поиграл им и, неожиданно развернувшись, с размаху ударил Нору в живот.

— Нет! — закричала Тесс. — Господи, нет!

Бен снова повернулся к ней. В его глазах был все тот же холод.

— Ножевое ранение в живот, доктор. Она выживет, если ей незамедлительно окажут помощь. Так что начинай говорить.

У Тесс подкосились ноги, на ее глазах Нора истекала кровью, от боли теряя сознание.

— Будь ты проклят, Бен! Я тебя ненавижу!

— Мне плевать на твои чувства. Мне нужна флэшка, только и всего. Где она, мать твою...

— Я ее отдала.

— Кому?

— Данте.

В пустых глазах Бена мелькнула искра враждебности.

— Ты понимаешь, что ты натворила? Понимаешь, кто такой этот Данте? Ты ведь говоришь о том парне, с которым трахаешься?

Тесс не ответила, Бен покачал головой и злобно хмыкнул:

— Ну ты и вляпалась, Тесс, я умываю руки.

Он резко развернулся к Норе, мелькнул нож, и она упала на пол. Бен выполнил свою угрозу. Тесс истошно закричала и рванулась к Норе в надежде спасти ее своими чудотворными руками. Но Бен и один из его компаньонов схватили Тесс и поволокли прочь. Она яростно брыкалась, пытаясь освободиться, но тщетно.

Они дотащили ее до смотровой и швырнули на пол. Тесс услышала металлический щелчок, Бен запер ее, оставив покорно ждать своей участи.

Нико с головокружительной скоростью гнал черный спортивный автомобиль по улицам Бостона. Данте никогда не видел город днем и искренне надеялся, что такой необходимости больше не возникнет. Искушение взглянуть на солнечный пейзаж, мелькавший за тонированными стеклами, было велико, но Данте сидел на переднем сиденье с опущенной головой, все его мысли занимала Тесс.

Трое воинов были с ног до головы затянуты в непроницаемый нейлон, все черного цвета: брюки, перчатки, маски на лицах, глаза закрывали темные, плотно прилежавшие очки. Несмотря на эти меры предосторожности, от машины до дверей черного хода клиники вампиры бежали очень быстро.

Данте, не теряя времени даром, взвел курок и ногой вышиб дверь. Изнутри потянуло дымом, Салливан успел поджечь клинику, значит, времени оставалось мало.

— Черт, что здесь происходит?

На шум выбежал Миньон, Нико встретил его пулей.

Переступив порог клиники, Данте сразу же уловил запах крови и смерти — на полу лежала женщина, слава богу, это была не Тесс. Данте чувствовал, что Тесс жива, он остро ощущал ее страх, боль и отчаяние, словно сам испытывал это.

— Очистить помещение и потушить огонь, — приказал он Нико и Чейзу. — Убрать любого, кто встанет на пути.

Привязанная к смотровому столу, Тесс подергала руками и ногами, но они были слишком туго стянуты. Безропотно ждать расправы она не могла, хотя ее бесплодные попытки лишь забавляли мучителя.

— Бен, зачем ты это делаешь? Господи, зачем ты убил Нору?

Бен рассмеялся:

— Нору убила ты, а не я. Ты меня вынудила.

Тесс задыхалась от отчаяния.

Бен подошел к столу:

— Знаешь, я думал, мне будет трудно тебя убить. — Горячее, зловонное дыхание обдало лицо Тесс. — Но благодаря тебе все упростилось.

Она с тревогой наблюдала, как Бен обогнул стол и наклонился, он грубо сгреб ее волосы и оторвал голову от холодной поверхности металлического стола. Теперь его лицо находилось на уровне лица Тесс, она видела перед собой пустые глаза мертвеца: человек, стоявший перед ней, не был тем Беном Салливаном, которого она когда-то знала.

— Так не должно было случиться, — притворно ласково произнес Бен. — В этом только твоя вина. Скажи спасибо, что я не отдал тебя в руки своего Хозяина.

Он погладил ее по щеке, его прикосновение вызвало у Тесс отвращение. Она попыталась отвернуться, но Бен еще сильнее потянул за волосы, вынуждая смотреть на него. Бен наклонился, будто хотел поцеловать ее, но Тесс плюнула ему в лицо, отползая назад, — единственное, что она могла сделать.

Тесс съежилась, потому что Бен поднял руку, вероятно намереваясь захватить ей по лицу.

— Ах ты су...

Но он не успел ни договорить, ни ударить Тесс. Порыв холодного ветра ворвался в резко распахнувшуюся дверь. В следующую секунду рядом с Беном возник огромного роста мужчина во всем черном, за маской и очками лица было не разглядеть. Ремни перетягивали его бедра и мускулистую грудь, на них, угрожающе поблескивая, крепилось разнообразное оружие.

Данте.

Тесс узнала бы его и с закрытыми глазами в полной темноте. Его появление удивило ее и вселило надежду. Данте мысленно внушал ей уверенность, она чувствовала, что спасена.

Вместе с тем он излучал испепеляющую ярость, направленную на Бена. Янтарный огонь, пылающий в его глазах, не могли скрыть даже темные линзы очков.

Доля секунды, и ноги Бена оторвались от пола, он впечатался в стоявший у стены шкаф. Бен остервенело молотил руками и ногами, но железная воля Данте удерживала его пришипленным к шкафу. Когда в дверном проеме показалась еще одна фигура в черном, Данте прорычал:

— Чейз, убери ее отсюда, я не хочу, чтобы она это видела.

Чейз подошел к столу, разрезал телефонный шнур, освобождая Тесс, осторожно взял ее на руки и вынес из клиники к поджидавшей у черного хода машине.

Как только Чейз вместе с Тесс покинул смотровую, Данте отпустил Бена, и тот тяжелым мешком рухнул на пол. Салливан попытался подняться и дотянуться до ножа, оставленного на столе, но Данте мысленным приказом метнул нож в противоположную сторону, лезвие вошло в стену по рукоятку.

Данте стал приближаться к Бену, намереваясь расправиться с ним голыми руками. Воин желал отмщения, хотел, чтобы Бен заплатил за все страдания, которые причинил Тесс.

— Вставай, — прорычал Данте, — для тебя все кончено.

Салливан засмеялся, медленно поднимаясь на ноги. Когда их взгляды встретились, Данте увидел пустые глаза раба. Бена Салливана превратили в Миньона. Стало понятно, где он пропадал. Убить его означало оказать ему услугу.

— Где прячется твой Хозяин, Миньон?

Но Салливан молчал и только смотрел на Данте застывшим взглядом.

— Он не рассказал тебе, как мы разгромили его логово прошлым летом и он бежал, поджав хвост, вместо того чтобы встретиться с Орденом лицом к лицу? Он трус и позер, и мы собьем с него спесь.

— Будь ты проклят, вампир...

— Это мы еще посмотрим, — произнес Данте, заметив, как напряглись ноги Салливана, — Миньон готовился к прыжку. — Это ты проклят, кусок дерьма, как и твой Хозяин.

С пронзительным воплем Бен бросился на Данте. Он размахивал кулаками, но Данте успевал отражать удары. В пылу схватки Салливан умудрился разорвать рубашку на груди Данте, солнечный свет коснулся его чувствительной кожи. Данте взревел и заехал Бену в челюсть.

Тот взвыл и свалился на пол.

— Мой Хозяин скоро будет править миром, — прошипел он, исподлобья глядя на Данте.

— Этому никогда не бывать.

Данте одной рукой поднял Салливана и отбросил его к стене. Бен прокатился по металлическому столу, на котором несколько минут назад лежала Тесс, и отлетел к огромному окну, занимавшему практически всю стену. Он мгновенно вскочил на ноги, слегка пошатываясь, за его спиной колыхались жалюзи. Данте инстинктивно поднял руку, прикрывая глаза от солнечного света.

— Что, вампир, слишком яркое? — прошипел Салливан, скривив окровавленные губы. Он успел схватить обломок ящика стола и обеими руками держал его перед собой. — Сейчас Крепкий Орешек преподаст тебе урок.

Не оборачиваясь, он рванул рукой жалюзи и разбил кулаком стекло. Солнечный свет хлынул в смотровую, обжигая Данте глаза, скрытые за линзами темных очков. Ослепленный Данте взвыл от боли, обнаженная кожа мгновенно зашипела, вздуваясь пузырями и лопаясь, тело под одеждой начало нагреваться. В этот краткий миг его беспомощности Салливан попытался проскочить к выходу.

Но обостренные яростью органы чувств вампира уловили его движение. Клыки удлинились, зрачки сузились.

Данте метнулся, одним прыжком настиг Бена и всем телом обрушился на него. Они вместе упали на пол. Клыки Данте скользнули по уху Салливана, тот завизжал:

— А-а-а, ублюдок!

Не дав ему возможности выскользнуть, Данте одним резким движением свернул Миньону шею и оставил мертвое тело лежать на полу. Он смутно ощущал едкий запах, слышал тихое шипение, словно над головой вился рой мух. Боль обжигала все тело, когда Данте поднялся и

отвернулся от разбитого окна. До него донесся топот тяжелых ботинок, в дверном проеме замаячил расплывчатый силуэт в черном.

— Все чисто... О черт, — откуда-то издали послышался голос Нико. Он поддержал Данте и повел его прочь из залитой солнцем смотровой. — Господи, Ди, сколько времени ты провел на солнце?

Данте покачал головой:

— Не долго. Этот ублюдок разбил окно.

— Да, я видел. — Голос Нико прозвучал как-то мрачно. — Надо быстрее возвращаться в бункер.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— О черт! — выругался сидевший за рулем воин, которого Данте назвал Чейзом. Он поспешно открыл дверцу и выскочил, как только Данте и еще один воин вышли из клиники. Они бежали к машине.

Вернее, Данте, еле передвигая ноги, практически висел на своем товарище, который старался быстрее добраться до автомобиля. Непокрытая голова Данте была опущена, на груди сквозь прореху в рубашке виднелось красное пятно чудовищного ожога. Чейз открыл заднюю дверцу и помог затащить Данте внутрь.

Воин тяжело дышал, лицо исказилось болью, глаза с узкими щелками зрачков горели янтарным пламенем, из-под приоткрытых губ выступали острые белые кончики клыков — настоящий вампир, которого Тесс должна была бояться, но она не боялась.

Товарищи Данте делали все быстро, в каком-то мрачном молчании, у Тесс внутри все похолодело. Чейз закрыл заднюю дверцу, бегом вернулся на место водителя, завел мотор, и машина сорвалась с места.

— Что с ним случилось? — взволнованно спросила Тесс, не в силах видеть окровавленное тело Данте. — Он ранен?

— Обгорел, — ответил воин, имени которого она не знала, но уловила в голосе славянский акцент. — Этот наркодилер, скотина, разбил окно. Данте пришлось расправиться с ним под лучами солнца.

— Но зачем? — спросила Тесс, глядя на Данте, чувствуя его боль и тревогу его товарищей. — Зачем он... зачем вы сюда приехали?

Данте с трудом снял с руки перчатку и потянулся к ней.

— Тесс...

Она взяла его руку, сильные пальцы Данте тут же сжали ее ладонь. Тесс ощутила его тепло, которое, проникая в глубь сердца, давало ей ответы на все вопросы. У Тесс перехватило дыхание.

Это была любовь — глубокая, страстная. Она чувствовала ее без слов.

— Тесс, — еле слышно прошептал Данте, — это была не моя — твоя смерть...

— Что? — Тесс стиснула его руку, на глаза навернулись слезы.

— Видение... это был не я, а ты. Я не мог... — Он замолчал и тяжело, преодолевая боль, вздохнул.

Тесс смотрела в его горящие огнем глаза, по ее щекам текли слезы.

— Господи, Данте, ты не должен был так рисковать. Ты мог погибнуть.

Уголки его губ дрогнули, обнажая кончики клыков.

— Это того стоило... теперь ты рядом. Ради этого стоило рисковать.

Тесс обеими руками порывисто сжала его руку, ее переполняла благодарность, и устрашающий вид Данте несколько не пугал ее. Всю дорогу, пока они ехали до бункера, она не выпускала его руку.

В гараже Чейз заглушил мотор, Тесс вышла из машины и отступила в сторону, чтобы не мешать. Воины вытащили Данте из машины и довели до лифта, он едва держался на ногах. Когда лифт спустился под землю и двери открылись, их уже ждали — три воина и две женщины, все мгновенно засуетились.

Одна из женщин подошла к Тесс и приобняла ее за плечи:

— Я Габриэлла, подруга Лукана. С тобой все в порядке?

Тесс пожала плечами и чуть заметно кивнула:

— Данте поправится?

— Думаю, да, если он будет знать, что ты рядом.

Габриэлла повела Тесс по коридору в сторону лазарета, отсюда она в страхе сбежала несколько часов назад. Тесс вошла в комнату и наблюдала, как с Данте сняли ремни с оружием, одежду и ботинки и уложили на кровать.

Тесс тронула забота, которую проявляли к Данте воины и женщины. Здесь его любили, принимая таким, какой он есть. Они были его семьей, здесь был его дом, и он рисковал потерять все это только ради того, чтобы спасти ее. Страх Тесс, возмущение тем, как он с ней поступил, исчезли сами собой. Она смотрела на Данте, так тяжело пострадавшего из-за нее, и чувствовала, как ее переполняет любовь.

— Позвольте, — сказала Тесс, подходя к кровати Данте, заставляя всех расступиться. По глазам женщин Тесс видела: они понимают, что она сейчас чувствует. — Позвольте мне помочь ему... пожалуйста.

Тесс провела рукой по щеке Данте, все свое внимание сосредоточив на его ожогах, пальцы осторожно скользили по обнаженной груди, на которой изумительной красоты дермаглифы горели неестественно красным цветом и пузырились. Тесс осторожно прикладывала к ожогам руки, вытягивая жар и боль.

— Господи, — прошептал у нее за спиной кто-то из воинов, — она его лечит.

Удивление и надежда звучали в приглушенных голосах воинов и женщин — тех, кто стал для Данте семьей. Тесс чувствовала тепло их любви и на себе, но сейчас она не могла выразить им благодарность, все ее внимание было сосредоточено на Данте — он должен выжить.

Тесс наклонилась и поцеловала его в приоткрытые губы, чуть оцарапалась об острые клыки, но приняла это как нечто естественное. Она любила его таким, каким он был, и очень хотела сказать ему об этом.

Данте возвращался к жизни. Ожоги воина казались смертельными, но чудесный дар его подружки победил смерть. Чейз, как и все, был удивлен способностями Тесс и ее преданностью Данте. Она не отходила от него ни на секунду, как и он от нее, когда она впервые попала в бункер, практически досуха выпитая Отверженными.

Все единодушно согласились, что они отличная пара: каждый сам по себе сильная и независимая личность, а вместе они будут единым нерушимым целым.

Тревоги дня понемногу улеглись, к вечеру в бункере воцарился покой, и Чейз стал думать о доме. Его тревоги оставались с ним, дорога, ожидавшая его, вела во мрак и неизвестность. Совсем недавно будущее казалось ему четким и ясным, он знал, кто он и... с кем.

Сейчас он ни в чем не был уверен.

Чейз попрощался с обитателями бункера, покинул мир воинов и направился в свой. Чейз позаимствовал машину в гараже Ордена, но не знал, куда и зачем ему ехать.

Мог ли он теперь называть Темную Гавань своим домом?

За те несколько дней и ночей, что он провел в обществе воинов, его органы чувств обострились, кобура с девятимиллиметровой «береттой» и ремни с кинжалами стали привычной тяжестью на теле. Разве мог он теперь вернуться к размеренной жизни, которую вел прежде?

И Элиза?

Чейз больше не мог так мучиться — безумно желать женщину, обладать которой ему не суждено. Он должен сказать ей о своей любви, и пусть будет что будет. Она обязана все узнать. Чейз не тешил себя иллюзией, что Элиза ответит на его чувства. Честно признаться, он ни на что не надеялся. Он знал только одно: у него началась новая жизнь.

С легким сердцем Чейз свернул на дорогу, ведущую к воротам Темной Гавани. Все должно измениться. Он не знал, какие это будут перемены, но чувствовал, что в его жизни наступил переломный момент. Он проехал по усыпанной гравием дорожке и остановился у входа в Темную Гавань.

В спальне и гостиной Элизы горел свет. Она не спала, возможно, волновалась, ждала его возвращения с последними новостями из бункера.

Чейз заглушил мотор, открыл дверцу машины, но едва его ботинок коснулся земли, как Чейз почувствовал, что поблизости кто-то есть. Он вылез из машины и потоптался на месте, предусмотрительно расстегнув пуговицы бушлата. Чейз обвел взглядом все темные углы в поисках врага, его слух обострился, улавливая малейший звук: шорох голых ветвей, потревоженных осенним ветром, джазовая композиция, которую любила Элиза...

И чье-то хриплое дыхание где-то совсем близко за спиной хрустнул гравий, Чейз сжал рукоятку «беретты» и повернул голову.

Кэмден.

Его появление поразило Чейза, как удар в живот. Племянник выглядел еще хуже, чем в их последнюю встречу, хотя это казалось невозможным. Одежда и лицо в засохших пятнах крови — свидетельства недавних убийств, которые не удовлетворили его ненасытной жажды. Кэмден начал быстро приближаться, с обнаженных клыков капала слюна, он не сводил с Чейза кровожадного взгляда, болезнь окончательно овладела его разумом и телом. Когда они столкнулись в квартире Салливана, сознание Кэмдена оказалось закрытым для Чейза, что бы он ни говорил, он не смог пробудить в племяннике хотя бы искру здравого смысла. Но сейчас Кэмден был непредсказуем и опасен, как одичавшая собака.

С состраданием Чейз смотрел на племянника, ставшего Отверженным, он чувствовал за собой вину, что не сумел вовремя найти и спасти его.

— Прости, Кэм, этого несчастья не должно было случиться. — Под прикрытием бушлата он осторожно взвел курок. — Окажись я на твоём месте, клянусь...

За спиной Чейза открылась дверь дома, кто-то приглушенно вскрикнул. Чейз узнал голос Элизы. Время как будто замедлило ход.

— Кэмден! — Крик Элизы летел откуда-то издалека, долго и мучительно терзая сердце. — Господи, Кэмден!

Чейз резко повернул голову, он требовал, чтобы она остановилась, вернулась в Темную Гавань, но Элиза уже бежала к сыну, простирая руки, и ее белое одеяние развевалось, как крылья ночного мотылька, летящего на огонь. Она бежала навстречу смерти, и она погибнет, если Чейз позволит ей приблизиться к Отверженному, который еще недавно был ее любимым сыном.

— Элиза, остановись!

Но она не слышала его, продолжая бежать, хотя сквозь слезы видела, в какое чудовище превратился ее сын. Из груди Элизы вырвался сдавленный вскрик, но она не сводила с Кэмдена глаз, а ноги несли ее по лужайке к гравиевой дорожке, где он стоял.

Краем глаза Чейз отметил, как внимание горящих диким огнем глаз переместилось в сторону Элизы, взгляд нацелился на нее, Отверженный угрожающе зарычал и присел, готовясь к прыжку. Чейз быстро переместился и встал между матерью и сыном. Почти машинально он вытащил пистолет и навел его на Отверженного.

Мгновения тянулись бесконечно долго.

Элиза приближалась, рыдая и выкрикивая имя сына.

Чейз считал оставшиеся метры, понимая, что еще несколько секунд, и он не сумеет предотвратить трагедию. Выбора не было. Он должен действовать. Он не может безвольно стоять и смотреть, как Элиза...

Выстрел громом прозвучал в ночи.

Элиза закричала:

— Нет... не смей... нет...

Чейз стоял в оцепенении, продолжая давить на курок. Титановая пуля попала прямо в грудь Отверженного, он упал. В ту же секунду началось разложение отравленного Кровожадностью тела, лишней раз доказывая, что шансов на спасение у Кэмдена не оставалось. «Малина» превратила его в ходячего мертвеца. Теперь его страдания закончились.

А страдания Элизы — и Чейза — только начинались.

Элиза молотила его кулаками — по груди, лицу, плечам... В ее лавандовых глазах стояли слезы, они ручейками стекали по бледным щекам, она захлебывалась рыданиями.

Чейз сносил все молча. Что он мог сделать? Что мог сказать ей в утешение?

Он позволил ей выплеснуть на себя всю ненависть, и только когда она замерла, повернулась и опустилась на колени перед горкой пепла, оставшейся от ее сына, Чейз нашел в себе силы пошевелиться. Он смотрел на ее припавшее к земле, сотрясавшееся в оглушительных рыданиях тело, и рука сама собой разжалась, выпустив пистолет.

Чейз повернулся спиной к Элизе и Темной Гавани, которая до сих пор была ему домом, и в полном одиночестве зашагал в темноту.

Данте, вздрогнув, проснулся, мгновенно открыл глаза и шумно выдохнул. Пламя кольцом окружило его, ослепляя яркими всполохами. Он тянулся и не мог добраться до Тесс. Данте сел, но сон не отпускал, сжимая сердце отчаянным страхом.

Господи, если бы он не успел...

Если бы потерял ее навсегда...

— Данте?

Звук ее голоса вызвал облегчение и радость: Тесс здесь, рядом с ним, задремала на краю кровати. Он невольно разбудил ее, она подняла голову — волосы растрепаны, в глазах усталость.

— Данте, ты проснулся. — Лицо Тесс озарилось, она протянула руку и погладила его по голове. — Я так беспокоилась. Как ты себя чувствуешь?

Данте прислушался к себе и подумал, что могло быть значительно хуже. Но он чувствовал себя достаточно бодрым, чтобы заключить Тесс в объятия, и достаточно сильным, чтобы притянуть ее к себе и крепко поцеловать.

Он ожил настолько, что больше всего на свете желал заняться с ней любовью.

— Прости, — тихо пробормотал Данте, касаясь губами ее губ. — Прости за все, что тебе пришлось пережить из-за меня...

— Тсс, у нас еще будет время об этом поговорить. Мы потом все обсудим и во всем разберемся. А сейчас тебе нужен отдых.

— Нет. — Данте переполняла радость оттого, что он проснулся, оттого, что Тесс была рядом, ему не хотелось вновь погружаться в сон и разлучаться с ней. — Я должен сказать тебе

нечто важное. Мне снился кошмар, я терял тебя, я знаю, как это страшно. Я не хочу, чтобы это случилось в реальности. Мне нужна уверенность, что ты в безопасности...

— Я здесь. Ты спас меня, Данте.

— Это ты спасла меня, Тесс. — Он с благодарностью погладил ее по бархатистой щеке.

Чудесные руки Тесс вылечили его ожоги; в первую ночь их знакомства, когда он балансировал на грани жизни и смерти, она дала ему свою кровь и вернула силы, но не об этом сейчас говорил Данте. Она спасала его не единожды. Эта женщина владела его телом, сердцем и душой, и он хотел, чтобы она знала об этом.

— Тесс, когда я с тобой, все меняется. Мое существование наполняется смыслом после стольких лет бегства в темноте. Ты стала моим светом, целью моей жизни. Я глубоко привязан к тебе. Никогда у меня не будет другой женщины.

— Отныне мы соединены кровными узами. — Легкая улыбка тронула губы Тесс. Но вдруг она нахмурилась и опустила глаза. — А если бы в ту ночь в клинике ты не укусил меня... без кровной связи ты бы...

— Полюбил тебя? — закончил Данте, за подбородок поднимая ее лицо так, чтобы она могла видеть его глаза. — Ты всегда была в моем сердце, только до вчерашней ночи я этого не знал. Всю жизнь я искал тебя, с тобой меня связывало видение смерти, твоей смерти, которая вчера ночью чуть не отняла тебя у меня.

Данте погладил ее по спутанным русым волосам, волнистая прядь закрутилась вокруг его пальца.

— Знаешь, моя мать верила в судьбу, хотя знала, что ее ждет много горестей и потерь. Я никогда не желал смириться с тем, что все предопределено. Я считал себя выше этих предрассудков. Но, Тесс, именно судьба свела нас. Сейчас я не могу этого отрицать. Господи, Тесс, если бы ты знала, как долго я тебя ждал.

— Данте, — прошептала Тесс, моргая, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы. — Я не была готова услышать все это. Я так боюсь...

Данте еще крепче обнял ее, сердце замерло при мысли, что ей пришлось пережить из-за него. Он знал, что события прошлой ночи надолго останутся в ее памяти, — столько смертей и страданий. Он не желал, чтобы нечто подобное повторилось в ее жизни.

— Тесс, я хочу, чтобы ты всегда находилась в безопасности, чтобы я всегда мог защитить тебя. Наш Род владеет домами, куда мы могли бы переехать. Я уже говорил с Чейзом о переселении в Темную Гавань.

— Нет. — У Тесс екнуло сердце, она высвободилась из объятий Данте, села и покачала головой. — Нет, Данте...

Он лишился дара речи и молча ждал, что она скажет, понимая, что у нее есть все основания отвергнуть его. Многие из его поступков заслуживали ее презрения, но он все же чувствовал, что она не совсем равнодушна к нему. Он очень на это надеялся.

— Тесс, если ты скажешь, что не любишь меня...

— Я люблю тебя, — после долгой паузы снова заговорила Тесс. — Люблю всем сердцем.

— Тогда что?

Тесс внимательно посмотрела на него, ее зеленовато-голубые глаза увлажнились, но решимости она не утратила.

— Я устала убегать. Устала прятаться. Ты открыл мне мир, о существовании которого я даже не подозревала. Твой мир, Данте.

Он улыбнулся:

— Это и твой мир тоже.

— Да. И этот бункер, и те, кто здесь живет. Твой мир мрачный и опасный, Данте, но вместе с тем он удивительный, как и ты, как сама жизнь. Не проси меня убегать от всего этого. Я хочу быть с тобой и, значит, там, где ты живешь, где твоя семья, — здесь.

— Моя семья?

Тесс кивнула:

— Да, это воины и их подруги. Они любят тебя. Сегодня я это увидела. Может быть, со временем они полюбят и меня.

— Тесс. — Данте притянул ее к себе и обнял, радость трепетала в его сердце, он был благодарен Тесс. — Ты хочешь остаться здесь? Быть подругой воина?

— Подругой моего воина, — поправила Тесс, улыбаясь и глядя на него сияющими любовью глазами. — На иное я не согласна.

У Данте пересохло в горле. Он не заслуживал такого счастья. После всего, что им пришлось пережить, после столь долгого бегства от себя самого его сердце наконец обрело пристанище. С Тесс. С его возлюбленной.

— Что ты на это скажешь? — спросила Тесс. — Ты согласен?

— На веки вечные — твой! — торжественно произнес Данте, крепко прижал ее к себе и скрепил союз долгим, страстным поцелуем.